

Руслан Галеев Черепажовый суп

<http://litres.ru>

«Руслан Галеев. Черепажовый суп»: Литпром, Астрель; Москва; 2009

ISBN 978-5-903873-08-1, 978-5-271-23497-2

Аннотация

Плоская Земля покоится на спинах трех слонов, которые, в свою очередь, попирают ногами исполинскую Черепаху. Человечество – просто нарост на ее спине. А на Земле в результате ядерных войн образовалась зона заражения – Эпицентр. Герои романа «Черепажовый суп» – сталкеры. Они должны, преодолев все опасности и сразившись с монстрами, которыми кишит Эпицентр, доставить Полковнику ценный груз. Что это за груз и чем закончится трип?

Руслан Галеев Черепажовый суп

Анатолию Машкину, благодаря которому эта книга была написана.

Евгении, благодаря которой я пишу.

ПРОЛОГ

Ветер с севера, с гор. Это плохо...

В этом климате нет времен года, нет сезонных вещей. Но иногда с севера приходит ветер, и через несколько часов все затягивает туманом. Дома и одежда пропитываются сыростью, а в воздухе носится запах плесени. Уже через пару дней такая погода начинает действовать на нервы, а через неделю обнаруживаешь, что ты пьян и бросаешься на стены. Кажется, что за эту неделю сырость проникает в мозг и оседает там, но никакими дозами алкоголя ее не вытравить. А наркотики я никогда не воспринимал как выход. Да и не достать их в этом городе.

Здесь пьют. Этим все сказано. Просто до хрена всего сказано. В городе Самерсене с народонаселением в семь с половиной тысяч человек пьют все: хлебобобы, рыбаки,

придурковатый викарий. Викарий – даже больше остальных. Наверное, потому что умнее... Здесь пустая жизнь. Пустая и мало чем отличающаяся от скотской. Единственное, что держит меня в этом забытом Богом болоте, – одиночество и относительная недоступность для тех людей, с которыми я провел большую часть жизни. Вернее, для всего одного человека. Женщины, которую я боюсь больше самой смерти, женщины, которая стала для меня олицетворением худшего.

А одиночество... Что ж, я не самый общительный человек и не люблю, когда лезут в мою жизнь. А здесь все: и рыбаки, и хлеборобы, и викарий – одиноки, в какие бы группы и группировки не сводило их ежевечернее пьянство: глубокое, в ноль, до потери мировосприятия. Здесь пьют, чтобы еще глубже уйти в себя. Чтобы отгородиться рвотными судорогами и жесточайшим похмельем от унылой жизни двуногого скота. Уйти в искусственную пустоту от пустоты абсолютной. А наркотики – всегда попытка выйти за грань, только какие здесь к черту грани...

Я сбежал в Самерсен три года назад... И за эти три года ничего не изменилось. Ничего. Но я почти привык.

Единственное, с чем мне так и не удалось смириться, – так это с туманами, пригоняемыми северным ветром со стороны гор. Однако на сей раз я намерен уйти раньше, чем начнется ветер. Сбежать. Надолго. Возможно, навсегда. Знаете, мне хватило этих трех лет, по-настоящему хватило.

На прикроватной тумбочке телеграмма. Я смотрю на нее и, черт побери, я рад ее видеть. Такая допотопная вещь во времена World Wide Web. Три года я боялся ее получить, а теперь думаю, что она – мой билет из этой жизни, в которую я, кажется, начал прорастать.

Лопасты вентилятора с тупой настойчивостью молотят воздух под потолком. Занавески на окне вяло шевелятся... Стол, печатная машинка, сотни две исписанных страниц, никому кроме меня не нужных. Панцирная кровать, стул, тумбочка. Окно с видом на опостылевший пейзаж: убегающие к горизонту холмы, поросшие жесткой, как свиная щетина, травой. Через неделю их лицезрения теряешь всякий контакт со временем, и факт бессмысленного существования донимает тебя уже только по привычке. А если и шелохнется что-то в глубине души, то это легко заглушить алкоголем.

Это замкнутый круг. Постоянное пьянство жителей Самерсена превращает жизнь в бесконечно унылую череду дней, сбежать от которой здесь можно только в алкоголизм. Я тоже пью. Не так много, как остальные, но все-таки пью. Еще спасают привезенные из убогого городского магазинчика книги. И моя рукопись, которая никогда не будет опубликована, потому что, если честно, в ней я подставляю многих людей. (Но Полковник сказал мне: «Кто-то же должен об этом написать!») Если в не книги и рукопись, я пил бы, как все. Глядя на викария, я понимал, что такой момент рано или поздно наступит. И наступил бы, не получи я телеграмму...

Беда в том, что уже через пару месяцев пребывания в таких местах, как Самерсен, уехать очень сложно. Да, вы ненавидите их. Но все равно в них вращаете. Они пропитывают вас – точно так же, как туман пропитывает одежду. И становится страшно что-то менять...

Дверь открывается без стука, и в комнату неуверенной походкой входит викарий. На пороге он застывает и упирается раскалиброванным взглядом в собранный рюкзак на кровати, лежащий рядом с дробовиком и связку ключей.

– Макс... Ты уезжаешь?

Я молча закидываю рюкзак за спину, в левую руку беру помповик, в правую – ключи. В рюкзаке – рукопись. Викарий не сводит взгляда с теперь уже пустой кровати. Белье и матрас скатаны в рулон, под голой сеткой – прямоугольник пыли.

– Последись за моей берлогой, приятель? – спрашиваю я уже из коридора...

Часть первая ROAD MOVIE

1. Большое кольцо

– Куда прешь, твою мать! Убери свое корыто с дороги!

Несколько лет назад, до того, как мне пришлось осесть в Самерсене, я точно так же материл деревенских водил, вечно путающихся под колесами на оживленных трассах. Теперь я и сам плохо ориентируюсь на Большом кольце. Поэтому не реагирую на окрики. Задевает только одно. Моя машина *не* корыто. Потому что настоящий ЗИС-110 1951 года выпуска, который я перебрал по винтику своими руками, – это машина, которой можно, более того, нужно гордиться... Хотя, возможно, с высоты какого-нибудь тракера-дальнобойщика или тяжело груженного лесовоза любая машина, не превышающая в холке диаметр их колеса, кажется корытом. И все же я оставляю за собой право оспаривать данную точку зрения.

Этот ЗИС – все, что у меня осталось от прошлой жизни. Вернее, все, что мне оставили... Потому что три года назад ни этого ЗИСа, ни меня уже не должно было быть. Но писать об этом сейчас мне не хочется. Всему свое время.

И все же, как ни крути, выехать после трех лет езды по сельским дорогам на Большое кольцо – не так легко, как кажется на первый взгляд. И тем утром мне довелось испытать это на собственной шкуре.

Я не успел вовремя перестроиться в правый ряд и начал спешно притормаживать ближе к повороту. Тогда-то на меня и обрушился оглушительный вопль раненого слона. Ехавший следом грузовик «Scout» явно не ожидал таких нелепых (действительно нелепых) маневров со стороны летящего на бреющем «корыта». Он выдавил из своих тормозов все, что мог, но инерция огромного, забитого контейнерами прицепа повела его юзом. Гигантское чудовище с колесами в два моих роста летело на мой антикварный ЗИС, и тяжело груженный прицеп начало заносить влево (я увидел, как затормозил и, кажется, успел от него увернуться какой-то потрепанный «форд»). Вцепившись в руль побелевшими пальцами и вдавив педаль газа едва ли не в асфальт, я заставил ЗИС втереться между визжащим тормозами «фольксвагеном» и дряхлой «ладой» с тонированными стеклами.

В зеркало заднего вида я заметил, как из остановившегося грузовика вылетел водитель в брезентовом комбезе. Он что-то орал и махал руками, но я решил не реагировать. Тем более что был занят – вытирал с лица капли ледяного пота.

Я не испугался водителя грузовика. Жизнь в Самерсене превратила меня в пилота «корыта» и отчасти сказалась на моих умственных способностях. Но драки в Самерсене так же обыденны, как и само пьянство. Хлеборобы против рыбаков, тиффози одного клуба против хулз другого, белые против цветных, христиане против мусульман, кто угодно против кого угодно. Особенно по пятницам, когда одного алкогольного дурмана уже недостаточно, чтобы снять напряжение минувшей рабочей недели.

Так вот, я очень старался держать себя в форме. Каждую пятницу выходил из дома, шел в «Эй, не спать», потягивал пиво и ждал. А потом присоединялся к толпе. К хлеборобам, рыбакам, тиффози, христианам, мусульманам, белым или желтым, – к кому угодно. Я не мог позволить себе потерять форму, потому что верил – рано или поздно я получу телеграмму...

Так что дело было не в возможном спарринге с брезентовым водителем грузовика. Просто в тот самый момент, в ту самую секунду, когда «Scout» издал вопль раненного слона, меня накрыло яркое воспоминание. Ровно три года назад огромный лесовоз точно так же летел на мою машину... Только тогда это не было случайностью или следствием моей растерянности на дороге, а лесовоз – не тормозил.

Короче говоря, я ушел с Большого кольца, нашел ближайшую парковку и остановился. Время поджимало, но ехать дальше в таком состоянии не стоило. Одна сигарета, решил я, вдавливая прикуриватель...

Три года назад я очень любил две трассы: «1969» и Большое кольцо. Стремительное движение, круглосуточный непокой, постоянная необходимость маневрировать, особенно в будни, когда все куда-то торопятся, – хорошая разрядка, лучше любой пьяной драки в

Самерсене. Нужно постоянно быть начеку, ведь в зажатом меж бетонных плит ущелье скоростного шоссе какой-нибудь стальной диплодок, типа лесовоза или рефрижератора, так и норовит подмять твою машину, втереть ее в асфальт, разложить на составные части. А когда усташь от напряжения – сворачиваешь в любой радиал и находишь парковку. Обычно, остановившись, я доставал с заднего сиденья ноутбук. После бешеной гонки на выживание легко писалось о другой территории, где смерть была привычна, как пища, и ничем не напоминала игру. Там вообще играми не пахнет.

Краткая географическая справка (исключительно по просьбе Полковника). Земля, разумеется, плоская. Она покоится на спинах трех слонов, которые, в свою очередь, попирают ногами Великую Черепаху. Астрономы детально изучили видимую часть панциря Черепахи, однако головы никто никогда не видел. Есть мнение, что Черепаха давным-давно сдохла, и по океану плывет только непотопляемый панцирь. Лично я видел его только на фотографиях в Интернете. А вот бивни слонов с нанесенным на них точечным рисунком созвездий однажды лицезрел собственными глазами, что называется, непосредственно. Для этого пришлось раскошелиться на экскурсию по Международному космическому комплексу и заглянуть в святая святых: в зрачок исполинского телескопа МКК-3000.

Описывать увиденное и то, что я при этом почувствовал, – не стану. Слава богу, существуют вещи, которые невозможно описать словами. Низвести до слов. Если ваша цивилизация достигла того уровня, когда можно увидеть рисунок созвездий на бивнях слонов, – вы меня поймете.

Далее. Геополитическая информация. Земля имеет форму диска, ныне ее территория разбита на четыре зоны влияния – метрополии. По большому счету это зоны влияния четырех мегаполисов: Вашингтон на западе, Москва на севере, Токио на востоке и Абу-Даби на юге.

Ну, а центр планетарного диска занимает Неподконтрольная Дистанция, которую в просторечье окрестили Эпицентром. Ранее здесь располагалась пятая метрополия – зона влияния богатого и прекрасного мегаполиса Нагасаки. Однако во время последней войны на нее было сброшено неопределенное количество рождественских бандеролей с милыми упаковками продуктов полураспада. В результате чего, собственно, и появилась Неподконтрольная Дистанция. Насколько мне известно, с тех пор на территорию Эпицентра отправили несколько научных и с десятков военных экспедиций, ни одна из которых не вернулась обратно. Что меня нисколько не удивляет... Мне ведь хорошо знакомо это место. Как и любому сталкеру.

Я прикурил вторую сигарету от окурка первой, выключил кондиционер и опустил стекла. В лицо ударил пропеченный воздух Большого кольца, насквозь пропитанный выхлопными газами... Эта трасса проходит по всему внешнему радиусу диска, и поступающие извне воздушные массы загоняют выхлопы внутрь. Думаю, если в зоне видимости астрономических приборов вдруг окажется другая Черепаха, несущая планетарный диск (как в 1844 году), то Земля будет выглядеть как мутное марево, увенчанное дымной шапкой. Цивилизация – тоже своеобразный двигатель внутреннего сгорания.

Слева от моего ЗИСа припаркован «фольксваген-жук» канареечного цвета. Но не легендарная машина, символ эпохи и тому подобное, а современная пародия на нее, похожая на брелок от ключей. Справа место свободно, а сразу за ним – пафосный черный «бентли» с настолько затонированными стеклами, что кажется – их и вовсе нет. За «бентли» – сплошной поток ответившегося от Большого кольца радиала. Броуновское движение многочисленных «лад», «мерседесов», «фордов» и прочего моторизованного железа; дорожное ограждение выполняет функции демонов Максвелла. Ну а выше – только Солнце, мертвой хваткой вцепившееся в зенит. Оно плавит стекла пролетающих машин, бьет и сквозь тонировку, и сквозь солнцезащитные очки...

Докуриваю, поднимаю стекла, включаю кондиционер. Нажимаю «play» на панели олдовой магнитолы. Дик Дэйл избавляет меня от необходимости слушать звуки Большого

кольца. На ручных часах, болтающихся на зеркале заднего вида, – 12.42. Паром отходит через час восемнадцать минут.

...2. Клуб анонимных свидетелей

По мере удаления от Большого кольца поток становится менее плотным, а скорость из-за многочисленных ограничительных знаков падает.

Минут через сорок выхватываю взглядом указатель с аббревиатурой «WZ-001». Понятия не имею, что это значит, но если верить дорожному атласу, именно эта трасса мне и нужна. На сей раз вовремя меняю ряд и поворачиваю без эксцессов.

Сразу после поворота на обочине приткнулась полицейская машина. На ее стеклах – такая же густая тонировка, как у того «бентли» на парковке. И это не единственная черта, объединяющая криминалитет и правоохранительные органы. Их отношения можно охарактеризовать как «единство (но, к сожалению, не борьба) противоположностей». Симбиоз на базе общих интересов.

Как только мой ЗИС минует поворот, из полицейской машины выползает снулый, похожий на пассивного гея полицейский и дает отмашку. Я послушно поворачиваю к обочине, правой рукой рефлекторно проверяю положение охотничьего ножа «Ozzy» на поясе. Стрелять у всех на глазах из помпового дробовика – глупо. Потому что, во-первых, как минимум еще один полицейский остался в машине дожевывать пончики, а во-вторых, трасса недостаточно пустынна, чтоб можно было без палева замочить представителя правопорядка. Слишком много среди нас так называемых анонимных свидетелей правонарушения. И не знают этого только те, кто никогда не преступал закон. Даже по мелочи, например, нарушая правила дорожного движения или стреляя по бутылкам из пневматики. Такие свидетели куда менее могущественны, нежели, например, масоны, но результаты их деятельности зачастую гораздо более разрушительны.

В принципе, никакой опасности этот полицейский представлять не может. ЗИС в порядке, номера новые, документы в наличии. Так что движение мое было исключительно рефлекторным. И это прекрасно, это значит, что я еще не окончательно раскис в самерсенском болоте. Что касается оружия, то необходимые документы были выписаны *официально* на мое имя по нынешнему паспорту самерсенским окружным паспортным управлением. Это обошлось мне всего в один ящик не слишком дорогого виски...

– Ваши документы, – с ходу начинает полис, забыв представиться и приложить ладонь к козырьку.

Я молча протягиваю в окно документы и ставлю магнитулу на «mute». Полис изучает поочередно права, карточку техосмотра, страховку. Документы на оружие – особенно внимательно. Идиот. Я подготовился тщательно, и подделку среднестатистической аппаратурой не различить. А к высокочувствительной таких, как этот полис, не подпускают. Иначе кто-то из них может нажать из любопытства кнопку, и Земле придет конец.

– Что-то не так? – спрашиваю я исключительно ради проформы.

– У вас с собой помповое ружье и охотничий нож?

– Да.

– Я-а-асно, – тянет полицейский, и его глаза стекленеют.

Он судорожно пытается придумать, как вытянуть деньги. И если бы меня не поджимало время, ему бы ничего не светило. Но я не имею права опоздать на паром, так что, возможно, раскошелиться придется.

– Оружие в багажнике? – уточняет он.

– Ружье – да. Нож на поясе.

– Почему?

А он совсем обнаглел, этот похожий на гея полицейский. Похоже, начитался дешевых детективов.

– Могу я узнать, почему вы задаете такие вопросы?

– Нет, – говорит полицейский с улыбкой ничтожества, у которого появился шанс показать свою власть. К сожалению, это характерно не только для таких вот недалеких представителей общества. Не знаю уж, где искать корни тенденции, учитывая, что большинство людей все-таки подозревают, что дерьмо в любой упаковке остается дерьмом и легко определяется по запаху.

– Нет, – повторяет полицейский и продолжает улыбаться. – Так вы всегда носите при себе нож?

– Да, – отвечаю я и безмятежно улыбаюсь.

Полицейский снова надолго задумывается, а в моей голове мелькает мысль о том, что, может быть, черт с ними, с анонимными свидетелями...

– Откройте багажник и выйдите из машины, – командует он.

– Ну, вот что, – говорю я и вздыхаю.

Этот вздох я отрабатывал еще в годы бурной молодости, когда общаться с тугодумами-полицейскими приходилось едва ли не ежедневно. Он означает: «Я, разумеется, все понимаю и ни в коем случае не оспариваю ваше право проявить служебное рвение. И все же пошли бы вы на хрен, уважаемый».

– Я вижу, – говорю я, – тут какое-то недоразумение. Надеюсь, вы не будете возражать, если я позвоню своему адвокату? – Адвоката у меня никогда не было, но сейчас это не имеет значения.

На плоском лице полицейского отражается очередная попытка обдумать ситуацию.

– То есть, – чуть ли не по слогам произносит он фразу, которую вычитал в дешевом детективе, – вы отказываетесь открыть багажник?

– Ни в коем случае. Я открою его. Но только в присутствии своего адвоката.

Полис как-то растерянно посмотрел на меня, затем снова открыл права и начал что-то переписывать из них в блокнот. Пусть его пишет. До парома меня вряд ли еще раз остановят, а потом я окажусь в ведении другого муниципального округа.

Возвращая документы, он говорит обиженно:

– Думаю, вам еще придется пообщаться с полицией нашего округа.

Разумеется, попрощаться он тоже забыл. Последовательный сукин сын...

Случись подобное в более глухой местности, ни вздохи, ни упоминание об адвокате меня бы не спасли: чем менее оживленно, тем более размытой становится грань между законом и криминалом. Но тут, в непосредственной близости от Большого кольца, а значит, и посторонних глаз, полицейские вынуждены себя держать (хотя бы относительно) в рамках закона. Они ведь тоже опасаются анонимных свидетелей правонарушений.

Беседа с полицейским заняла немало времени, и я оказался в цейтноте. Пришлось срочно выдавливать из себя пилота «провинциального корыта». Спасибо инстинкту самосохранения менее провинциальных водителей, да еще, пожалуй, моим просыпающимся рефлексам (в куда меньшей степени), до цели я добрался благополучно.

На паром под хмурым взглядом паромщика с помятой сигаретой в зубах я въезжал последним. Солнце как раз перевалило через зенит и теперь лениво разбрасывало ртуть по гофрированной поверхности реки. Я отыскал свободное место на втором ярусе, поставил ЗИС на ручной тормоз и опустил солнцезащитный козырек.

Паромщик Жак и глазом не моргнул при виде меня, но я знал, что мы пообщаемся. Позже. Славный он парень и далеко не дурак. Думаю, мы могли бы стать хорошими друзьями, будь у нас возможность общаться почаще до того, как мне пришлось затаиться в Самерсене...

Мой дредноут оказался между новенькой «ауди» и древним «фордом» естественного ржавого цвета и, на мой взгляд, добавил этому автоиндустриальному кадру определенный налет аристократизма. В «форде» дремал, надвинув шляпу на глаза, типичный представитель местного фермерства. В «ауди», положив книгу на руль и высунув в окно руку с тлеющей ультратонкой сигаретой, восседала отроковица лет осьмнадцати с по-детски курносым гладеньким личиком, уже, впрочем, слегка подпорченным флером интеллигентного

блядства. Ни тот, ни другая никак не отреагировали на мое появление. Меня это вполне устраивало.

3. Марта

Под мерное качание парома на меня наваливалась тяжелая, грозящая головной болью дрема. А вместе с ней и образы, которых я тщательно избегал.

Там, в Самерсене, была женщина. Марта... Жена фермера с хутора на окраине.

Марту выдали замуж чуть ли не в пятнадцать лет. Ко времени нашего знакомства ей было двадцать семь. Трое детей, хозяйство, ранние морщины и периодически обновляющиеся синяки на теле. Иногда Марта не могла вспомнить, за что муж избил ее на этот раз.

Она приезжала в город раз в две недели – заказать кое-какие вещи и забрать заказанное в прошлый раз. А потом приходила ко мне. Ненадолго – на час, иногда немного задерживалась. И я ждал ее. Каждый раз... Она – это все, что было у меня в те странные три года моей жизни. И подозреваю, я – это все, что было у нее. Так сложилось. Нас и толкнул-то друг к другу безысходность: каждый пытался найти в этих скоротечных, часто безмолвных встречах что-то свое.

Марта перерезала себе вены несколько месяцев назад. Я не знаю, была ли тому конкретная причина или она сделала это потому же, почему приходила ко мне. Но каждый раз, думая о ней, я чувствую себя последней мразью. Я ведь всегда держал за пазухой надежду, что рано или поздно свалю из Самерсена. А у нее такой надежды не было, у нее вообще не было никакой надежды. В том числе и на меня. Мы оба знали, что если я уеду, то один...

Она приезжала рано, с одним из первых автобусов, шла по магазинам, в ателье, еще куда-то. А через час черным ходом приходила ко мне. Дом, где я снимал квартиру, стоял на отшибе, а задняя дверь и вовсе выходила в сторону болот. Марту никто никогда не видел...

Она сбрасывала пальто прямо на пол, а я покрывал жадными поцелуями ее лицо, шею, руки... Я чувствовал себя джанки, получившим долгожданную дозу... Полностью обнаженной я видел Марту только в самый первый раз, позже мы не тратили время на раздевание. Нам всегда его не хватало. Я так и запомнил ее: в расстегнутой блузке, с задранной юбкой, с разбросанными по подушке русыми волосами. У нее было прекрасное тело, она вообще была очень красива, со всеми своими ранними морщинами. Но мне нужно было не ее тело, не скоропалительные сокоупления. Все это я легко мог получить в городском бардаке. Марта была моим глотком воздуха, спасительной инъекцией. Я мог бы любить эту женщину, но любил то ложное ощущение счастливой амнезии, которое она мне приносила.

Марта была моим лекарством. И одновременно ядом, который пропитывал мою жизнь... Алкоголь и обыденность – лучшие лекарства от надежды. И если бы Марта не покончила с собой... я бы, наверное, смирился с жизнью в этом болоте, и никакая телеграмма уже не смогла меня оттуда вытянуть. Смерть Марты стала оплеухой, заставившей меня очнуться. Поле этого я готов был уехать в любую минуту...

Паром пересекает реку не строго перпендикулярно, а сильно забирая вверх по течению. Я открываю глаза и вглядываюсь в лобовое стекло, пытаюсь разглядеть кройцбергские дома. Здесь все иначе, не так, как в Самерсене. Наверняка у этих людей тоже есть свои черные дни, свои камни, тупики и айсберги. Иначе не бывает. Уверен, что даже у домашних канареек, отупевших от обилия комбикорма и редких свободных полетов по квартире с целью обгадить-таки видимое через решетку, – даже у этих рафинированных пичуг имеются свои Сцилла и Харибда. Но от кройцбергских домов на той стороне реки не разило такой безысходностью, как от фермерских лачуг Самерсена. А город, из которого мне удалось сбежать, весь – от осевших фундаментов до загаженных голубями крыш – пропитался тоскливой плесенью. Но самое главное, самое, мать его, страшное:

он оседал в душах людей. Они же там, в Самерсене, все поголовно, как зомби. Серые тени, а не люди. Их глаза никогда не горят, только слезятся с похмелья, а сердцебиение учащается лишь в предвкушении очередной порции средства, помогающего спрятаться от самих себя! Я жил в этом сером цвете, я сам был им, я лакал и сблевывал его. Я хорошо с ним знаком.

А в кройцбергских домах обитало какое-то необъяснимое счастье. Мне было приятно разглядывать игрушечные постройки на противоположном берегу. Глядя на них, хотелось улыбаться.

Последний раз я улыбался четыре месяца назад, глядя в глаза Марты. Все уже закончилось, но она продолжала сжимать мою спину бедрами, и наше неровное хриплое дыхание смешивалось с запахами пота и специфическим духом моей холостяцкой норы. Мы улыбались, глядя друг другу в глаза, и ни о чем не думали. Это было главным условием наших встреч – не думать ни о чем. Это было единственное, для чего мы встречались. По крайней мере, я...

4. Колесо Жака

Паром миновал буи, обозначающие границы территорий разных муниципалитетов. Я вылез из машины, закурил и неторопливо двинулся к рубке. Жак с неизменной сигаретой в зубах не отреагировал на мое появление. Он стоял около рубки, облокотившись о поручни, и хмуро вглядывался куда-то вдаль, точно пытаюсь найти там причину своего плохого настроения. После того как все паромы на реке оснастили электронным оборудованием, должность паромщика стала чисто номинальной. Иногда, особенно весной, в период таяния снегов, когда река переполняется и меняет очертания берегов, Жаку удастся встать к штурвалу и снова почувствовать себя первым после Бога. Остальное время он уныло курит, облокотившись о поручни. Три года назад, во время нашей последней встречи, Жак клялся, что еще месяц-другой, и он свалит с этой неблагодарной работы. Он верил, что место для него всегда найдется. Но я знаю: Жак никогда не покинет паром по собственной инициативе. Он, как и его древняя посуда, навсегда привязан к давным-давно не существующему паромному тросу, растянутому между берегами.

Я встал рядом с Жаком, облокотился о поручни. Он проговорил едва слышно, не вынимая изо рта сигарету:

– Значит, больше не прячешься?

– Значит, так и мотаешься? – вопросом на вопрос ответил я.

Жак кивнул.

– Так и есть.

– Ты совсем не изменился, приятель.

– Угу. – Жак сплюнул окурочек на палубу и аккуратно растоптал. Он терпеть не мог, когда мусор бросали в реку, даже если это был просто окурочек. Однажды какой-то придурочек слил за борт полканистры масла. Жак сломал ему челюсть. Молча. В трех местах. Не потому, что был фанатичным экологом. У него были свои причины.

– Я, брат, сейчас в таком возрасте, когда меняться либо уже поздно, либо еще рано. Прыщи сошли, но хрен еще стоит. А ты как? Просто прогуляться или...

– Или.

– Угу. Ну, удачи.

– Спасибо.

Жак оттолкнулся от поручня и неторопливо двинулся к рубке. До пристани оставалось не больше трех минут хода, и паромщику надо было выполнять свои обязанности. Я докурив и, точно так же оттолкнувшись от поручня, побрел к своему ЗИСу.

Поскольку в этой истории паромщик Жак больше фигурировать не будет, мне бы хотелось кое-что о нем рассказать. Просто потому, что он на самом деле отличный дядька и, доведись нам чуть больше и чаще общаться, мы могли стать хорошими друзьями. И будь у

этого мира чуть больше будущего – тоже. Ну а раз все вышло так, как вышло, я просто расскажу историю этого парня, которую подслушал в одной из забегаловок неподалеку от Кройцбергской пристани. Во время последней войны Жак точно так же работал паромщиком, правда, значительно выше по течению. Его семья –

жена и двое дочерей – жила в одном из кройцбергских домишек на левом берегу.

Каждое утро Жак садился на старый, купленный по случаю, трофейный мотоцикл «ДКВ» и мчался в соседний городок Вально. Там он оставлял чудо инженерной мысли во дворе у приятеля и пересаживался в вахтенный «фердинанд». Автобус отвозил горнорабочих к Вальновским угольным разработкам, рядом с которыми в первые же годы войны была построена паромная переправа. Военные автокараваны доставляли с Большого кольца солдат, боеприпасы, медикаменты и военную технику, а Жак переправлял все это на левый берег. Там он забирал госпитальные машины с ранеными и порожние грузовики и вез их на правый берег. И так – с пяти утра до девяти вечера все 365 дней первого года войны.

За это время линия фронта трижды приближалась к Вально и Кройцбергу и трижды отбрасывалась назад. Причина понятна – максимальное сближение берегов, облегчающее переправу, и близость Большого кольца. Но лишь однажды крестоносцам удалось захватить этот район. Всего на три дня. К Вально и Кройцбергу прорвалась легендарная по жестокости и бесчеловечности «Verfault Stoff». Все произошло стремительно, никто из жителей не успел выехать. А доблестные рыцари «Verfault Stoff», помимо непосредственной задачи удержания стратегически важного плацдарма, занялись «прославившим» их крещением. Огнем, мечом и водой. Улицы Вально и Кройцберга почернели от крови. Дома превратились в семейные склепы. А молодых, способных рожать женщин и девчонок загнали на паром, вывезли на середину реки и утопили. Их просто приковали к огромному пароходному колесу и сбросили его в воду. Смерть вообще не склонна к усложнениям.

Второй год войны был единственным годом в жизни Жака, когда он не работал на пароме. Он ушел на фронт. Сначала с какой-то трупперской бригадой. Потом его перевели в диверсионный корпус генерала Омана. И среди крестоносцев поползла легенда о свирепом Жаке.

Жака не посылали за «языками» – он всегда проваливал такие задания. Его отправляли только туда, где никто не должен был выжить.

Под конец второго года войны он демобилизовался с тяжелой контузией. Вернулся к реке и снова устроился паромщиком. Но из Вально перевелся в Кройцберг. Так и водит с тех пор свой паром от берега к берегу, изо дня в день. А река в этом месте очень глубокая. Колесо так и не нашли...

5. Зонтичный Человек

Кройцберг – один из самых красивых городов на планетарном диске. Я много где побывал и могу утверждать это со всей ответственностью. После войны жители сами отстраивали его заново, и на фундаментах вчерашних пепелищ выросли аккуратные двух-трехэтажные дома. Те самые, что я разглядывал с парома.

Вально, который отстраивало государство силами еще не расформированной армии, отличается от Кройцберга, как собор Гауди от военной казармы. Однотипные пятиэтажки силикатного кирпича, прямые улицы и промышленные кварталы. Вально превратился в индустриальный городок, ныне он превосходит Кройцберг по площади и по количеству населения. Но остается настоящей дырой, лишь немногим менее безрадостной, чем Самерсен. Мне пришлось побывать в Вально дважды с перерывом чуть меньше чем в десять лет. Так вот, за эти 10 лет ничего не изменилось, разве что обветшало. Приехать из Кройцберга в Вально – все равно что из Западного Берлина в Восточный тогда, когда столицу крестоносцев разделяла уродливая стена, на обломках которой позже весело отождли парни из «Pink Floyd».

В общем, я стараюсь избегать таких мест, как Вально. Вот и теперь, хотя путь через

индустриальный ад короче километров на сорок-пятьдесят, я предпочитаю трассу «1969». Она делает значительный крюк к югу и кое-где не очень удобна для проезда. К тому же ее не ремонтировали последние лет этак десять, так что особенно на ней не разгонишься. Но все это ерунда по сравнению с тоской, которую сулит более короткая дорога.

Теперь время меня не поджигает: я успел на последний дневной паром, принимающий пассажиров. Следующие несколько часов Жаку придется переправлять исключительно муниципальный грузовой транспорт, курсирующий от Вально-Кройцбергской грузовой железнодорожной станции до Большого кольца и обратно.

Я задержался на Кройцбергской пристани, чтоб купить сигарет. А когда возвращался к ЗИСу, едва слышно прогремел гром. Я покинул узкое кольцо стабильного климата Самерсена, а здесь, на окраине планетарного диска, погода меняется стремительно, хотя лето и считается более спокойным временем года.

– Не желаете приобрести зонтик? – проговорил, появляясь, как обычно, из ниоткуда, Зонтичный Человек.

Вообще-то у него есть имя и фамилия, кроме того, он носит форму с шевронами береговой службы Речфлота. Но все мои знакомые, в том числе и Жак, иначе как Зонтичным Человеком его не называют.

Он работает на речном вокзале то ли смотрителем, то ли кем-то еще в этом роде. Но основной его заработок – выручка от продажи подержанных зонтов.

Люди постоянно забывают какие-то вещи на вокзале, их исправно сдают в бюро находок, где хранят какое-то обозначенное в инструкциях время. За относительно дорогими вещами возвращаются, но за чем-то вроде тех же зонтов – крайне редко. Почти никогда.

По истечении положенного срока работники речного вокзала делят невостребованные вещи между собой. Зонтичный Человек, как нетрудно догадаться, забирает зонты. И продает по дешевке приезжим. Это приносит ему пусть небольшой, но вполне ощутимый доход. Позволяющий, в частности, не расходовать деньги из семейного бюджета на ежевечернюю кружку пива после работы. Иногда это дорогого стоит.

– Сколько? – спросил я.

– Для постоянных покупателей скидка, – улыбнулся Зонтичный Человек, – даже если они пропадают годами. Поэтому всего десять зеленых.

– Ты когда-нибудь прогоришь с такими ценами.

– Ни в коем случае. – Зонтичный Человек смешно покачал головой и со всей серьезностью заверил меня: – Я внимательно слежу за тенденциями рынка и ростом инфляции.

– Вот оно как, – киваю я с не менее серьезным видом и выбираю темно-зеленый зонт-автомат.

В багажнике моего ЗИСа уже хранится один, купленный у Зонтичного Человека, еще несколько я где-то потерял. Зонты, ключи и зажигалки пропадают у меня с подозрительной регулярностью.

Никогда не был скупердяем, но и особенно щедрым назвать себя не могу. Даже в дни студенческих пьянок, горланя осипшим голосом стандартные слоганы типа «деньги – пыль», я на самом деле так не считал. Нет, деньги не пыль, они элемент бытия, кусок большого пазла, без которого нет законченной картинки. Но если придавать им слишком большое значение, можно превратить свою жизнь в каторгу. Мне приходилось встречать людей, полностью отдающихся зарабатыванию денег и вполне преуспевших на этом поприще. Я даже не могу сказать, плохо это или хорошо, просто это не мое. Я глубоко убежден, что жизнь и жизнь ради заработка денег – далеко не одно и то же, но это мое субъективное мнение, я никому его не навязываю. Мне нравится просто жизнь.

Один мой знакомый со странным прозвищем Сабж (этому персонажу еще предстоит занять положенное место в данной рукописи) сказал как-то: «Чтобы никогда не париться по поводу денег, надо их иметь в максимально возможном количестве. Но чтобы иметь максимально возможное количество денег, о них надо постоянно париться». Сабж далеко не

глуп, хотя и строит из себя придурка.

Каждый раз, когда Зонтичный Человек предлагает мне зонт, я покупаю. Мои маленькие медяки падают в маленький кошелек этого маленького предпринимателя. Это даст ему возможность еще один маленький вечер провести за кружкой пива. А мне ведь, и правда, не трудно. По различным причинам я, как и все, вынужден совершать множество плохих поступков. И не в противовес этому, а просто чтобы не чувствовать себя последней сволочью, иногда стоит сделать что-то мелкое, незначительное, может быть, даже бессмысленное – но хорошее. Просто так, из блаженной корысти – чтобы потом иметь право сказать себе: «Не такая уж я и мразь».

Следующие несколько часов я старался не уснуть за баранкой на пустынной трассе «1969». Абсолютно ровная, без единого кустика желто-рыжая степь, шары перекасти-поля, летящие под колеса... Несколько встречных грузовиков дальнотойщиков да автобус, который я обогнал еще в предместьях Кройцберга. Довольно скучно, но я предпочитаю скуку тоске. Единственный минус – я толком не спал предыдущей ночью, и теперь веки тяжелели с каждым километром. Потом ЗИС ощутимо дернуло – видимо, на выбоине, каких на «1969» немало. Я вздрогнул и понял, что дальше так продолжаться не может. Свернув к обочине, выключил двигатель, вышел из ЗИСа и залез на капот. «When I was seventeen, it was a very good year¹», – доносилось из колонок. «Надо было поставить что-нибудь более бодрое, – подумал я, закрывая глаза, – Синатра никак не тянет на кофеин».

6. « I Did It My Way»

– Эй-эй, чувак, ты чего?! Ты же меня задушишь, нигер!

Рефлексы нелегко контролировать. Даже умные ребята Брокгауз и Эфрон утверждали, что данные реакции организма происходят «без участия воли и сознания».

Я ослабил хватку, а потом и вовсе расцепил руки.

– Извини, брат...

Тощий Сабж, потирая шею, отступил на шаг и удивленно смотрел на меня.

– Послушай, – сказал он, – я всего лишь увидел знакомую машину и труп на капоте. И собрался заняться мародерством и некрофилией. Разве это преступление?!

– А я всего лишь попытался придушить одного знакомого подонка, – усмехнулся я.

Что мне нравится в Сабже, так это его неистребимо веселое настроение. Этот доходяга будет острить даже там, в потустороннем Освенциме, куда рано или поздно попадают все хорошие парни.

– Благими намерениями устлана дорога в ад, – ответил он, протягивая мне руку.

Сабж плохой боец, но его ценят за другое. Он – Проводник, из тех людей, кто чувствует и знает Эпицентр. Насколько это вообще возможно. Хотя Сабж никогда не любил Эпицентр и не считал его своим домом. Впрочем, не знаю, как бы оно обернулось, проживи он там чуть дольше. Нормальному человеку, такому как мы с вами, это не под силу. Нужно родиться *там* и впитать все, что приносят люди с их неумным стремлением загадить окружающее. Сабж родился в Эпицентре. Он – Проводник, высшая каста сталкеров.

Вообще-то, подробностей о его прошлом я не знаю. Мне известно то же, что и всем нашим.

Мать Сабжа спрятали в Эпицентре, когда в конце шестидесятых началась «охота на ведьм». «Холодная война» была в самом разгаре. Всех инакомыслящих мгновенно записывали в государственные преступники, прятали в психушки, тюрьмы и так далее. В общем, ничего нового я вам по этому поводу не скажу. В архивах Полковника вы сможете найти исчерпывающую и более достоверную информацию о том периоде.

Мать Сабжа жила в метрополии Вашингтона. Во время учебы в университете она

¹ Песня Фрэнка Синатры.

увлеклась марксистскими идеями, и ей не хватило ума скрывать это. Короче, в конечном итоге она выложила необходимую сумму моим коллегам, и ее вместе с еще парой бедолаг спрятали до поры до времени в Эпицентре. К тому времени она была уже беременна.

Сабж родился на Неподконтрольной Дистанции, на Территории Штиля. Теоретически это самое безопасное место за забором, но практически безопасных мест там не существует. Сабж провел в Эпицентре первые три месяца жизни, после чего всех беглецов вывели окольными путями в Токийскую метрополию. Но выйти с территории Эпицентра не значит избавиться от него. Если у эмигрантов рождается ребенок, он автоматически признается гражданином той метрополии, где родился. Эпицентр пометил Сабжа как свою собственность. Поселился в его внутренностях, медленно убивал его, никогда не отпускал. Поэтому у Сабжа нет причин любить Неподконтрольную Дистанцию, зато до хрена причин ненавидеть.

Любитель дорожного мародерства откинул сиденье и, упершись ногами в торпеду, с глупой улыбкой глушил пиво, иногда принимаясь подпевать Синатре с хорошо узнаваемыми интонациями Сиды Вишеса.

– Сабж, какого черта ты опять едешь автостопом?

– А у меня угнали машину. Пару дней назад. Ну, я и решил прогуляться. Тряхнуть, так сказать, стариной.

Не так давно Сабжу стукнул сороковник, и хотя выглядел он на двадцать пять – двадцать восемь, здоровье у него было хуже, чем у шестидесятилетнего.

Врачи не раз обещали Сабжу скорую кончину, но всегда ошибались. Вероятно, в этом и кроется секрет перманентно хорошего настроения Проводника. Каждый новый день он радовался тому, что еще жив, и был не настолько глуп, чтоб тратить оставшееся ему время на сопли и уныние. Конечно, все мы стараемся не думать о таких вещах, но у Сабжа все куда конкретнее. Если бы большинство людей относилось к собственной жизни так же, как мой приятель, уверен, на земле было бы куда приятнее и интереснее жить.

– В полицию, я так понимаю, не заявлял?

– Э-э-э... Видишь ли, я эту тачку сам не так давно позаимствовал. Как пришла, так и ушла. Вот я и решил подойти к проблеме философски и не привлекать органы правопорядка.

– Скажи мне, – покачал головой я, – на хрена ты все время угоняешь чужие тачки? У тебя же денег куры не клюют...

– Ну и что? Мне просто нравится их угонять, а покупать – не нравится.

– Это, конечно, железный аргумент, – усмехнулся я и переключил магнитола на другой диск. Синатра уже в печенках сидел.

– Ну вот, – вздохнул Сабж, – испортил песню. – И принялся голосить во весь голос: – «Ай дид ит ма-а-ай уэ-эй».

Я рассмеялся. Мне всегда нравилось, как он дурачится, а в тот момент ему чертовски не хватало белого смокинга и игрушечного пистолета с пистонами.

7. Трасса «1969»

Озеро Киакуако встретило нас ослепительной зеркальной гладью, которая отражала свет клонящегося к горизонту солнца. Тот, кто не бывал (а теперь уж и не побывает) на берегу этого предгорного водоема, может смело вписывать в свою биографию жирный минус. Киакуако – прекрасно. От него веет первозданностью, которой нет места в сегодняшнем мире. То ли отдаленность от основных муниципальных центров, то ли капризный климат не позволили превратить озеро в очередную туристическую мекку. И это славно. Туристы загадили бы Киакуако, превратив здешнюю дикую природу в грязную клоаку. Они привели бы за собой предприимчивых дельцов, и через несколько месяцев берега озера уже заплотнились бы гостиницы и кормушки разного уровня.

К счастью для Киакуако, здесь особенно не позагораешь и не расслабишься. С гор налетает холодный ветер, а дожди начинаются так внезапно, что способны свести с ума

любого метеоролога. Минимум два месяца в году температура держится ниже нуля, и озеро покрывается толстым слоем льда. Правда, некоторое время на его берегах торчала какая-то хипстерская коммуна (понятия не имею, куда они потом делись), но при всем моем неприятии этого пассивного племени, должен признать: к природе они относятся бережно.

Одним словом, Киакуако повезло. И это еще один повод ехать по «1969», а не через Вально.

Для меня, как для и большинства людей, побывавших в Эпицентре, отношение к природе – пунктик. Мы отлично знаем, к чему может привести ее уничтожение, и давно убедились, что хотя теоретически это известно всем, такое знание никого не остановит. Деньги, гонка вооружений, религиозные и расовые распри творят с людьми странные вещи. Они готовы на все, лишь бы насолить неуголному соседу. Впрочем, я и сам ничуть не лучше. Мы, люди, отличаемся друг от друга не так сильно, как принято считать. Вообще практически не отличаемся.

И еще одну ошибку я допустил, написав «никого не остановит». Если прав старый Полковник, правильно писать «не останавливало».

Между тем воздух пропитывался вечерними сумерками. Сабж задремал. Магнитола запустила по второму кругу пиратскую нарезку «Красных Элвисов» из разных альбомов, но в основном из саундтрека к «Шестиструнному самураю». Они мне нравились. Трасса «1969» сделала плавный поворот, разветвившись на Старый тракт (сразу за озером), и Седьмую восточную (у самых отрогов Плущеровских гор). Я решил остаться на «1969» и минут через двадцать уже летел по зажатой меж двух скал дороге. В ущелье было намного темнее, поэтому я врубил сначала ближний, а потом и дальний свет: встречных машин все равно не было.

В какой-то момент ЗИС основательно тряхнуло на выбоине, Сабж отчаянно всхрипнул и проснулся.

– Ого! Сколько я проспал?

– Около часа.

– Здорово... Я что спросить-то хотел. А ты почему один, без Буги? Вы же вроде всегда в паре работали.

– Мы больше не работаем вместе, – ответил я, чувствуя, как накатывает очередная волна флэшбэков.

– Вот как... – Сабж пожал хилыми плечами, – ну, тогда я снова в люльку, – и надвинул на глаза бейсболку.

До ближайшего мотеля, что находился сразу за выездом из ущелья, было около часа езды.

* * *

Трасса «1969» появилась, как нетрудно догадаться, в самом конце шестидесятых.

Хипповская вольница сменялась тенденциями к радикальному консерватизму. Вчерашние длинноволосые активно переодевались в строгие костюмы-«тройки», прятали в чуланы (но никогда не выбрасывали) потертые джинсы, кожаные куртки с бахромой и фотографии собственных голых задниц, запечатленных на задворках Вудстока. Эти бывшие адепты кислотной революции стали читать своим детям заунывные лекции о вреде наркотиков. Я лично знал особу, которая состояла в комитете по защите нравственности молодежи, выступая за запрет аборт и против легализации проституции, хотя в былые дни сама практиковала свободную любовь, сделала четыре аборта и участвовала в кастингах на порностудиях. Ее не приняли ни в одну, хотя, если покопаться в Интернете, думаю, нетрудно найти эти винтажные ролики (кастинги ведь, как правило, записываются).

И все же тогда, в конце шестидесятых, еще можно было встретить расписанные черепами и ромашками автобусы, еще не придали забвению вчерашнего гуру Бротигана, еще не во всем разуверились. Остатки длинноволосого воинства, обвешавшись ржавяющими

пацификами, ринулись на восток и в Азию. Переделать этот мир никто уже не надеялся и не стремился. Новое, идущее следом поколение, наплевав на нравоучения родителей, выбрало для себя кардинально иную философию «no future», а бывшие друзья и единомышленники теперь при встрече делали вид, что не знакомы, либо превращались в опустившихся джанки, выпрашивающих мелочь на очередной дерьмовый дозьяк.

В 1969 году двенадцать расписных автобусов увезли по этой дороге последних из «первороденных», уже побывавших и на востоке и в Азии, но так и не нашедших того, что искали. Позже их нашли в стороне от основной трассы. Ударная доза. Последний полет. Исход. Называйте как хотите, мне все равно.

С тех пор трасса так и называется «1969». Я не против, мне нравится эта дорога.

8. Флэшбэк

А двадцатью годами позже мы встретились с Буги.

Нелегко поверить в разнополюю дружбу. Те, кто считает, что в таких ситуациях всегда мешает гипотетическая возможность физической близости, отчасти правы. Но Буги вообще не интересовалась мужчинами, а я предпочитал других женщин. Таким образом, ничто не мешало нашей дружбе.

Мы очень быстро нашли общий язык. Никто и никогда не понимал меня так, как она. Почти шесть лет мы работали в паре, да и свободное время часто проводили вместе. Буги была надежным напарником и отличным товарищем. Мне не хватало ее, когда с очередной подружкой (Буги не была сторонницей долговременных и стабильных сексуальных отношений) она отправлялась отдыхать на дорогие курорты. Я мог бы ездить с ними, но считал, что иногда нужно дать напарнице возможность отдохнуть от меня. Короче, мы были, что называется, «не разлей вода». Пока однажды... у Буги не появился мужчина.

Не знаю, существует ли на самом деле пресловутый материнский инстинкт, но с каких-то пор рождение ребенка стало для Буги *ide e fixe*. Причем, несмотря на стойкое отвращение к самцам, она отрицала возможность искусственного оплодотворения и хотела сама забеременеть от мужчины...

Я не вмешивался, оставив ей право самостоятельно давить своих тараканов. Правильно это или нет, не знаю. Думаю все-таки, что правильно, хотя вмешайся я тогда, все могло сложиться по-другому. Оговорюсь сразу, у нас с ней даже мысли не возникало, что отцом мог бы стать я. К тому времени мы настолько сдружились, что это было бы равносильно сексу с сестрой.

Однажды Буги появилась в моей берлоге (я тогда обитал в двух часах езды от Токио) и с порога заявила, что нашла мужчину, под которого готова лечь («Один раз. Ну, или два, если сразу не получится»). Я сказал «О'кей», и мы пошли отпраздновать это событие в ближайший бар, после чего Буги намеревалась надолго бросить пить. Единственное, что мне не нравилось в этой ее заморочке с ребенком, так это то, что я лишился напарника. На несколько лет Буги выпадала из игры. А как-то даже завела разговор, что достаточно богата и могла бы вообще не возвращаться в Эпицентр. В это я, конечно, не верил: мы все были подсажены на впрыски адреналина и протянуть долгое время без очередной инъекции не смогли бы. Если бы не такая зависимость, соскочить можно было уже через пару-тройку лет трипов в Эпицентр. Наша работа всегда хорошо оплачивалась, потому что таких людей, как мы, было очень немного и далеко не все из них горели желанием побывать в Эпицентре.

Но как ни жаль мне было терять напарницу, я понимал, что это ее выбор, и влиять на Буги не пытался. Мы ведь и правда были отличными друзьями.

Короче говоря, в ту ночь мы надрались так, что потом пришлось почти час шляться по улице, приходя в себя.

Прошло полгода. Я периодически навещал Буги, подшучивал над ней и поддерживал, как мог. А она забралась в какие-то более или менее экологически чистые дали, купила себе там бунгало и сидела на витаминных диетах. Короче, стала обычной беременной девчонкой,

и мне это почему-то чертовски нравилось. Время от времени я встречал у нее Боно, того самого парня, от которого она забеременела. Ничего удивительного, в конце концов, она носила его ребенка. Я даже говорил им, что их имена – Буги и Боно – почти лейбл, и им надо грабить банки, как делали Бонни и Клайд.

Хотя, должен признаться, этот парень мне сразу не понравился. Разумеется, виду я не подал, но никак не мог понять, какого черта Буги нашла в нем.

Они познакомились где-то в Майами, где Боно работал стриптизером и подрабатывал в эскорт-организациях. Скорее всего Буги обратила внимание на его тело. Боно был таким ухоженным мачо: прическа, одежда, все дела. И в первые дни общался со мной свысока. Любому другому я за такое просто сломал бы челюсть. Но Боно был избранником моей напарницы, и я старался делать вид, что мне все по фигу, хотя в глубине души считал этого парня самодовольным ублюдком. «На самом деле он хороший, это только маска», – сказала мне Буги, когда я однажды осторожно выказал сомнения по поводу Боно. И все-таки мне было за нее беспокойно. Как, наверное, любому брату, чья сестра делает сомнительный выбор. Но, говорил я себе, ты ей не брат, так что не суйся в ее жизнь.

А однажды, когда Боно не было поблизости, Буги сказала мне:

– Макс, я знаю, ты не очень хорошо относишься к Боно, но... Он стал мне очень близок. Ближе, чем я ожидала.

Не могу сказать, что меня это удивило, наверное, я все уже давно понял.

– Ну, тогда в добрый путь, сестренка. С возвращением в славный гетеросексуальный мир.

– Ты подонок, Макс, – ответила Буги и рассмеялась.

Потом мы с ней гуляли по берегу, и Буги была прекрасна. Беременность ей явно шла.

Один из трипов в Эпицентр затянулся почти на месяц. Это нормально, бывали куда более долгие заплывы. Сабж рассказывал, что однажды ему пришлось просидеть за стеной почти полгода.

Когда я вернулся, Буги была, по моим подсчетам, уже на седьмом месяце. Само собой, я тут же отправился к ней в экологически безопасную даль.

Но бунгало оказалось заперто на все замки и выглядело заброшенным. Я забеспокоился, начал бегать по соседям, узнавать, в чем дело...

Буги лежала в местной больнице. За неделю до моего возвращения из трипа у нее случился выкидыш. Врачи сказали, что второй попытки ее организм может не выдержать и шансов родить здорового ребенка у нее практически нет. Уверен, что это результат трипов в Эпицентр.

Я приперся в больницу, увешанный, как гавайский болван, цветами и пакетами с фруктами. Выглядела Буги жутко, как будто не спала несколько суток: с синими кругами под глазами, бледная, постаревшая. При виде меня она разревелась. А потом, как заведенная, повторяла, что убила своего ребенка. Я пытался объяснить ей, что она здесь ни при чем и ребенка убил Эпицентр, что надо найти силы жить дальше. Короче, нес банальности, потому что мне нечего было сказать.

Когда я уже собрался уходить, Буги сообщила, что Боно бросил ее. Вскоре после того, как у нее случился выкидыш. Она искала утешения, ей нужны были помощь и тепло, и она рассказала ему все:

про Эпицентр, про то, как и чем жила раньше, про то, что считает причиной выкидыша. А он... Нет, он не стал устраивать скандал, он просто заявил, что если бы знал все это, то вообще не стал бы с ней связываться. А потом развернулся и ушел – как раз тогда, когда моя сильная сестренка перестала быть сильной, когда ей понадобилась поддержка... Его поддержка. Единственного человека, которого она, похоже, по-настоящему полюбила. Ведь любовь всегда ходит рука об руку с легким помешательством и запросто превращается в безумие. Думая об этом в тот вечер, я даже не подозревал, насколько близок к правде.

– Хочешь, я найду его? – спросил я.

– Нет, – Буги покачала головой и улыбнулась так, что мое сердце чуть не разорвалось

от жалости, – он просто... Просто дурак, Макс. Пусть живет. Ведь это я во всем виновата. Если бы я не потеряла ребенка, если бы не рассказала ему обо всем...

– Он не стоит даже твоей перхоти. Честное слово!

– Любовь, Макс, – Буги отвернулась к окну, и я больше не видел ее лица в тот вечер, – не дрессированная собака, которая бежит туда, куда приказали. Я надеюсь... Я надеюсь, что пройдет немного времени, и мы снова сможем быть вместе... Ты прав, надо просто ждать.

А потом я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Я отыскал Боно. Нет, я не собирался его трогать, просто хотел посмотреть, как ему живется после того, как он бросил Буги и она стала такой, какой я увидел ее в клинике...

Жилось ему прекрасно. Я три дня ходил за ним хвостом по Майами, не веря, что человек после такого может запросто вернуться к прежней жизни. А он расхаживал по городу, встречался с друзьями, пил, ходил на вечеринки, катался на серфе, снимал девчонок. Он был весел, этот малый, и чертовски жизнерадостен.

Однажды я здорово надрался в местном баре, а потом там появился Боно со своими друзьями. Я сидел и смотрел, как он радуется, смотрел и пил. И в какой-то момент перестал себя контролировать. Я подскочил к их столику, что-то кричал ему, говорил про вычеркнутый из памяти эпизод, нес околесицу. И вдруг этот ублюдок меня ударил... По большому счету, он правильно сделал, у него просто не оставалось вариантов, он ведь не знал обо мне почти ничего, так – родственник девчонки, которую он совсем недавно кинул. Да к тому же еще и пьяный в лоскуты.

Беда в том, что даже пьяный я смог уложить и его и всех его приятелей, а потом уйти огородами.

Кто же мог предполагать, что у этого качка окажется слабое сердце? Его не довезли до больницы, он умер в машине «скорой помощи».

На следующий день я позвонил Буги и обо всем рассказал. Она ничего не ответила. Просто повесила трубку.

Прошло еще полгода, может, чуть меньше. С Буги я не виделся. Не знал, как и что нам сказать друг другу после той последней встречи в больнице. От Жака, отправляясь в очередной трип и переправляясь через реку в районе Кройцберга, я узнал, что она выписалась из больницы и уехала из того городка. Выходит, решил я для себя, и она не горит желанием со мной общаться. Иначе давно бы позвонила. Я надеялся, что пройдет время и все снова станет как прежде. Мне не хватало напарника, а еще больше не хватало друга. Моей сестренки Буги.

В тот день я возвращался по Большому кольцу. Сутки назад мы вышли из-за Кордона, и я полдня провалялся в гостиничном номере в Мехико, принимая адаптационные средства. Процесс, когда организм нехотя возвращается в норму, – весьма неприятный: понос и изматывающая рвота выхолащивают тебя до такой степени, что потом ты можешь только спать и встаешь, ощущая что-то похожее на абстинентный синдром. Упадок сил – как бесплатное приложение за счет организации-заказчика.

* * *

В таком вот состоянии я свернул с Большого кольца в сторону Кройцберга. Стандартный маршрут. Я мечтал только об одном – добраться до своей берлоги и минимум на неделю впасть в анабиоз, отъедаясь и восстанавливая силы. Иногда этот процесс занимал и больше времени, в зависимости от степени потрепанности, с которой ты выбрался из Эпицентра.

Было поздно. Глаза болели и слезились от яркого дневного света (у меня так всегда после трипов), поэтому я выехал в ночь.

Дорога после съезда с Большого кольца была пустынная.

Гигантский лесовоз марки «Standard» появился в зеркале заднего вида примерно на полпути между Кройцбергским выездом и Большим кольцом. Делать ему здесь было

совершенно нечего, поскольку лесоразработки находились южнее и лесовозы «Standard» пользовались параллельной трассой. Впрочем, меня это мало волновало. Я лишь отметил, что он мчит на всех парах, и предусмотрительно прижал свой ЗИС к правой стороне дороги. Быстро приближающийся лесовоз повторил мой маневр. Прощедив сквозь зубы пару слов в адрес водителя, я вывернул руль влево. «Standard» послушно последовал туда же. Какого черта... Я попытался собрать остатки сил и втопил педаль газа в пол, но мощный «Standard» не намного уступал в скорости моему ЗИСу. Здесь же, на постоянно петляющем серпантине дороги, это ничтожное преимущество и вовсе не имело значения. Я, уже не удивляясь, отметил, что лесовоз тоже прибавил скорость.

Интересно, кто хочет избавиться от меня вот так: втерев в щербатый асфальт лесовозом? Слишком это сложно, слишком зрелищно. А какой к черту зритель на ночной трассе в десятке километров от ближайшего населенного пункта?

Одно я знал точно: это не правительство, они так не действуют, кроме того, живой я им нужнее. Они же сами не могут попасть за забор и ищут таких как я. А врагов у меня практически нет – ведь я слишком мало общаюсь с людьми.

Когда лесовоз-таки нагнал мой ЗИС и, оперевшись в него бампером, стал толкать перед собой в сторону надвигающегося сланцевого бока горы Юманг, мой мобильник оглушительно завопил единственной, пожалуй, мелодией, которую я рад был услышать в ту минуту.

– Буги, сестренка, у меня проблемы! – крикнул я в трубку, и лесовоз тотчас с визгом затормозил, а мой ЗИС по инерции бросило к сланцевой стене. Я уперся в педаль тормоза обеими ногами, и удар получился не таким сильным, каким мог быть.

Когда я, заливаясь кровью, вывалился на засыпанный стеклянной крошкой асфальт, хлопнула дверь лесовоза. Я был как тряпка, я же только что вернулся из трипа, а мгновение назад меня швырнуло мордой о баранку. Я не мог даже ползти.

Буги подходила медленно, уж она-то знала это посттриповое состояние, знала, что я никуда от нее не денусь.

– Это точно, братик, – сказала Буги, – у тебя и правда серьезные проблемы.

Потом она долго била: по голове, по почкам, по ногам, снова по голове. А я все ждал, когда же наконец отключусь. Но так и не отключился – за пару ударов до последнего, смертельного, Буги остановилась.

– Я очень хочу, чтоб ты жил, братик. Жил и оглядывался. Потому что в следующий раз я тебя убью. Ты ведь знаешь меня, Макс, знаешь, что я не вру. Но пока что я хочу, чтобы ты жил. И описал в своей дерьмовой книге, каково это – быть живым трупом. Но я вернусь, братик. Я ведь всегда возвращаюсь, правда?

Я снова услышал, как хлопнула дверь лесовоза, и только тогда потерял сознание. Всему свое время.

9. «Road Movie»

Когда «1969» снова выскочила на открытый участок, оставив неровные скальные отвесы позади, от бледных сумерек не осталось и следа. Ночь опустилась втихомолку. Дорога еще шла под уклон, но становилась все более пологой. Каменисто-песочный пейзаж по обочинам сменили невзрачные кусты бизоньей колючки и высушенная солнцем трава. Зато небо, в пику унылому земному пейзажу, сияло во всю мощь синих карликов и желтых гигантов. Густое, как терновая настойка, оно низко нависало над дорогой. До мотеля «Road Movie» оставалось минут десять, и нарезка «Элвисов» пошла на третий круг. Горизонт то вспухал синими отблесками неоновой вывески мотеля, то снова скрывался во тьме.

– Эй, приятель, просыпайся!

Сабж коротко оглушительно всхрапнул, распахнул глаза и виновато улыбнулся:

– Извини, Макс, меня всегда укачивает, если я не за рулем. Я, наверно, громко разговаривал и пукал?

– Да нет, – улыбнулся я.

– А я знаю, в какую клоаку ты меня привез! – Сабж довольно хохотнул и потер ладони. – Это же «Road Movie», здесь подают самое дерьмовое пиво во всей округе!

– Он самый.

– Славное местечко.

– Лично я намерен отсыпаться, – предупредил я.

– Вот и отлично, – кивнул Сабж и вытянул из моего кармана пачку сигарет, – будет кому завтра сесть за руль. Кстати, не одолжишь мне пару тысяч?

– Между прочим, – заметил я, протягивая Сабжу зажигалку, и забрал из его кармана свою пачку, – ты получаешь за трипы в четыре раза больше, чем я, к тому же последние два года я вообще сидел без работы.

– Все правильно, Макс. Но видишь ли, на днях я познакомился с одной дамой по имени Лиза. У нее самая заводная задница по эту сторону Эпицентра, только вот беда, заводится она исключительно на банкноты. Лиза вытянула из меня все и исчезла в тумане, прихватив свою божественную задницу с собой. Мое сердце разбито, а кошелек пуст, как у честного налогоплательщика. Так ты одолжишь мне, Макс?

– Только не ной, Сабж, умоляю. Бери деньги и отвали.

«Road Movie» с тех пор, как у трассы «1969» появились более молодые, более широкие и более комфортабельные дублеры, переживает не лучшие времена. Однако фермеры с озера Минога-Лахойя по-прежнему ездят здесь, опасаясь выползть на оживленные хайвэй, да и еще кое-кто предпочитает эту дорогу всем остальным. Благодаря им мотель еще как-то держится на плаву, хотя уже не бывает набит под завязку, как в славные времена хиппи и автобродяг конца восьмидесятых.

Припарковав ЗИС и отдав ключи мальчишкам-мойщикам, мы с Сабжем распрощались до утра и разошлись в разные стороны: я – в домик портье, он – в сторону бара.

Как и любой мотель, не претендующий с некоторых пор на присвоение очередных звезд, «Road Movie» обеспечивал клиентам минимальный комфорт. В нем не предусматривались семиспальные секс-полигоны, трехдорожечные бассейны для миграции леммингов и победительницы конкурсов красоты в качестве незамысловатой услуги изможденных долгим путем чресел. Все было куда проще – хозяин, Анатолий Панадзаки, не выпендривался, а просто делал свое дело. Десяток скромных коттеджей с двуспальными номерами, снабженными телевизором и душевой кабиной, плюс возможность заказать в номер недорогой ужин и вполне симпатичных девочек по сходной цене. Если вас это не устраивает – отправляйтесь в большой город, рискуя заработать геморрой и защемление седалищного нерва.

Старый «кадиллак» на вращающейся платформе да недорогая неоновая вывеска с названием заведения – вот и вся реклама. Простенький бар человек на тридцать, чернокожий Шамиль за потертым роялем, стандартный репертуар: Чак Берри, Элвис, Ли Рокер – для тех, кто намерен пропустить пару кружек пива перед сном.

Раньше, до того, как Буги со своим лесовозом загнала меня в самерсенскую пердь, я любил завалиться в «Road Movie» на недельку другую, помять бока на кровати, попить пивка, поклацать клавишами ноутбука. Дозированное одиночество – полезная и приятная штука. Которую всегда можно разбавить общением с кем-то из местных дам.

А вот домик здешнего портье выглядел странно – в этаким псевдоколониальном стиле: с деревянными панелями, пальмами в бочонках и пробковыми шлемами на стенах. Но мне это даже нравилось.

Я взбежал по ступеням крыльца, с удовольствием разминая мышцы ноги после долгого сидения за рулем. Низкие звезды, точь-в-точь повторяющие рисунок созвездий на бивнях слонов, почти касались крыш коттеджей. Я толкнул дверь и с порога крикнул в полумрак прихожей:

– Эй, Фрэнки, угадай, кто приехал, старая задница!

10. Фунты лиха

Фрэнки, мой старый знакомец и, между прочим, протеже, последние пять лет бесменно работал в «Road Movie» портье. Он и жил тут же, в маленькой каморке Папы Карло, спрятанной за декоративными панелями. И, надо заметить, был рад такой старости.

Я познакомился с ним в городе Париже. Он промышлял на набережной, рисуя цветными мелками копии классиков, спал в ночлежках и вообще вел жизнь клошара из оруэлловских «Фунтов лиха в Париже и Лондоне». При этом каким-то чудом ему удавалось оставаться чистоплотным и даже в лохмотьях вызывать симпатию. Мы разговорились, потом я угостил его обедом и дал денег на пару недель скромного существования в дешевом пансионе. На том и расстались. Подобных встреч в моей жизни было немало: люди мелькают мимо меня, как обломки комет, изредка задерживаясь в поле зрения и улетаая дальше, как правило, навсегда. «Так будет и с клошаром Фрэнком Фуэтом», – думал я.

Но пару месяцев спустя я заехал в «Road Movie», и хозяин-грек спросил, нет ли у меня какого-нибудь немолодого знакомого, который согласился бы работать портье и жить при мотеле. И я вспомнил о Фрэнке. Я ведь уже писал про маленькие добрые дела, которые надо делать в пику большому злу? Так вот, можете считать это моим пунктиком. Короче, я переночевал в «Road Movie» и утром стартовал обратно в Париж.

К тому времени уже наступила осень, и найти Фрэнки оказалось непросто. На набережной он не работал из-за дождя: рисунки смывало, да и прохожие старались не задерживаться под открытым небом. Некоторое время Фрэнки перебивался на те деньги, что я ему оставил, но потом вернулся в ночлежки, чтоб сэкономить хотя бы на жилье. А их в Париже столько, что, если в не везение, искал бы я его долго и не факт, что нашел бы. Но мне повезло, уже в третьей я обнаружил клошара-художника. Он как раз просматривал свои брюки на предмет платяных вшей. «Сиди здесь и никуда не уходи», – велел я, а сам поехал в ближайший магазин готовой одежды.

Вот, собственно, и вся история превращения Фрэнки-клошара во Фрэнки-портье. Может, там, в небесном Освенциме, мне зачтется это маленькое доброе дело.

– Кого там на ночь глядя принесло? – раздался приглушенный декоративными панелями довольный голос Фрэнки. – А ну, проваливайте, бродяги! Клошары вшивые! И чтоб ноги вашей не было в этом приличном доме, мерд! – С этими словами мой старый друг портье соизволил показаться из своей каморки.

За два года, пока я безвылазно торчал в Самерсене, старик сильно сдал. Ему, похоже, перевалило за седьмой десяток, а в этом возрасте люди меняются стремительнее детей. Белый иней шевелюры, солидная плешь, лицо, сплошь покрытое глубокими морщинами и пигментными пятнами... Но все же это был старина Фрэнки. И мы обнялись, как и положено давно не видевшимся друзьям.

Фрэнки был единственным, кому я рассказал про Буги. Той самой злополучной ночью.

Я тогда сидел, прислонившись спиной к колесу дредноута, и тупо разглядывал мобильник, пытаюсь сообразить, кому позвонить и попросить о помощи. Выходило, что, кроме Фрэнки, никого у меня и нет. Остальные начали бы задавать вопросы, отвечать на которые я не собирался. Или предпочли бы остаться в стороне. Был еще Сабж, но мы с ним только что вместе ходили в трип за забор, и надеяться на его помощь было глупо: проводников Эпицентр выжимает еще сильнее, и отходняк у них длится не меньше месяца. Причем чем старше и, соответственно, опытнее Проводник, тем тяжелее ему оклематься. Так что ждать помощи от Сабжа не приходилось.

А она мне была ох как нужна. Буги знает, куда бить, она виртуоз своего дела, и будь на то моя воля, я бы ни за какие пряники не согласился оказаться по другую сторону баррикады. Но меня никто не спрашивал.

До того как моя жизнь полетела кувырком по планидному сабвею, я не раздумывая набрал бы телефон Буги. И не окажись мы по разные стороны баррикад, уж она-то примчалась в такой ситуации ко мне из любых далей. И уладила бы все проблемы. Но...

жизнь распорядилась иначе. Взяла и вильнула задним бампером моего дредноута. Лесбиянке Буги приспичило забеременеть от мужика, она выбрала для этого ублюдка-стриптизера из Майами и вдруг начисто забыла о своих пристрастиях. А потом попыталась прикончить меня гигантским лесовозом.

И вот я сидел, прислонившись к колесу изрядно помятого дредноута, и перебирал телефонную книжку мобильного. Это единственное, на что был способен тогда мой изрядно помятый организм. И я набрал телефон Фрэнки.

Это было давно. Два года, один месяц и четырнадцать дней тому назад. Сейчас я лежал на полу его норы с бутылкой «Chivas Regal», а сам Фрэнки качался в гамаке, заменявшем ему кровать, и играл на рассохшемся от времени вашбурне «Солдата удачи» Deep Purple. Вообще-то, я не их поклонник. Меня больше привлекала бильная музыка – всякие там серфмьюзик, свинг и прочее. Но в эту ночь все было удивительно кстати и в тему. Видимо, где-то по дороге я, сам того не зная, отхватил неслабый кусок сансары.

*Many times I've been a traveller
I looked for something new
In days of old when nights were cold
I wandered without you
But those days I thought my eyes
Had seen you standing near
Though blindness is confusing
It shows that you're not here.*

*Now I feel I'm going older
And the songs that I have sung
Echo in the distance
Like the sound
Of a windmill going round
Guess I'll always be
A soldier of fortune.*

Мы к тому времени уже крепко набрались. Не потому, что много выпили, а потому что Фрэнк был уже стар, а я здорово вымотан.

- Скажи-ка мне, Макс, а какого хрена ты решил слезть с самерсенских матрасов?
- Ну, я получил телеграмму. Я же тебе рассказывал: приходит телеграмма, и мы...
- Это я понял. Но как они тебя нашли?
- Пару месяцев назад я засветился. Дал адрес.
- На хрен? Я знаю Буги и люблю эту занозу почти так же, как тебя. Вы для меня вместо сына и дочки. И мне не доставит радости, если один из вас пришьет другого.
- Мне тоже, Фрэнки, поверь...
- А она тебя грохнет, Макс. Она, если захочет, кого угодно грохнет. И сейчас, Макс, она хочет грохнуть тебя. Даже мне не удалось ее переубедить.

Я медленно, насколько позволял захмелевший организм, поднялся с пола и уставился на клошара.

- Эта стерва была у тебя?!
 - Неделью назад. Обещала надрать мне задницу, если узнает, что я скрываю от нее твой адрес.
 - И?..
 - Что – и? Уехала с тем же, с чем приехала.
- Меня штормило уже по полной. Я сделал глоток и передал бутылку Фрэнки.
- Мы в заднице, старая ты перечница, ты даже не представляешь, в какой мы глубокой заднице. Особенно я. Знал бы ты, как я ее боюсь!

– Макс, она до сих пор убивается по тому парню. Ты переехал ее большу-ую любовь. А любовь – самая уродливая обезьяна в этой жизни. Хотя и самая прекрасная. Вернее...

– Фрэнки...

– Не перебивай старого человека. Парфюмеры говорят, что самые прекрасные ароматы граничат со зловонием. Это про любовь, Макс. Она настолько уродлива, что кажется нам прекрасной. И наоборот.

– Ты несешь какой-то романтический бред, Фрэнки. Хотя, может быть, ты и прав. Наверное, потому настоящая, мать ее, любовь никогда не бывает долгой, что это всегда крайность, лезвие, и рано или поздно приходится сваливаться, чтоб не перепилило.

– То-то и оно, – сказал Фрэнки и сделал большой глоток. А потом повторил: – То-то и оно. Если бы ты дал Буги время, она бы рано или поздно свалилась. Туда или сюда. Но ты поторопился, и бедную девочку просто перепилило пополам. Ты, Макс, разорвал ей сердце. Да-да-а, как бы банально это ни звучало.

Я забрал у Фрэнки бутылку и снова опустился на пол.

– Значит, ты тоже считаешь, что я поступил неправильно?

– Ничего подобного. – Фрэнки так махнул рукой, что чуть не свалился с гамака. – Чертово земное притяжение... О чем я?.. Ах, да. Я как раз считаю, что ты поступил правильно. Просто... Отдай бутылку... Просто «правильно – неправильно» к настоящей любви никакого отношения не имеют. Там есть только данность. Или пустота. У Буги осталась пустота. Ее надо было как-то заполнить. И она заполнила ее тобою. Ты, кстати, сам дал ей повод. Почему ты не пристрелил его хотя бы через год? Ты не самурай ни хрена, Макс.

– Иди в задницу, Фрэнки. И отдай бутылку. Я сделаю последний глоток и пойду спать.

– Возьми ключ сам, о'кей?

– Ладно, лентяй. Какого черта я тебя сюда притащил, если ты ни хрена не делаешь... Эй, кого спрашиваю?!

Но Фрэнки уже спал.

Последний глоток не доставил мне удовольствия, и я решил, что банкет пора заканчивать. Махнув гамаку рукой, я взял из стеклянного ящика за стойкой один из ключей и нетвердой походкой покинул домик портье.

Пока мы с Фрэнки поглощали виски, от хорошей погоды не осталось и следа. Я, кажется, уже писал о капризном климате этих мест. Вот и теперь мелко сек омерзительно холодный дождь и шальные порывы ветра, налетающие со всех сторон, норовили метнуть пригоршню брызг то в лицо, то за шиворот. Пока я преодолевал два десятка метров до коттеджа, моя одежда вымокла до нитки, самого меня начала бить дрожь, и, ко всему прочему, в висках поселилась ноющая боль – хорошо знакомый признак преждевременного похмелья. Надо кинуть шмотки на полотенцесушитель и завалиться в кровать. В противном случае утро будет безрадостным, как стихи Буковского.

11. Нарколепсия – сон разума

Пробуждение было стремительным, болезненным и ничего хорошего не предвещало.

Я услышал оглушительный визг тормозов и голос Сабжа, осыпающего ругательствами все и вся. И открыл глаза. Прямо на меня неслись высоковольтный столб и хиленькая придорожная рощица. Рефлекторно вжавшись в кресло и упершись ногами в торпеду, я рванул левой рукой руль, так что столб остался в стороне, а ветви кустарника полоснули по борту ЗИСа. Сердце мое, подпрыгнув в районе кадыка, рухнуло под копчик и там замерло. Медленно повернув голову, я увидел белого как мел Сабжа, вцепившегося в руль посиневшими пальцами.

– Это, блин, что сейчас было? – прохрипел я.

Сабж молчал, глядя перед собой пустыми глазами. Я медленно дотянулся до водительской двери, открыл ее и с размаху вписал Сабжу кулаком в скулу.

- Твою мать, – выпадая из дредноута, сказал он.
 - Какого хрена ты сел за руль, Сабж? И какого хрена я оказался на пассажирском сиденье? Ты меня что, приволок на руках, Геракл долбаный?
 - Макс, ты рехнулся? В ЗИС ты залез сам. И сел на пассажирское сиденье. Как я должен был это расценивать?
 - Погоди, Сабж... Я точно помню, что вечером пошел в коттедж... Ну да, точно, я заснул в коттедже.
 - Какой, на хрен, вечером? Я тебе говорю про сегодняшнее утро. Я разбудил тебя, ты оделся и поплелся к машине. Взгляд у тебя при этом был вполне осмысленный.
 - Ничего не помню. Вообще ноль...
 - Тебя зомбировали производители виски, – кивнул, усмехаясь, Сабж. – Это не страшно. Ты просто выступишь какую-то миссию и спокойно померешь.
 - Я уже выполнил свою миссию, когда дал тебе по морде. Какого хрена ты уснул за рулем?
 - Глупый вопрос. Почему люди засыпают, а?
 - Потому что мудаки, – огрызнулся я. – Все, теперь поведу я.
 - Жаль, – делано опечалился Сабж, – я только начал входить во вкус.
- На самом деле все было проще. Я знал это, а Сабж знал, что я знаю.

Постоянные трипы за забор ни для кого не проходят даром. Именно поэтому обычные бойцы типа нас с Буги раз в несколько лет берут на полгода отпуск. Поправить здоровье и расшатанные нервы.

Проводникам такой отпуск не светит. Они сидят на Эпицентре, как джанки на героине. А долгие перерывы между трипами буквально убивают их: начинается бессонница, нервные срывы, стремительно снижается иммунитет. Поэтому Проводники *вынуждены* бывать в Эпицентре, они не могут соскочить по своей воле, в отличие от остальных. Остальные тоже не могут, но по иным причинам. Вот если боец арестуют за пьяную драку в баре или за угон тачки и продержат за решеткой два-три года, он, конечно, изведется от тоски (как я в Самерсене), но и только. Проводник же в этой ситуации может смело ставить на себе крест. Два-три месяца вне Эпицентра, и он – труп. Один из коллег Сабжа продержался пять месяцев, потом впал в кому и так из нее и не вышел.

Но пребывание в Эпицентре тоже убивает – не менее жестоко, хотя и не так быстро... Даже сталкеров.

У Проводников, которые бывают за забором чаще и дольше других, со временем развивается нарколепсия. Болезнь, при которой человек внезапно засыпает. Обычно нарколепсия начинается после инфекционных заболеваний, которым подвержены большинство Проводников, и считается началом финишной прямой. Если даже Проводнику повезет и он не вырубится в Эпицентре (что означает гибель ведомого им отряда), он все равно больше двух лет не протянет. Настанет день, когда он не проснется.

У Сабжа началась нарколепсия. Но говорить с ним об этом я не собирался. Он и сам все знал. А я знал, что он знает.

12. Я, дорога, мой ЗИС

И снова потянулась трасса «1969», наиболее скучный ее участок. По обе стороны дороги прямо за отбойниками начиналась степь: буро-красная, однообразная, вяло шевелящая стеелящейся травой, – и тянулась до горизонта. Здесь почти никто не ездил. Фермерские угодья закончились, и дорога, делая легкую дугу к западу-северо-западу, тянулась сквозь вечную осень степной полосы до самого Бески-Юга. Туда и направлялись мы с Сабжем. Два дублера: Северо-Западная скоростная и стрела Бески-Юга – были намного удобнее, ухоженнее и не делали никаких дуг. Но меня от них тошнило. Я не видел там ни одного ржавого рекламного щита. А это уже признак умирания цивилизации людей и

расцвет цивилизации непересекающихся прямых. Мир, где ковбоем Мальборо и Харли² негде поговорить о Боге, – убогий мир. Поэтому я продолжаю ортодоксальным поплавком маячить в местах типа трассы «1969», упрямо (а скорее, от безысходности) цепляясь за леску настоящего.

Сабж снова развалился, максимально отодвинув сиденье и закинув ноги на торпеду. Я вырубил кондиционер и опустил оба стекла на передних дверях. Было пасмурно, ветрено и, несмотря на монотонный пейзаж, тревожно. И мне вдруг захотелось снять крышу. Как в кадрах из «Kill Bill», когда Ума Турман въезжает в зал на своем синем кабриолете. Вот это настоящее Road movie: пустынная автотрасса, ветер в шевелюре и старый ЗИС, последний представитель своего семейства. Дорога, ты и твоя машина.

Я мечтал об этом три года.

Я называю это свободой.

Два года я прятался от Буги. Сначала пытался привыкнуть – научиться дышать под водой, видеть в темноте, пить по выходным, работать днем... Так бы оно и случилось. Вот только меня самого бы не стало. Не сразу. Но наверняка.

Меня спасла Марта. Она... как будто возвращала меня самому себе. Своим телом, своей торопливостью. Всем. Когда она была рядом, мне казалось, что я смогу жить *так*, оставаясь *собой*. Хотя в глубине души я понимал – это невозможно. Потому что сколько волка ни корми... И все же я лгал себе, уговаривал: «Человек ко всему привыкает». Не верьте. Человек либо срастается с той жизнью, которую ведет, либо нет. Так вот – я срастался. А Марта каждый раз вырывала меня с корнем.

Теперь я снова был самым собой. Я – дорога – моя машина. Это было то, что я называю свободой.

Вообще-то я не из породы клинтивудов. И не умею скрывать свои чувства. Правда, с годами научился контролировать мимику. И все же... Иногда мне нужно побыть одному, чтоб не следить за своим лицом. В такие дни я выгонял из гаража свой ЗИС и ехал, в зависимости от настроения, либо на Большое кольцо, либо сюда, на «1969».

...Я смог бы обойтись без Эпицентра, денег, экшна, адреналина. Подыхал бы от тоски, как излечившийся джанки, который потом вспоминает о героиновых заплывах как о лучшем, что было в его жизни. И наверное, нашел бы что-нибудь взамен, вроде пятничных драк в банде футбольных тиффози.

Но вот без этого: «Я – дорога – мой ЗИС» я бы скопытился ко всем чертям. Потому что свобода – это возможность быть самым собой.

Похоже, когда Буги со своим лесовозом настигла меня, какая-то часть моей души осталась здесь. Поэтому когда я возвращаюсь на «1969», я ненадолго становлюсь самым собой.

И мне это нравится.

Наверное, предельно эгоистично писать только о себе. Но, по большому счету, я больше ничего не знаю. Даже собственная душа иногда видится мне такими потемками, что попади в ее лабиринты какой-нибудь Гудини, он бы съехал с катушек и остался там навсегда, прикинувшись каким-нибудь рудиментом. Как же я могу писать о ком-то другом, тем более о человечестве в целом, если даже с самим собой не в состоянии разобраться? Несмотря на ту простоту, о которой я только что рассуждал. Я знаю только то, что пропустил через себя, оценил на своей шкуре, чем переболел, перестрадал. Это мои друзья, мои мысли, мои воспоминания. Ну и – мой ЗИС и моя дорога.

Вот вам парадокс на десерт. Люди просты – а понять их сложно. Каждый идет к своему садовнику по-своему. Он и Тезей, и Минотавр. Вроде бы, имея предпосылки и результаты, просчитать человека – проще пареной репы. На деле все не так. Есть, конечно, какие-то

² Имеется в виду фильм Саймона Уинсера «Харлей Дэвидсон и ковбой Мальборо». (Здесь и далее – прим. автора.)

общечеловеческие законы, социальные алгоритмы, прочая умная чушь, характерная для разумных прямоходящих. Но я не обладаю ни достаточным багажом знаний, ни тонкими аналитическими способностями, чтобы брать на себя право рассуждать о подобных материях.

Полковник – великого ума человечище, в одну из наших первых встреч сказал: «Чем больше я знаю о человечестве, тем меньше понимаю человека. И наоборот. Очевидные факты говорят меньше, чем парадоксы, домыслы и мифы. Иногда мне кажется, что наука – это свод незнания о человеке».

Я знаю значительно меньше. Поэтому пишу о себе. Я – это то небольшое, что мне известно о человечестве.

13. Дорога всегда одна

Сабж блаженно похрапывал, съездившись на переднем сиденье.

Я решил не останавливаться «У Донахью» и в «Келье пьяного монаха» и почти четыре часа подряд гнал ЗИС по «1969», прокрутив диск с коллекцией альбомов «Stray Cats». Правда, каждый раз отматывал назад, когда начинались свинговые альбомы сетзеровского оркестра. Обидно было слышать, как этот великий рокабиллищик и посредственный свинговый гитарист перепел свой же «Stray Cat Strut». Хуже кавера на эту вещь я не слышал.

Ветер усилился, и по небу снова побежали дождевые облака. Еще не тучи, но ясно было, что полет неминуемо. Я поднял стекла на дверях, потом, подумав, снова опустил свое и закурил.

– Время пить кофе, – пробормотал Сабж, проснувшись, и вытащил пачку из моего кармана. Не уверен, что при этом он открыл глаза. – Макс, брат мой во пути, – прикурив, сказал он, – мстится мне, что мы идем со значительным опережением срока. Так ли сие, коллега?

Я усмехнулся и кивнул. Мы действительно на пару часов опережали график. А светиться на месте сбора заранее не принято. Я подумывал завернуть в какой-нибудь пригородный дорожный бар и скоротать время там.

– А давайте-ка, батенька, проедем через заповедник, – предложил Сабж. – Пара часов в бизоньей Вальхалле пойдут на пользу нашим измотанным нервам. Что может быть лучше, чем естественная среда и березовый сок! – Он вдруг подался ко мне всем своим хилым телом и проникновенно затараторил: – Скажите, коллега, признайтесь честно, не кривя душой: доводилось ли вам пить березовый сок, коим славится хозяйка заповедника, супруга преподобного отца Михаила?

Я покачал головой. Пить местный березовый сок мне не приходилось. Я вообще не помню, когда в последний раз его пил.

– Как же так! – воскликнул Сабж. – Немедленно, сразу по возвращении из трипа пересмотрите классику современного кинематографа! Вы узнаете, что тех, кто при жизни не видел моря, на небе называют исключительно лохами. Так вот, коллега, не отведавать местного березового сока – это хуже, чем не увидеть моря. Это непростительно.

На самом деле теперь я благодарен Сабжу за эту клоунаду. Было бы обидно встретить конец света, не испив березового сока из заповедника. А в тот момент я подумал, что Сабж предлагает не такой уж плохой способ убить два с лишним часа. И свернул под указатель «Бизоний угол. Заповедник».

* * *

Пытаясь спастись от пустоты жизни в Самерсене, кроме алкоголя я использовал и другие способы, например, периодически совершал налет на местную книжную лавку. Это убогое заведение никогда не пустовало – оно пользовалось популярностью у домохозяек Самерсена, которые проводили редкие часы досуга если не у телеэкрана, пережевывая сопли

очередной «мыльной оперы», то за чтением женских романов. Понятно, каким товаром была забита единственная самерсенская книжная лавка. И тем не менее после долгих раскопок мне порой удавалось отыскать в самых пыльных углах кое-какое достойное чтиво. К примеру, «Порою нестерпимо хочется» Кена Кизи. Вероятно, хозяина лавки надули, подсунув эту вещь как порнографический роман. Когда я оплачивал покупку, он понимающе улыбался. Если бы он подмигнул, я бы сломал ему челюсть. На правах постоянного покупателя. Но он только улыбался.

Там я нашел и трехтомник Питтсбургского института «История колониальных войн». И хотя никогда не увлекался научно-популярной литературой, «на безрыбье и сам раком встанешь», как любит говаривать мой приятель клошар Фрэнки.

Издание оказалось на редкость занудным, так что я пропускал целые главы, а к третьему тому вообще не притронулся. Но кое-что занятное там все-таки было – например, информация об освоении тогда еще Дикого Запада белыми, которые, не ограничившись истреблением и принудительной ассимиляцией местных племен, взялись за животных, которые аборигенов кормили. Белый человек подошел к делу со всей ответственностью, целеустремленностью и смекалкой, и от сотен тысяч голов североамериканских бизонов вскоре (временные рамки до смешного ничтожны) – осталось менее трехсот (sic!). Каковы масштабы! Невольно вспоминаются слова Полковника: «Многие поступки человека заслуживают уважения и восхищения. При этом поступки человечества в целом нередко просто омерзительны».

Лет этак тридцать назад из монастыря Св. Франциска ушел один из монахов. Ушел, что называется, в мир. К слову сказать: единственный факт, известный мне о Св. Франциске, это то, что он читал проповеди и отрывки из Библии птичкам, овечкам и прочим божьим тварям. Убогие, как написано, ближе к Богу.

Так вот, тот монах создал заповедник «Бизоний угол», в котором поголовье животных выросло до нескольких тысяч. Потом отказался от celibата и женился.

Два года подряд, 4 июля, местные фермеры садились на джипы и пересекали границу заповедника. Не покидая машин, они стреляли в животных и мчались дальше, оставляя туши лежать на земле. Уговоры не помогали, молитвы не успокаивали, напоминание о Высшем суде вызывало недоумение. Тогда святой отец-францисканец отказался от сана, купил пулемет и устроил на следующий День независимости такой фейерверк, что больше обитателей заповедника никто не осмеливался беспокоить.

...Сразу за поворотом дорога резко пошла в гору. Первые капли дождя ударили по кривой в лобовое стекло, замаячили «дворники». Ржавая пыль на обочинах стала насыщенно красной, как гончарная глина. А трава прижалась к земле так отчаянно и обреченно, как будто с минуты на минуту их разлучат навсегда.

– Хорошо, да? – Сабж кивнул на окно. – Почти как в Эпицентре.

– Тебе кажется, похоже?

– Не сама картинка, брат, а ощущение.

Я кивнул. Потому что думал примерно о том же: все, напоминающее о сиюминутности и необратимости, ближе к настоящему. Наверное, потому, что тогда отпадает смысл в символах. И кому как не Сабжу было почувствовать этот момент.

– Дорогу знаешь? – спросил я.

– А тут одна, – улыбаясь чему-то своему, ответил Сабж. – Дорога всегда одна, брат. В этом вся фишка.

14. Березовый сок

– Быть вымирающим видом совсем не плохо. Уверяю вас, батенька, – рассуждал Сабж, размахивая сигаретой и обильно посыпая салон ЗИСа пеплом.

Мы стояли уже около четверти часа, пережидая, пока большое стадо бизонов пересечет дорогу. А они не торопились, презрительно поглядывая на нас.

– Ты только проникнись, Макс. Вот перед нами идут бизоны, которые все еще считаются вымирающими. Но при этом каждый из них, персонально, так сказать, чувствует себя великолепно. О них заботятся как об умирающих, им выделяют территории для питания и размножения, создают все условия... но, батенька, но! На самом-то деле они вовсе не вымирающие. Вон-вон-вон! Ты только посмотри на этот «труп». Да я при жизни никогда так хорошо не выглядел!

Огромный самец с огненно рыжей шкурой словно почувствовал, что на него обратили внимание. Он вдруг остановился перед ЗИСом, окинул его на удивление осмысленным взглядом и пустил мощную струю.

– Вот, а я о чем говорю! – воскликнул Сабж, восхищенно разглядывая бизона.

Я не понял, каким образом помочившийся бизон иллюстрирует сказанное Сабжем, но спорить не стал. Солнце мгновенно высушило землю и нагрело салон дредноута. Я было потянулся к панели управления кондиционером, но включать его не стал.

– Как думаешь, если я открою окна, вонять будет сильно?

Стадо бизонов, окатив стального зверя меланхоличной волной презрения, убралось с дороги и двинулось куда-то в глубь заповедника наслаждаться жизнью вымирающего вида. Ни один бык не проявил даже намека на любопытство. Не скажу, чтоб меня это особенно задело, однако в голове промелькнула мысль о том, что любое существо, получившее значительные привилегии, превращается в порядочную скотину.

– Не рекомендую, – ответил Сабж.

Березовая роща росла на самой вершине холма, куда, петляя и пересекая бизоньи маршруты, вела единственная в заповеднике дорога. Потом она спускалась к поселку у подножия. Но мы туда не поехали.

– Останови здесь, Макс, – попросил Сабж. И что-то такое промелькнуло в его голосе... не характерное для него.

Я остановил машину и, не задавая вопросов, вылез из ЗИСа. Мы прошли несколько шагов по дороге и, свернув в рощу, опустились на уже подсохшую траву между березами. Сабж лег, надвинув на глаза бейсболку. Я сидел, скрестив ноги и с интересом разглядывая поселок у подножия холма. Он представлял собой десяток деревянных и каменных домов по обе стороны дороги. Ничего похожего на церковь или хотя бы часовенку я не заметил, зато у въезда возвышался огромный деревянный крест. Думаю, в нем было не меньше пяти-шести метров в высоту, а опорный столб мне вряд ли удалось бы обхватить.

– Сабж, а почему в поселке нет церкви?

– В смысле? – Сабж приподнял бейсболку и посмотрел на меня из-под козырька.

– Ну, ведь затеял все это бывший монах. Значит, должна быть и церковь.

Сабж перекатился на живот, положил голову на сложенные руки и ответил:

– Понимаешь, он ведь далеко не глупый монах. А неглупые люди либо становятся атеистами, либо начинают верить по-настоящему. Символы им уже ни к чему. А церковь, всякие кресты, полумесяцы, солнцевороты – это символы. В каком-то смысле они страшнее пресловутого золотого тельца. Потому что, согласись, нигер, вера в символ Бога и вера в самого Бога – не одно и то же.

Сабж снова перекатился на спину и раскинул руки. На его лице играла странная улыбка.

– Вот их церковь, – продолжая улыбаться, сказал он. – Мир.

– Занятно, – я тоже лег на спину, прикрыл от слепящего солнца глаза и вдохнул полной грудью.

– Там, – Сабж вяло качнул подбородком в сторону поселка, – живут прекрасные люди, Макс. Серьезно. Я никогда не встречал людей лучше. Меня окружают либо подонки, либо совсем уж прожженные циники, – новый кивок, на этот раз в мою сторону, – либо психопаты. А эти... Вроде и не обычные люди, но и не такие оторвы, как мы с тобой. И при всей этой их необычности как раз тут я понял, что такое дом.

– А чем тебе не угодили обычные люди? – вклинился я, привставая.

– О, Макс, только не начинай! – Сабж смешно замахал руками и тоже сел. – Они мне неприятны. Устраивает?

– В принципе, да. Я думаю примерно так же.

– А почему «в принципе»?

– Ну потому что нет одинаковых людей.

– Впервые встречаю такого наивного циника, – усмехнулся Сабж. – Ну хорошо, скажем так... Хм... Некоторые люди недостаточно отличаются друг от друга. Устраивает?

– Да.

– Ну так вот, Макс, эти люди, они вроде бы и не обычные, и в то же время совсем не похожи на тех, с кем мне приходится общаться. К примеру, там живет эфиоп по имени Исая.

– Ого!

– Серьезно. Он у них за повара. И этот Исая каждый раз встречает меня словами: «Welcome back».

– И что?

– А то. Я могу только что приехать или выйти из сортира. И всегда он говорит мне: «Welcome back». Потому что за двадцать лет со дня отъезда из Эфиопии он выучил только эту фразу.

– А значение?

– Что?

– Значение этой фразы он понимает?

– Нет, конечно...

– И правда, хороший человек.

– А еще есть Наташа. Она из Белоруссии. Пять лет просидела в Париже. Обычная история. Киномечта, все дела. Ну, и результат предсказуемый. Сначала устроилась официанткой, потом стала по выходным подрабатывать в каком-то борделе. Имела спрос, постоянных клиентов, но уйти туда насовсем отказывалась. А однажды появилась здесь. И осталась. Не знаю уж, как и почему, мне, если честно, по фигу.

– И?..

– Понимаешь, в ней есть что-то такое... Не знаю, как сказать. Ей веришь. Знаешь, Макс, она, бывает, выйдет в заповедник, сядет на траву. И тут же появляются телята бизонов, и какой-нибудь обязательно ложится рядом и кладет ей голову на подол. Как в легендах про единорогов.

– Единороги подходили только к девственницам, Сабж.

– Я в курсе. Просто в Наташе есть что-то чистое, несмотря ни на что.

– Понятно.

– А самое главное, Макс, мне здесь всегда рады. Других таких мест я не знаю. Понимаешь, старик, я не жалею о своей жизни, все вроде правильно. Единственное, чего в ней недоставало, так это места, куда я мог бы вернуться. Я все время куда-то шел. И всегда вперед, никогда не оглядывался. Не на что было оглянуться. И возвращаться было некуда. А возвращаться – это же здорово. Куда-нибудь, где тебе рады. Раньше у меня такого места не было. Теперь вот есть.

Я приподнялся на локтях, посмотрел на часы. У нас оставалось чуть больше часа.

– Ну, так давай заедем. Время есть. Заодно попробую хваленый березовый сок.

– Не хочу. – Сабж медленно встал, отряхнул брюки, потянулся. – Как раз сегодня мне не стоит оглядываться. А с березовым соком никаких проблем, – растягивая физиономию в довольной усмешке, сказал он, – пошли.

На самом краю березовой рощи грел на солнце бока огромный красный с белыми прожилками валун. Трудно представить, из каких далей приволокло его ледником. Одно я знал точно: в местных горах таких камней нет.

– Что, брат, гадаешь, откуда он здесь взялся? – Сабж похлопал валун по теплему боку и рассмеялся.

- Даже подумать страшно, – признался я.
- Ну да, это была долгая прогулка. Смотри сюда.

Сабж обошел камень и махнул мне рукой. С противоположной стороны из валуна был вырван солидный кусок. Это произошло, по всей видимости, тогда же, когда его тащило в эти степные районы. Получилась неровная ступень, на которой теперь стоял десяток пластиковых бутылок с мутноватой жидкостью.

– Каждое утро кто-нибудь из поселка поднимается в рощу, – пояснил Сабж, – и снимает со стволов берез бутылки. Часть забирает с собой, остальные ставит сюда, в тень. Для таких, как мы. К вечеру ни одной бутылки не остается.

Я взял литровую баклажку из-под пепси, отвинтил пробку и сделал глоток.

Если вам никогда не доводилось пить березовый сок из бизоньего заповедника, то ваша жизнь прошла... не то что бы напрасно... Но в ней не случилось чего-то очень важного. Сабж был прав.

– Возьмем бутылку с собой. Больше все равно не успеем выпить.

15. Ногти

В двенадцати километрах от Бески-Юга и в трех – от того места, где «1969» сливается с Северо-Западной скоростной, я остановил дреднот и вылез из салона. По большому счету, здесь и заканчивалась трасса «1969». Как и краткая эпоха наивных надежд, длинных волос, рок-н-ролла и веры в человека.

Именно тут в самом конце 1969-го года три автобуса, расписанные черепами и ромашками, свернули с дороги. Никаких памятников, обелисков, ничего такого. Только упрямо торчит старый Звениящий дуб. А на нем – тысячи пацификов, хайратников, порванных струн. Я обхожу свой ЗИС, достаю купленный на пристани зонт, размахиваюсь и кидаю в густую, тяжелую крону.

– Хайле селасе, – говорит Сабж, открывая дверь, но оставаясь в салоне. – Я всегда хотел спросить, Макс: если в тех автобусах ехали последние, то кто притаскивает сюда весь этот металлолом?

– Дураки и предатели, – говорю я, закрывая багажник.

– А ты?

– Ну, и я.

– Ясно. – Сабж захлопнул дверь и сказал в открытое окно: – Тогда давай почтим это дело прослушиванием «Вельвет андерграунда» и косяком.

– У меня нет «вельветов», а траву я не курю.

– Тогда что нас тут держит?

– Да ни хрена нас тут не держит.

Ветер то налетал, чтобы ощутимо шлепнуть дреднот по выгнутой спине, то вдруг затихал. От этого в кроне Звениящего дуба возникала психоделическая мелодия. Типа, саундтрек к разочарованию.

– А почему дураки, Макс?

– А кто же? Все эти хипстеры, битники, дети цветов – как судороги. Даже не судороги, а ногти. Тело уже умерло, мозг разослал сигнал: «Стоп, машина». А ногти растут.

– Или волосы, да? Помнишь эту фишку, да? Когда все почти уже кончилось, какой-то клоун поставил на Бродвее такой мюзикл. Билеты стоили бешеные бабки.

– И я про это. Любое движение имеет смысл, пока в него верят. А вера кончилась уже тогда. Потому я и говорю – дураки. Все же на ладони, Сабж, но они отказываются видеть.

– Ну и что? – Сабж пожимает плечами и вынимает из моего кармана сигареты. – Почему все должно иметь какой-то смысл? Эти парни по-своему счастливы. Они наверное, счастливее нас с тобой, Макс. Может, ты им просто завидуешь?

– Может быть. Но я бы не смог так. Я, наверное, слишком четко осознаю бессмысленность всей этой бодяги.

– Просто ты атеист, приятель. Потому что слишком много знаешь. Знание порождает сомнения, поэтому оно – антипод веры. А вера слепа по определению, она исключает сомнения. Или это уже не вера. В большинстве случаев...

– Я думал об этом, Сабж. Но ведь многие из них далеко не глупы. Движение интеллектуалов было тогда и существует теперь. Нет, старик, тут дело не в знаниях. Скорее, в какой-то врожденной наивности.

– Только не произноси слово «чистота». Вспомни того же придурка Кизи.

– Кизи не в счет. Он уже тогда ни во что не верил. Ему просто нравилась жизнь раздолбая, вот и все. Как и Бротигану. Этих двоих я уважаю. На периферии любого движения можно найти таких ребят. Они хотели бы верить, но врожденный цинизм мешает. И они оказываются в некоем вакууме между верой и смыслом. Смысл им не нравится, а верить они не умеют.

– А потом приходят наивные умники и называют их гуру.

– Типа того.

– Тогда я не совсем понимаю, что ты называешь наивностью.

– Наивность – это вера вопреки знанию. Если еще раз положишь мои сигареты к себе в карман, я сломаю тебе руку.

– Реасе, бро. Прости мне мою наивность. Я знаю, что это твои сигареты, но верю, что ты об этом не вспомнишь. Я хиппи. В каком-то смысле.

16. Оранжевые пунктиры

Спустя какое-то время, высадив в пригороде Сабжа, я въехал в южные ворота Бески-Юга. Монотонным речитативом потянулись ухоженные, но довольно однообразные дома. Как и большинство относительно молодых городов (Бески-Югу чуть больше двадцати лет), он еще не успел обрести своего лица. Которое приходит к городам с потемневшими камнями домов, трещинами в асфальте, третьим, а то и четвертым поколением жителей. Так вот, всего этого Бески-Юг еще не приобрел. Самое старое здание в нем – это бывшая казарма, которая потом была тюрьмой, а сегодня, как ни парадоксально (разумеется, после кардинального переустройства), – стала школой. Но одного здания побуревшего кирпича недостаточно. А в остальном Бески-Юг – обычный небедный провинциальный городок, каких тысячи.

Покружив по городу, я нашел автостоянку, охраняемую тремя доберманами и огромным негром. Негр помог мне натянуть на дреднуут брезентовый тент, взял плату за месяц вперед и рассказал о последней игре «Нью-йоркских гризли» против «Сибирских медведей». Я вежливо делал вид, что слушаю. Хотя футбол ненавижу. Возненавидел его еще в Самерсене. Потом охранник стрельнул у меня сигарету, и больше я его никогда не видел.

...Встречи, подобные той, на которую я приехал, проводились по однотипной схеме. Никаких ночных перебежек, поднятых воротников, накладных усов и зеркальных очков. Все максимально буднично и просто. В маленькой гостинице снимается номер с отдельным входом. Вот и все. Чем меньше суеты, тем меньше внимания и посторонних глаз. На столе раскидываются карты и деньги, выставляется выпивка, так что в случае чего обвинить можно только в азартных играх. Тоже, разумеется, не сахар, но это меньшее из зол, с которым приходится мириться.

В ближайшем к автостоянке газетном ларьке я купил «Бески-Юг дэйли» и в разделе частных объявлений без труда нашел то, что искал:

«КАРТА ЕВРОПЫ. БЕРИНГ, БРАЙЗЕР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “СОХО”143-07-08»

Оставалось только выяснить местоположение гостиницы «Кеббис», где сегодня, седьмого августа, в номере 143 состоится встреча. И в этом я рассчитывал на болтливость продавцов газет.

Никогда не мог понять, почему в провинции так любят красить бордюрные камни в яркие цвета. В Бески-Юге они были зловеще оранжевыми. Почему? Возможно, потому, что

не нашлось другой краски. Но тихие патриархальные пейзажи провинциального городка, обведенные четким оранжевым пунктиром, навевали что-то наркотическое. Представляю, каково тут в дождь, когда оранжевые отблески отражаются еще и в лужах!

Небо постепенно избавлялось от грозовых облаков. Парило нещадно, и синева была такой нестерпимо ослепительной, что я нацепил очки. На одной из пустынных улиц, прямо на разделительной полосе спала, высунув длинный красный язык, лохматая собака.

Минут через пятнадцать я нашел гостиницу «Кеббис» – серое двухэтажное здание со стандартной вывеской. Все номера первого этажа имели вход с улицы. В том числе и номер 143. Я постучал трижды. Шторка на ближайшем слева окне шевельнулась, щелкнул замок, и я толкнул дверь.

На пороге стояла Буги. Удар был достаточно сильным, и я потерял сознание.

Часть вторая ЭПИЦЕНТР

17. Солнце и вода

Дождь, нудивший с самого утра мелкой промозглой пылью, к обеду превратился в полноценный затяжной ливень. Тяжелые капли рушились на асфальт перед гостиницей, вздувая пузырями стремительно разрастающиеся лужи и разгоняя на них радужные пленки масла. Город, и без того в этот час немногочисленный, вымер. Низкое серое небо казалось еще ближе, еще тяжелее: вот-вот обрушится всей тяжестью переполненных влагой грозовых облаков, вомнет смешные домишки Бески-Юга в асфальт, сровняет этот чертов городишко с землей, и все – как и не было.

Это типично для районов, окружающих мертвую зону вокруг Эпицентра: низкое небо, прижимающееся к земле, неустойчивая погода, вечная сырость. Собственно, влажность и создает ощущение близости небес, выступая своеобразной атмосферной линзой. В редкие часы ясной погоды, особенно по ночам, можно бесконечно долго смотреть вверх, на яркие звезды, похожие на пулевые отверстия в иссиня-черных одеждах Господа Бога. И верить становится просто... Вот только хорошая погода в этих местах – редкий гость.

– Ну, а потом я приехал сюда и ты встретила меня своим классическим апперкотом, сестренка, – закончил я свой рассказ и осторожно отнял от лица грелку со льдом. Челюсть все еще болела, но уже не так сильно.

Буги не смотрела на меня, она сидела, забравшись с ногами в глубокое кресло и укутавшись в плед. В эту минуту она выглядела такой женственной, такой домашней... если бы не «Пустынный орел», лежащий на подлокотнике, и не болезненная память о «радушном» приеме. А кроме того, был еще взгляд: холодный, сосредоточенный, спокойный.

Сабж сидел на полу в углу комнаты и старательно делал вид, что его тут нет. Под левым глазом у него наливался синевой монументальный синяк: дурачок рискнул сунуться между мной и Буги, даже угрожал ей своим смешным «парабеллумом». Хотя, может быть, именно это меня и спасло. Я вырубился сразу, отхватив апперкот, но одним ударом Буги явно не ограничилась, потому что у меня болела не только челюсть, но и ребра, и правое плечо, и правое колено. Впрочем, если бы Буги захотела, она могла покончить со мной и с меньшими затратами энергии. Уж кто-кто, а я ее хорошо знал. Значит, она не собиралась меня убивать?..

– Ну и... что мы теперь будем делать? – спросил я, поскольку Буги не реагировала на мои слова.

Она впервые за время моего рассказа оглянулась:

– Завтра уйдем в трип. Отец настоял, чтобы я пошла с тобой и Сабжем. Это почти намек, Макс, пораскинь мозгами и подумай. – Она стремительно поднялась, бросила на

спинку кровати плед, привычным движением сунула в плечевую кобуру «Орла» и прошла через комнату к двери. – Ложитесь спать. Завтра подниму затемно... И примите душ, воняет от вас, как от козлов.

– И тебе спокойной ночи, – подал голос Сабж, – был рад тебя увидеть.

Я бы не рискнул шутить с Буги, когда она не в настроении. Но Сабжу прощалось многое. Буги криво улыбнулась и ответила:

– Извини меня, Сабж, я, наверное, погорячилась.

– Я заметил, – кивнул Сабж, – но великодушно тебя прощаю. Как думаешь, в этой гостинице можно заказать ужин в номер?

...Не так-то просто уснуть, когда все тело болит. Да и дождь барабанил в гостиничную кровлю всю ночь, прекратившись лишь часам к четырем утра. Только тогда я наконец провалился в некое беспокойное подобие сна, в котором все время куда-то бежал, от кого-то спасался, прятался, боялся. Мне снились пропитанные влагой подвалы, странные слепые люди, приманивающие крыс игрой на дудках, жуткий художник с крестами пластыря вместо глаз... Я осознавал, что это сон, просто кошмарный сон, и понимал, что надо всего лишь проснуться. Но проснуться не получалось...

Поэтому я был даже рад, когда Сабж растолкал меня и сказал, что Буги ждет нас через полчаса на автостоянке.

Арендованный здесь же, в Бески-Юге, рыжий пикап неопределяемой марки и года выпуска глухо урчал. Буги сидела, открыв дверь, на водительском месте и курила. Судя по синякам под глазами, спалось ей тоже несладко. Как и мы с Сабжем, она была одета в темно-зеленый армейский комбинезон. Ничего, кроме оружия и левых документов, ни у кого из нас с собой не было. Все наши вещи остались в номерах.

Я кивнул Сабжу на переднее пассажирское сиденье, а сам забрался назад. Лег, насколько позволяло пространство салона, и мгновенно уснул. На этот раз мне не снилось ничего, и за несколько часов пути до Орлиного Гнезда я более или менее компенсировал гостиничную бессонницу.

Впрочем, несколько раз я просыпался и видел за рулем то Буги, то Сабжа. Вести пикап они мне не предлагали.

За несколько минут до въезда в Орлиное Гнездо я проснулся окончательно. Желтые, сливающиеся с ландшафтом руины городка уже можно было разглядеть в небольшой долине, зажатой между поросшими жестким кустарником холмами. Был полдень, и с безоблачного неба взирало на землю жестокое солнце.

После войны, радикально поменявшей климат всей планеты, здесь всегда стоит засуха. Дождевые тучи доходят до границ мертвой зоны, окружающей Эпицентр кольцом в пять-шесть километров шириной, и проливаются над пограничными городками вроде Бески-Юга. Сюда же дождь заглядывает редко. Лишь осенью безумные шквалы Санта-Берильес приносят непогоду, и тогда тонны воды с неистовой силой обрушиваются на желтую пыль. Такие ливни могут идти по две-три недели подряд и меняют пейзаж до неузнаваемости. Ярость воды срывает одни холмы и возводит другие, уничтожает незащищенные оазисы, создает русла недолговечных рек, чьи обезумевшие потоки сносят все на своем пути. Долина, где расположено Орлиное Гнездо, превращается в мутное озеро, и бурая вода полностью скрывает развалины городка. Многие подобные селения, оказавшиеся после войны в мертвой зоне, давным-давно либо сровняло с землей, либо засыпало наносным песком. Но есть и такие, что торчат гнилыми зубами руин по сей день. Когда сила воды иссякает и яростное солнце, прорвавшись сквозь облачную завесу, превращает вчерашнюю грязь в желтый песок, трудно поверить, что совсем недавно тут бушевал потоп. Его вызывают многочисленные заброшенные шахты, которыми изрыта почва под городком. Когда-то в них добывали йод и насыщенную им соль.

Пикап стоял. Сабж тихо похрапывал, смешно съездившись на переднем сиденье и упершись ногами в лобовое стекло. Буги стояла спиной к машине чуть в стороне и курила. Яркое солнце прошивало ее густую шевелюру золотыми нитями и окружало всю фигуру

ослепительным ореолом. Я невольно подумал, что сейчас она представляет собой отличную мишень, и усмехнулся. Сабж громко всхрипнул и тут же захлопал глазами.

– Приехали? – пробормотал он, обращаясь к пустому водительскому сиденью.

– Почти, – ответил я, – долина прямо под нами.

– Ага, – сказал Сабж, протирая глаза, – а где Буги?

– Вон она, курит.

Сабж повернулся, проследил за моим взглядом и вдруг совершенно спокойно произнес:

– Даже я не промахнулся бы.

– Знаю, Сабж. И она знает. Но я не стану этого делать.

– Почему?

– Ну... Скажем так, не вижу достаточно веских оснований.

Это была неправда. Вернее, не совсем правда. На самом деле я бы и самому себе не смог толком ответить, почему не выстрелил в нее тогда.

– Ясно. – Сабж потянулся, снова огляделся и так, словно мы только что обсудили не самый удачный матч «Буффало Саймс», сказал:

– Тогда дай мне сигарету, Макс. А я попробую разогнуть ноги.

18. Противоречие

Как и большинство субтропических областей планетарного диска, эта в прошлом принадлежала вездесущей Вест-Индской компании. И, как и везде, британское влияние на местный колорит оставило шрамы, нелепые и неуместные. Орлиное Гнездо – яркое тому свидетельство.

Понятия не имею, как оно называлось в довоенные времена. Берусь спорить на кругленькую сумму, что топоним начинался с приставки «New», но если честно, меня это никогда не интересовало. Не потому, что я не любопытен, напротив, меня хлебом не корми, дай покопаться в архивной пыли жуткого прошлого, выродившегося в безумное настоящее. Но руины должны оставаться руинами. И в прямом, и в переносном смысле. А кроме того, среди тех, кто ходит в Эпицентр, есть негласное правило: мы стараемся не привлекать внимания к нашим форпостам и перевалочным базам.

А вот что касается нынешнего названия, «Орлиное Гнездо», то тут все просто. Когда мы обнаружили этот забытый цивилизацией уголок, в нем уцелело всего одно приземистое здание красного кирпича. На его фасаде каким-то чудом удерживались остатки неоновой вывески – «Eagle's Nest». Выглядело здание настолько по-британски, что у меня аж сводило зубы. Казалось, этот кубический монстр с нелепой колоннадой сам приполз сюда с островов Ее Величества. Или его приволокло ледником...

Я всегда испытываю бессильную ярость при виде подобных уродливых свидетельств имперской власти. Какое на хрен орлиное гнездо может быть там, где никто и никогда в глаза не видел орла? Стервятники, грифы, соколы, даже вороны – пожалуйста. Но орлов тут никогда не водилось. Так почему не назвать гостиницу «соколиным», «вороньим» гнездом или «Гнездом Грифа» на худой конец? Но нет, имперское сознание, пройдя сквозь сито веков, как будто само приняло форму куба. Или это римские орлы все еще властвуют над друидскими генами?

Путешествуя по планетарному диску, я завел блокнот и записывал туда все «гнезда», встречавшиеся по пути. Я насчитал ровно 110 орлиных, 62 вороньих и 12 ястребиных.

Бальзамом на сердце пролился неон вывески «Гнездо канарейки» в Портсмуте. Так называлась невзрачная закусовая, за стойкой которой стояла аппетитная дочка хозяйки, вызвавшая у меня куда большее слюноотделение, нежели местное скудное меню. А в Вально выбила скупую мужскую слезу вывеска «Гнездо Носорога» над огромным автосалоном. Но эти исключения только подтверждают правило.

Нет, я не имею ничего против Туманного Альбиона. Я люблю Лондон, а в Лидсе прожил почти год. Даже прогулялся босиком по зебре пешеходного перехода знаменитой

аббатской дороги.

Но я ненавижу Вест-Индскую компанию и всех ее сестер и братьев, какие бы имена они ни носили.

И дело здесь не в расовых и национальных предрассудках или территориальных претензиях — это всего лишь лозунги для прыщавых юнцов, спасающихся от перхоти, выбривая головы наголо. Но именно такими лозунгами прикрывался монстр, вытоптавший планетарный диск коваными армейскими сапогами, мягкими мокасинами проповедников, траками бронетехники и инверсионными следами трансатлантических авиалайнеров. Прикрывался, чтобы делать свое дело за счет всеобщей мобилизации, уличных банд всевозможного покроя и фасона, разнокалиберных конфессиональных общин, землячеств и диаспор. Не верьте тому, кто скажет, что имя этому монстру — деньги. Они — лишь одно из его орудий, наряду с жаждой наживы и власти, равнодушием, властолюбием, прыщавой наивностью бритоголовых неонацистов и фанатичной верой преподобных святых отцов. Говорят еще, что имя ему — Легион. Я же считаю, что имя ему — человек. Прекрасный и ужасный, как никто другой, близкий к Богу и неизмеримо далеко отошедший от Него.

Основной парадокс человечества в том, что мы, люди, сочетаем в себе тягу разрушать и стремление создавать. В нас воистину сошлись божественное и дьявольское. Нам не чужды понятия: добро, красота, вера, свобода, соучастие. Память. Умение восхищаться. Стремление сохранить. И хрен его знает, каким образом мы умудряемся сочетать в себе противоположное. Я ведь и сам создавал и уничтожал, убивал и радовался рождению, спасал и равнодушно отворачивался, крал и дарил, верил и сомневался, восхищался и цинично насмехался. Объяснить этого я не могу, но прихожу к выводу, что главное в человеке — противоречие.

Помните, я говорил об истинах, которые навязли у нас в зубах. Может, и у вас тоже, я не в курсе... Так вот, человек умудряется противоречить этим истинам всем своим существованием. Как хотите, так и понимайте...

* * *

Буги докурила, отбросила окурочку в сторону и молча вернулась в машину. Пикап, глухо урча, скатился по осыпающемуся склону холма и въехал под сень руин уничтоженного войной города. Одного из многих сотен подобных ему. Может быть, даже из тысяч.

— Обожаю такие городки, — вздохнул Сабж, — их ни с чем не сравнимый провинциальный колорит и...

— Сабж, заткнись, — вздохнула Буги.

— Молчу-молчу, — понурился Сабж и уставился в боковое окно.

19. Рутина

Последний раз я бывал в Орлином Гнезде четыре с половиной года назад, за полтора года до вынужденного отпуска. С тех пор тут почти ничего не изменилось. Те же словно надкусанные гигантским дегустатором темно-коричневые стены, та же чахлая растительность серого цвета в трещинах асфальта и меж кирпичей руин, то же тревожное ощущение настойчивого взгляда в спину.

Я знал, что это только ощущение. Буги не просто так курила, стоя у пикапа. Прежде чем отправиться за мной и Сабжем, она уже побывала здесь (и еще кое-где), и расставила в только ей известных местах маячки — не меньше сотни в каждом городе. Специальный сканер (который мог быть вмонтирован в часы, пуговицу, куда угодно) считывал информацию с маячков. И если бы в городе появились гости, а тем более если бы они решили дождаться нас, хоть один маячок зафиксировал бы это. Тогда бы мы просто развернулись, доехали до ближайшего населенного пункта, сдали пикап, арендовали другую машину и попытались счастья еще раз, в другом месте.

А когда мы будем покидать Орлиное Гнездо, Буги активирует систему самоуничтожения маячков – и от них не останется ничего, кроме расплавленных кусков пластика и сгоревших чипов со стертыми данными.

С тех пор как правительственные органы выяснили, что есть люди, способные проникать в Эпицентр и возвращаться обратно, мы вынуждены были соблюдать осторожность. И Полковник, основной организатор и заказчик трипов, разработал целую систему мероприятий, чтобы усложнить работу спецслужб, занимающихся Эпицентром. В том числе и установку маячков в городах-форпостах.

Разумеется, периодически кого-то из наших брали. На этот случай тоже существовали инструкции. Так, не следовало ничего скрывать. Почти ничего.

Проводники шли в трип только после личного уведомления Полковника. Каким образом они получали информацию с Территории Штиля, никто, кроме них самих, не знает. Состав группы известен только организатору трипа (как в нашем случае – Буги).

Когда арестованных сталкеров заставляли провести группу в Эпицентр, это требование следовало выполнить. Но группа обязательно погибала, даже если арестовывали Проводника. У него или трипующего бойца был шанс выжить благодаря своему опыту и знанию Эпицентра, однако я не слышал, чтобы кому-то это удалось.

На руку сталкерам играл тот факт, что эффект от электромагнитных импульсов, разбросанных лепестками ядерных взрывов, так и не исчез окончательно. В самом Эпицентре он не ощущался, но вот небо над Неподконтрольной Дистанцией было гарантированно защищено от воздушного транспорта.

Почему мы скрываем свои способности от правительств и почему они, в свою очередь, стремятся попасть в Эпицентр?

Ох... Это сложный и крайне запутанный вопрос. Ведь, с одной стороны, Эпицентр – губительное для всего живого на земле (кроме населяющих его организмов) место. И на первый взгляд владение им мало что дает метрополии в плане геополитического превосходства. Но в действительности сумевший подчинить нейтральную территорию получает контроль над прочими метрополиями. Собственно, это и явилось причиной последней войны на Земле. (Я говорю «последней», поскольку доверяю Полковнику и его научным изысканиям.) Ведь то, что в самом центре планеты расположена военная база баллистических ракет, оснащенных ядерными боеголовками, могло в корне изменить всю картину мироздания.

Человечество во все времена пребывало в состоянии готовности к войне. Бытующее определение – «вооруженный до зубов нейтралитет» – не момент истории, оно и есть история. Человечество только в этом состоянии и существовало. Гонка вооружений, которая в разные времена то скрывалась под ликом развития прогресса, то действовала открыто, была и пока что остается угрозой цивилизации. И это еще раз подтверждает парадокс, характерный для всего, что творит человек. С одной стороны гонка вооружений способствует развитию инженерной мысли, медицины, физики, математики и прочих наук. С другой стороны, именно благодаря этому развитию все созданное человечеством может в любое мгновение исчезнуть. Полковник однажды сказал, что в тот момент, когда люди подчинили себе атом, наша цивилизация стала похожа на канатоходца, замершего на середине пути и выронившего балансир: он удерживает равновесие только за счет того, что ветер с одинаковой силой дует со всех сторон.

Оговорюсь. Мы все, и Полковник в первую очередь, отдавали себе отчет в том, что рано или поздно Эпицентр будет взят. С нашей помощью или без нее – это все равно бы случилось. И мы были готовы к тому, что однажды Полковник даст сигнал, и нам придется войти в Эпицентр, чтоб попытаться остановить человечество. «Это бесполезно, – качал головой Полковник, – но иногда бессилие приносит больше пользы, чем сила. Будем надеяться, что я успею что-нибудь придумать. Вот только что? Ума не приложу».

Пока же мы делали то, что могли. Получая сигнал от Полковника, мы уводили в Эпицентр тех, кто страдал от политических, религиозных, расовых преследований, тех, кто

мог сделать что-то полезное, но был связан по рукам и ногам системой, предрассудками или финансовой ситуацией.

Кроме того – не вижу смысла скрывать этот факт – через Эпицентр часто перевозились различные контрабандные товары: алкоголь, легкие наркотики растительного происхождения, запрещенная литература, etc. А нам нужны были деньги. В первую очередь, на те исследования, которые проводил Полковник и помогавшие ему ученые. Остальное доставалось трипующим сталкерам. Мы привыкли жить безбедно, почти ни в чем себе не отказывая. Риск, которому мы подвергали себя в Эпицентре, давал нам на это право. Трипы были нашей работой, нашей жизнью и нашей смертью.

Еще одним из источников добывания средств стало то, что мы называли между собой «хабаром», а на самом деле мародерство. Ведь Эпицентр когда-то был метрополией Нагасаки – одной из самых влиятельных и богатых. И обшаривание его опустошенных войной городов порой приносило едва ли не больший доход, чем доставка контрабандных грузов. Хотя и было связано с достаточно трудоемкой процедурой очистки трофеев: радиационной, химической, бактериологической. Ведь они могли представлять серьезную опасность для обычных людей.

20. Полчаса чешуйчатого ада

У гостиницы сохранился почти весь второй этаж и часть крыши, и все здание было чертовски похоже на изъеденный кариесом зуб. Левый угол второго этажа обвалился и открывал взгляду засыпанные песком внутренние помещения. Они напоминали мне подводные пещеры, в которых, судя по фильмам Кусто, обитают жутковатые поедающие друг друга твари.

Буги припарковала пикап слева от крыльца, выскочила из машины и попыталась открыть дверь. Та сдвинулась на пару сантиметров и застряла.

– Чертов песок, – вполголоса пробормотала Буги и обернулась к нам: – Ну что ж, беритесь за лопаты – они под задним сиденьем.

Мы с Сабжем лениво выползли из машины и, вооружившись лопатами, принялись разгребать песок на крыльце. Это оказалось непросто, поскольку в некоторых местах он почти окаменел. Во время наводнений вода поднимает из пещер соль, и та склеивает подсыхающий песок не хуже бетона.

– Обожаю поваляться на песочке, – отплевываясь, сказал Сабж с улыбкой. Казалось, он воспринимал необходимость помахать лопатой как лекарство от скуки. – Буги, сестренка, ты не прихватила ли случаев крем от загара?

– Откроешь эту хренову дверь, – ответила Буги, отирая со лба пот, – и я сама намажу тебе спинку. Если раньше не сварюсь, конечно.

Она не шутила. Полуденное солнце набросилось на землю с жадностью и злобой некормленного цепного пса. Не прошло и двух минут, как наша одежда пропотела до нитки. Буги попыталась передохнуть от палящих лучей в утробе пикапа, но тут же выскочила наружу и, ругаясь, полезла под машину.

Дверь упрямо сопротивлялась нашим усилиям.

– Какого черта мы не сделали лаз через второй этаж? – пропыхтел я, пытаясь сбить штыком лопаты особенно крупный кусок окаменевшего песка.

– А что это дало бы? Копали бы сейчас на втором этаже, – еле слышно проговорила из-под днища пикапа Буги.

– Точно, – прохрипел Сабж, – этот песок везде.

– Ма-а-а-ать ва-а-а-а-шу! – взревел я, налегая на дверь. Сабж поспешил мне на помощь, а через секунду к нам присоединилась и Буги. Дверь вдруг начала поддаваться, и общими усилиями мы сдвинули ее ровно настолько, чтобы я смог туда протиснуться. Следом за мной пролезли Буги и Сабж.

В холле было темно и прохладно. Я захлопнул дверь и устало опустился на пол,

прислонясь к стене.

– А знаешь, что опаснее всего для человеческого организма? – спросил Сабж, опускаясь рядом.

– Что?

– Лекарства от кашля.

– Да ну...

– Серьезно. Ты как-нибудь прочитай список побочных явлений. Кожная аллергия, тошнота, рвота, головная боль, сонливость и так далее. А если принимать долго, может возникнуть зависимость от кодеина.

– Ни хрена себе...

– Ну! Потом, значит, что там еще?.. Аритмия, проблемы с мочевым пузырем... э-э-э... Ну короче, до хрена. А самое главное, либо понос, либо запор. Прикинь? Либо понос, либо запор, и никаких компромиссов.

– Какие компромиссы, Сабж? Запор и понос одновременно?

– Я знаю, как надо было тебя прикончить, – усмехнулась вдруг Буги. – Накормить таблетками от кашля и дожидаться, пока ты лопнешь от собственного дерьма.

– Не смешно.

– А я почти и не смеюсь. Ладно, отдохайте. Я пока «свисток» закину.

Гостиница стояла над одной из пещер. Двенадцать лет назад с помощью нескольких небольших зарядов динамита удалось проделать проход из ее глубокого винного погреба под землю. Но поскольку сырой погреб облюбовали змеи и скорпионы, нам приходилось брать с собой «свистки»: устройства, которые отпугивали этих тварей.

Буги прошла в угол холла и не без труда подняла обитую металлом крышку люка. Быстро закинув туда несколько «свистков», она закрыла люк и вернулась к нам.

– Полчаса чешуйчатого ада, – улыбаясь, констатировал Сабж. – Кто как, а я в люльку.

– Я тоже, – кивнула Буги.

А я просто молча подложил руку под голову и закрыл глаза.

21. Во сне и наяву

Сон не шел, а скорее пробивался сквозь пудовую тяжесть реальности, смешивался с ней в абсурдном месиве образов, воспоминаний, неясных ощущений. В какой-то момент я вдруг явственно увидел лицо Марты и тут же поспешно заставил себя вынырнуть из полудремы. К черту!

Снизу, из подвала, доносился громкий шорох и скрежет. Сабж похрапывал громче обычного, Буги спала совершенно спокойно. Если она вообще спала.

Тихо, чтобы не будить их, я встал и отошел к дальней стене, туда, где в пыльный потолок упиралась шестигранная колонна. Сел, прижавшись к ней спиной, достал сигареты, закурил.

Странно, но мне никогда не снится Эпицентр. Ни его кошмары, ни жуткие обитатели, ни не поддающиеся разумному объяснению Волны безумия.

Некогда Полковник составил перечень обитателей Эпицентра – неполный и не совсем точный, но постоянно обновляющийся за счет дополнительных сведений, приносимых сталкерами. Полковник считает, что всех тварей можно смело разделить на тех, кто мутировал из нормальных земных животных, и тех, кто появился непосредственно в Эпицентре. Я их не различаю, у меня нет на это времени. Любая тамошняя тварь – враг и считает врагом меня. Вот что нужно знать сталкеру. Разумеется, мне известны повадки обитателей Эпицентра, в противном случае я давно бы отдал душу радиоактивным богам. Но когда группа попадает в зону действия Волны – а даже опытные проводники вроде Сабжа порой не в состоянии провести группу «чисто», – все эти знания становятся бесполезными. Впрочем, и об этом я подробно расскажу позже.

Сейчас же вот о чем. Итак, мне не снится Эпицентр, и даже когда я вспоминаю

Полковника, он предстает перед моим мысленным взором вне этого ада. Возможно, срабатывает защитная реакция организма... Тогда, сидя у колонны с сигаретой в руке, я подумал, что надо бы спросить Сабжа, какие сны видит он. И Буги, если она захочет со мной разговаривать. И даже Полковника или кого-нибудь из его ученых, если группе суждено будет дойти до Территории Штиля.

Должен сказать сразу – я это так и не выяснил.

В какой-то момент я снова задремал, и опять поплыли перед глазами самерсенские виды, знакомые лица с печатью вечной усталости и тоскливой беспросветности, заваленная хламом книжная лавка, в которой я что-то искал и никак не мог найти, какая-то пьянка, уличная драка...

А потом Марта. Ее глаза, в которых читалась немая просьба. И я вдруг понял, что был слеп. Не стоило, черт меня побери, давать надежду этой женщине – возможно, единственной любившей меня и видевшей во мне не случайного знакомого, не бойца-сталкера, но человека.

Марта знала, что такое безнадежность, привыкла к ней, как привыкают к тому, что зимой идет снег, а осенью и весной – дождь, к тому, что надо дышать и спать. Для нее это была просто реальность. А я дал ей напрасную надежду, и это ей было куда труднее перенести.

Там, в моем кратком сне, мы не сказали друг другу ни слова. Марта сидела на кровати и сначала медленно застегивала пуговицы на блузке, а потом порывистыми движениями пыталась привести в порядок растрепанную прическу, все время беспокойно поглядывая на часы. А я – теперешний, уже все осознавший, – мучался: мне хотелось схватить ее в охапку, утащить к чертовой матери на другой конец света и – нет, не сделать счастливой, даже, возможно, бросить в конце концов, но не здесь, не в этой тоскливой самерсенской пустоте; но при этом я понимал: поздно, поздно, теперь-то уж точно поздно... А потом мне приснилась бескрайняя белая равнина и я один – в сердце белого пустого небытия... Это видение преследовало меня со времен детдомовского детства, где внутреннее одиночество странным образом сочеталось с невозможностью побыть одному.

Меня растолкал Сабж.

– Макс! Приятель, солнце взошло, бери мотыгу!

Я рывком сел, огляделся, приходя в себя.

– Что, нигер, кошмары?

– Да нет, Сабж, самая настоящая и привычная реальность.

– Ну, я и говорю, – кивнул Сабж, – кошмары. Буги уже внизу, там все чисто. Спускайся, а я пока по-быстрому разберусь с маяками и тачкой.

22. В ожидании военно-морского флота Ее Величества

По шаткой деревянной конструкции, отдаленно напоминающей приставную лестницу, я спустился в гулкий гостиничный погреб (язык не поворачивается назвать это место подвалом). Крутолобые, почти мавританские, и все же именно британские потолочные арки, стены, выложенные красным кирпичом, кое-где, впрочем, осыпавшимся, гигантские полуистлевшие бочки, клетки для бутылок... Все, разумеется, в плачевном состоянии. Песка тут почти не было, зато стояла влажная духота и неистребимый запах плесени.

Я постоял минуту, давая глазам привыкнуть к утробному полумраку, потом заметил стоящую у дальней стены Буги. Она смотрела на меня, поигрывая небольшим металлическим прутиком длиной с обычную шариковую ручку. Эта штукавина не внушала подозрений, если не знать, что Буги способна сделать с ее помощью и что после этого останется от человека. Я – знал.

– Братик, во сне ты все время повторял женское имя, – сказала Буги и странно улыбнулась. Я почувствовал, как по моему позвоночнику побежали капли холодного пота. – Марта... Занятно. Неужели у тебя появилась женщина?

– Вообще-то это не твое дело, – ответил я ровным тоном, – но у меня действительно какое-то время была женщина... Там, в Самерсене. И что с того?

– Ну, я просто подумала: а не познакомиться ли мне с ней? Как ты считаешь, братик? Все-таки у нас с тобой долгое время не было друг от друга секретов. Почему бы не возобновить эту... традицию.

– Ни хрена у тебя не выйдет, Буги, – сказал я, стараясь, чтобы лицо не выдало меня. – Она умерла... Покончила с собой.

Маска наигранной, нарочитой благожелательности мгновенно слетела с лица Буги. Некоторое время она смотрела на меня молча, перестав крутить свой чертов пруттик, и глаза ее в эту минуту были похожи на два осколка льда. Потом она повернулась ко мне спиной и быстро пошла по подвальному коридору. Позже я сообразил, что в тот момент тоже мог ее прикончить. Но я этого не сделал. Осознавая, что эта женщина люто меня ненавидит, сам я испытывал к ней только жалость и еще, быть может, чувство вины. Ну, и еще я ее боялся.

Уже у самого люка, ведущего из погреба в соляные пещеры под городом, Буги остановилась и, снова уставившись на меня, проговорила:

– Знаешь, о чем я подумала, Макс? Как только кто-то рядом с тобой начинает испытывать нормальное человеческое чувство, этот кто-то погибает. Странно, что ты еще не покрылся чешуей, братик. Ведь ты немногим лучше тех тварей, которых мы уничтожаем в Эпицентре! Как тебе такие мои выводы?

– Да мне, если честно, плевать на твои выводы, – ответил я, хотя на самом деле они мне совсем не понравились.

– Так может, убрав моего братика, – словно не слыша меня, продолжала Буги, – я сделаю не менее благое дело, чем уничтожив какого-нибудь стапи там, а?.. Да ладно, не парься, сейчас я не могу тебя убить. К сожалению...

Я не успел ответить. В подвал скатился Сабж и ошарашенно уставился в темноту:

– Эй! Вы где? О, вижу! Господи, я вижу, случилось чудо! Я могу видеть! Охренеть! Буги, зачем ты раскидала тут *столько* маячков?

– Просыпались, – пожала плечами Буги и, взявшись за рычаг, открывающий крышку люка, вопросительно уставилась на меня. Я схватился за рычаг с другой стороны.

23. Смутные и довольно банальные размышления

К сожалению, я практически ничего не знаю о соляных пещерах под Орлиным Гнездом. Как и многого другого из того, что стоило бы знать. Конечно, по сравнению с гибелью человечества все это кажется сущим пустяком, да и само человечество тоже. Просто нарост на спине исполинской Черепахи, бороздящей Великий Океан универсума, зарубцевавшаяся язва космического желудка. И тем не менее обидно осознавать, что я не потрудился выяснить для себя даже те подробности окружающего мира, которые имели ко мне самое прямое отношение. Если задуматься о смысле человеческой жизни, больше того, о смысле появления такой составляющей Вселенной, как мыслящее существо (не думаю, что Господь обошелся в этом деле одним лишь племенем людским), то я вижу этот смысл в постоянном пополнении знания, информационном коллекционировании, инфотелии, если хотите. Возможно, накопив необходимый интеллектуальный багаж, научившись делать выводы и понимать окружающий мир, человек смог бы постигнуть этот истинный смысл. Такой божественный квест: пока не найдешь спрятанного в сандалиии скрупула, ворота Мории не откроются и сияющая надпись на языке Эльдар будет казаться набором идиом из словарного запаса фельдфебеля.

И действительно, какое-то время культ интеллектуального поиска имел место быть. Взять хотя бы период с начала XVIII по начало XX века. Люди стремились к знаниям, а смысл жизни сводился к разгадке тайн Вселенной. Один и тот же человек запросто мог одновременно трудиться над изобретением летательного аппарата тяжелее воздуха, писать километры гекзаметров и тонны многостраничных монографий, посвященных семейству

Sphyaenidae.

Почему в конечном итоге этот культ свелся к практически абсолютному нулю? Думаю, по причине все той же тяги к наживе, по возможности легкой, не требующей больших физических, финансовых, эмоциональных (а как следствие – и интеллектуальных) затрат. В результате тех, кто считался ярчайшими представителями своего времени, то есть фанатичных ученых, стремящихся проникнуть в тайны мироздания, стали числить придурками, людьми не от мира сего, заслуживающими разве что снисходительной улыбки. В этом и состоит основная ошибка человечества. Научные разработки, которые не обещали в будущем финансовой, военной или любой другой стратегической выгоды, попросту перестали субсидировать, о них, вместе с их разработчиками, забывали. Что уж говорить о стандартном человекишке (к примеру, обо мне), который не утруждается навести хотя бы поверхностные справки об окружающем мире? Человек стал постепенно превращаться в интеллектуально ленивого тюленя и похоронил культ знания под складками жира, скепсиса и равнодушия. Это не самооправдание, это еще один приговор, которыми, кажется, так и пестрит моя рукопись.

...Так вот, если вы представили себе романтические своды с ниспадающими прядями сталактитов и колоннами сталагмитов, то ошиблись. Возможно, в глубинах, скрытых под бушем, были и такие, но мы шли не пещерами, а подземными коридорами с полами, выложенными еще до войны бетонными плитами, с кирпичными стенами и паутиной проводов на них. Все это, конечно, обветшало, раскрошилось, пришло в негодность. Но эти тоннели все еще было проходимы и тянулись в нужном нам направлении. К Эпицентру. Вернее, когда-то они (а под городом раскинулась целая паутина пешеходных и даже автомобильных ходов) вели к расположенному поблизости курорту, где до сих пор сохранилось большое озеро с белыми от соли берегами. Правда, фешенебельные отели, некогда построенные на его берегах, давным-давно стали руинами. Так что никакой романтики на этом отрезке нашего road movie не предвиделось.

24. Проводники и Вызывающие

Мы шли в полном молчании: Буги впереди, следом за нею шагал Сабж, я замыкал шествие. Проводник был на данном этапе наиболее ценным членом команды, его следовало хранить и лелеять. Буги несла большой фонарь, который давал достаточно света, чтобы не цепляться за торчащие отовсюду провода и не спотыкаться о вывороченные наводнениями плиты. Короче, ничего романтического и достойного внимания. На случай встречи с каким-нибудь упрямым глухим гадом, змеей или маленьким черным скорпионом все мы держали в руках тяжелые мачете – стрельба в замкнутом помещении коридора ни к чему хорошему не привела бы. Но ни одна чешуйчатая тварь нам так и не попалась. Спустя полтора часа мы вышли на большую террасу, нависающую над озером. Почти в ту же минуту через другой тоннель на террасу выехал черный спортивный «фerrари». Я уже видел эту машину раньше, правда, тогда на ней были другие номера.

– Салам алейкум, уважаемые, – почти пропел Шурави, вылезая из салона.

Шурави был метисом, кроме того, как мне кажется, кто-то из его предков умудрился согрешить с рептилией, как та дамочка в «Золотом ребенке» с Эдди Мерфи в главной роли, – было в лице и повадках Шурави что-то змеиное. Про таких говорят: «мягко стелет». Впрочем, меня это мало парило, поскольку, как говорится, мне с ним детей не крестить.

Шурави был Вызывающим, и попасть без него на территорию Эпицентра мы не могли. Он это знал, и потому, как и все Вызывающие, заламывал за свои услуги непомерно высокую цену. Ну, а мы в свою очередь знали, что вариантов у нас нет, и платить соглашались, хотя порой испытывали непреодолимое желание придушить Шурави шнурками от его же ботинок.

Настала пора подробнее рассказать о Вызывающих, Проводниках и Волнах безумия. К сожалению, я и тут испытываю явную нехватку в знаниях, но уже не по своей вине. Природа

дара Проводников и Вызывающих ставит в тупик даже самого Полковника, а он, между прочим, посвятил жизнь изучению всего, что так или иначе связано с феноменом Эпицентра. Поэтому в рассказе о Вызывающих я вынужден опираться только на свои догадки, высосанные из пальца теории, да еще сведения, почерпнутые из какого-нибудь пьяного трепы.

Все сходятся на том (и с этим соглашается Полковник), что, по всей видимости, дар Вызывающего и дар Проводника имеют одну и ту же природу, хотя и строго полярные свойства. И те и другие прочно связаны с Эпицентром, чувствуют его постоянно, реагируют на любые изменения, происходящие за кордоном, могут с закрытыми глазами определить расстояние, отделяющее их от бывшей метрополии Нагасаки. Сабж как-то по пьяни рассказал мне, что у него в мозгу словно висит подробнейшая карта Эпицентра, и он, находясь в любой точке планетарного диска, может точно сказать, сколько Волн безумия бродит за кордоном, какова их площадь и как долго просуществует каждая из них. Не знаю, правда это, или только пьяный бред, но факт остается фактом – Проводники действительно чувствуют приближение Волн издалека, с расстояния, достаточного для того, чтобы успеть увести группу от опасности. Проблемы возникают, когда вокруг нее смыкаются сразу несколько Волн, и приходится либо пробиваться, либо, если есть такая возможность, уходить из Эпицентра. Потому что оказаться на пути Волны – все равно что подписать приговор самому себе и другим членам группы. Ни один трип, попав в центр Волны, не обходился без жертв. Нередко погибала вся группа.

Опасность, естественная в Эпицентре, в зоне действия Волн возрастает многократно. Проводник способен дать группе шанс, открывшись Эпицентру, став средоточием зла, ненависти, ярости и неизбежно погибнув, но этого недостаточно, чтобы спасти группу – ей вряд ли удастся выбраться из Волны без Проводника.

Если бы Волны безумия были локальны или статичны, мы могли бы составить карту опасных районов и обходить их стороной. Но на то они и волны, чтобы пребывать в постоянном движении, спорадически менять направление, непредсказуемо появляться и исчезать. Полковник некогда высказал предположение (опять же ничем не подкрепленное), что центром Волны, возможно, становится некая тварь, выработавшая в ходе мутации или эволюции, а может, получающая спонтанно способность создавать вокруг себя поле, поражающее все, что попадает в зону его действия. Есть и другие теории, к примеру, о взаимодействии климатических условий Эпицентра и магнитного поля планетарного диска. Но доподлинно известно только то, что возникают Волны всегда в одних и тех же точках, предположительно (это отчасти подтверждено Полковником на основе собранных им документов) в тех местах, куда упали бомбы. Эти точки запретны для всех сталкеров.

В отличие от Проводников, Вызывающие без особой необходимости к Эпицентру не приближаются, а за кордоном не бывают тем более. Думаю, что, даже захоти они, им вряд ли удалось бы приблизиться хотя бы на сотню метров к ограждающему Эпицентр кордону. То свойство организма, которое открывается у Проводников, спасающих попавшие в зоны ненависти группы, Вызывающие экранировать не умеют. Причем их дар по своей мощи в разы превосходит дар Проводников.

Вызывающий отдалается от группы на расстояние примерно в пару километров, туда, где сохранилось что-то вроде дороги, и на машине (естественно, спортивной, поскольку от ее скоростных качеств напрямую зависит его жизнь) начинает двигаться к Эпицентру. Приблизившись на достаточное расстояние, он становится средоточием ненависти для всех тварей, находящихся на границе Эпицентра. Именно так искусственно создаются точки возникновения Волн безумия. Почуввав Вызывающего, монстры Эпицентра сбиваются в огромную стаю и идут тевтонской свиньей, чтобы, прорвав кордон, устремиться к источнику сигнала. Вызывающий же, почувствовав, что Эпицентр отреагировал на него, предупреждает нас и разворачивает машину. Ему необходимо уносить ноги как можно скорее и дальше от Эпицентра. Если это удастся, то твари постепенно теряют к Вызывающему интерес и удаляются восвояси.

Вся эта суэта имеет свою цель: когда охранные системы и войска, несущие службу на кордоне, сосредотачивают все внимание и ресурсы на прорывающемся наружу стаде смертоносных созданий, проникновение группы сталкеров в Эпицентр, как правило, остается незамеченным.

За то время, пока Вызывающий «вызывает огонь на себя», мы должны пробраться на территорию Эпицентра одним из коридоров под стеной кордона. На тот случай, если кто-то из солдат, охраняющих Эпицентр, заметит нашу группу и попытается остановить, у нас приготовлены специальные обоймы, заряженные капс-пулями с парализатором: убивать без необходимости мы не собираемся. Вот, собственно, и все. Непосредственно перед проникновением на территорию Эпицентра мы избавляемся от одежды, вещей и оружия. Прежде чем стадо повернет обратно, нам предстоит добраться до одного из тайников, где приготовлено все необходимое и можно пересидеть какое-то время, пока Эпицентр успокоится.

План этот предельно прост, а потому эффективен. Он неоднократно опробован и здесь, и в других местах. И хотя я думаю, что соответствующие службы понимают, каким образом происходят эти неожиданные прорывы, поток тварей, рвущихся из Эпицентра, всегда настолько страшен, что заниматься нами некому. Кроме того, мы постоянно меняем точку проникновения, и на предупредительные мероприятия у них просто не хватает сил и ресурсов.

Хотя... Если вдруг окажется, что никто не подозревает о природе наших прорывов, я не удивлюсь. Мне вообще непонятно, как человеческая цивилизация при столь бурной деятельности бюрократов смогла достигнуть такого уровня развития.

25. Шурави

Там, на террасе, естественным козырьком нависающей над соляным озером, в нескольких километрах от кордона, отделяющего Эпицентр от всего остального мира, мы позволили себе немного расслабиться. Напоследок. Потянуть жилы, как выразился Сабж.

Шурави, настоящего имени которого я, разумеется, не знал (как и имен Буги и Сабжа, да и они, в свою очередь, не знали данного мне при приеме в детский дом имени) достал из багажника шезлонги, упаковку натуральных соков (алкоголь привлекал тварей из Эпицентра, как огонь ночных мотыльков, в чем они были весьма схожи с моим знакомым докером из Хьюстона), пару курочек гриль, гигантский кусок сыра «Масдаам», хлебные лепешки и еще кое-что по мелочи: виноград, яблоки, сушеную дыню. Всем этим нам предстояло утолить голод. Чем мы, собственно, и занялись, восседавая в шезлонгах и наблюдая, как первый, неуверенный еще закатный багрянец перекрашивает небо в цвет сухого «Божоле».

Буги передала Шурави кредитную карту и листок бумаги с напечатанной на нем половиной пинкода. Вторая половина была у кого-то в Бески-Юге. Шурави надлежало встретиться с этим человеком, и если действительно подтвердилось бы, что прорыв состоялся (а все СМИ сразу же начинали трубить об этом), он получил бы вторую половину кода. Спрятав в карман кредитку, Шурави поинтересовался здоровьем папочки Буги, то бишь Полковника, на что она ответила, что тот переживет и самого Шурави, да и – тьфу-тьфу-тьфу – свою родную доченьку. В этом была доля истины. Получив смертельную дозу облучения, Полковник должен был уже давным-давно откинуть копыта. Так бы оно и случилось, живи он в любом другом месте планетарного диска. Но Полковник обитал в центральной точке Эпицентра, а там, именно за счет поражения радиацией, наложившегося на местные условия, организм старика оказался не только вполне жизнеспособен, но и, окрепнув, приобрел иммунитет от всех болезней. Короче говоря, Полковник жил, умирать не собирался, ничем не болел, и единственное, что могло ему угрожать, это изменение условий Эпицентра или гибель в пасти одного из многочисленных монстров во время экспедиции в близлежащие районы. Странно, что он еще не научился двигаться, как Флеш, или летать, как супермен. Никто бы не удивился.

– Надо же, – усмехнулся Шурави в пижонские усики, тонкой линией очерчивающие его полноватые, вечно влажные губы и сходящиеся в не менее пижонскую эспаньолку, – сколько лет работаю на старика, сколотил, можно сказать, на этом деле состояние, а ни разу и в глаза его не видал. В этом, уважаемые, что-то есть, не находите? Как в кино. Все о нем знали, но никто его не видел, да?

– Тебя что-то не устраивает, Шурави? – вопросом на вопрос холодно уточнила Буги.

– Да нет, что ты, все отлично. Более того, на днях я приглядел себе отличную яхту, и если операция пройдет нормально, непременно пополню ею свою коллекцию.

– Послушай, Шурави, – оживился Сабж, активно жестикулируя куриным окороком, – а это правда, что у тебя морская болезнь?

– Истинная правда, – кивнул Вызывающий, тщательно обирая губами ягоды с виноградной грозди. – Стоит мне оказаться на палубе, неважно – обычной плоскодонки или там... ну, не знаю, какого-нибудь большого лайнера, как меня тут же начинает выворачивать наизнанку. Становлюсь зеленым, как вот этот чудесный виноград.

– Тогда зачем ты коллекционируешь яхты, Шурави? – спросил Сабж лукаво.

– Потому что это круто, брат мой, – сверкнув ослепительной улыбкой, ответил Шурави. – Когда я говорю, что у меня коллекция яхт, любая девушка готова отдаться мне тут же, не сходя с места.

– И это все, что тебе нужно? – тем же ледяным тоном спросила Буги.

Шурави ее холодность была по барабану.

– А что? Я живу в свое удовольствие, покупаю и делаю, что хочу, люблю, кого хочу и кушаю виноград, да. Кому такая жизнь не понравится?

– Каждому свое, – кивнула Буги, – кто-то любит коллекционировать яхты, а кто-то, – тут она посмотрела на меня, – жить, оставляя за собой трупы.

– А вот скажи, – тут же снова возник Сабж, за что я был ему весьма благодарен, – чем бы ты занимался, не будь у тебя этого дара? Или если бы тебя не вычислил Полковник?

– Ну, тут все просто, – снова улыбнулся Шурави (он вообще был улыбчив), – я стал бы сапожником, как мой папа, мой дедушка, мой прадедушка и еще много поколений моих предков. И не покупал бы и не делал того, что хочу, не любил бы, кого хочу, и не кушал бы виноград. Так что я очень благодарен Полковнику.

Тут Шурави не врал, и это было залогом его верности. Никто и нигде не предложил бы ему такого заработка, потому что, кроме нас, его дар был на хрен никому не нужен.

– Так какой он все-таки, Полковник, а?

– Он – программист, – ответил Сабж и отправил в пасть ломоть хлеба.

– Да ну? А я думал, он и в самом деле полковник.

– Ну, понимаешь, – развел руками Сабж, – программист – это человек, способный на любом известном ему языке связно изложить свою мысль или пожелание, при этом четко представляя последствия каждого сказанного слова. В этом плане он программист. А во всем остальном – Полковник.

– Ни хрена себе, – пробормотал я, удивленно глядя на Сабжа.

– Ага, – притворно вздохнул Сабж, – я вообще умный, только вы это не цените.

– Точно, – кивнула Буги, – нам нет никакого дела до твоего ума.

– Угу, – согласился я, – оно нам на фиг не надо.

– Суки, – радостно констатировал Сабж и потянулся к сыру. Он любил поспать и пожрать.

Солнце плотоядно лизнуло неровный край горизонта ослепительно красными протуберанцами и торопливо поползло туда, где в небесном мотеле для него всегда зарезервировано местечко. Интересно, под каким именем оно там останавливается: Ра, Ярило, Мать Тереза, Адольф Гитлер или Людовик XIV?

Шурави, пожав каждому из нас руку, сел в «феррари» и, оставляя за собой клубы ярко-оранжевой в закатных лучах пыли, отправился в свой последний путь к дороге, некогда носившей безликое название «В-999». Еще эту трассу называли Дорогой зверолова, но мне

лень объяснять, почему. Если вам в руки попадут какие-то документы о земной цивилизации, особенно христианского толка, вы догадаетесь сами. А я терпеть не могу копаться во всем этом религиозном бедламе, построенном на бессмысленных надеждах и безнадежности. Скажу только, что я никогда не воспринимал религию как храм, толпу крестного хода или цвет дыма над Ватиканом. Я вообще думаю, что Бог никогда не имел отношения к этим символам. Надеюсь, что это именно так.

* * *

Позже Полковник рассказал нам, что, уходя от преследующих его сотен объятых жаждой уничтожения тварей, Шурави не справился с управлением. На одном из поворотов его «феррари» занесло и выкинуло на песок, где автомобиль намертво забуксовал. После того как твари достигли этого места, от Вызывающего и его машины почти ничего не осталось. Но свою работу Шурави выполнил, он сумел увести цунами озверевшего мяса на достаточное расстояние для того, чтобы мы смогли проникнуть в Эпицентр. И Полковник приказал ожидавшему в Бески-Юге человеку передать карточку и полный пинкод семье Шурави. Мы все были удивлены, узнав, что у него, оказывается, есть жена и трое детей. А вот никакой коллекции яхт не было. Такие дела.

26. Началось!

Как только «феррари» Шурави скрылся за пологими холмами, мы снова спустились в подземные коридоры и, уже не останавливаясь, двинулись в сторону кордона. На террасе под палящими лучами солнца остались четыре шезлонга и остатки нашей трапезы. Пикник на обочине.

Через час тихо пискнул зуммер на часах Буги – это был сигнал от Шурави, – и мы перешли на бег. С этой минуты время приобрело для нас такое же значение, как и расстояние, на которое Шурави сможет увести монстров Эпицентра. Коридор расширился, и теперь Сабж бежал рядом с Буги. Они в два фонаря освещали дорогу, я же бежал с двумя мачете в руках.

В какой-то момент Сабж крикнул:

– Началось!!!

В ту же секунду стены коридора начали ходить ходуном, а с потолка посыпались пыль и крошки бетона. Где-то далеко над нами громко ухало в такт этой вибрации. Заработали охранные установки в бессмысленной попытке остановить прорывающийся через кордон табун живой плоти. Буги прибавила ходу, мы с Сабжем устремились за ней. Шурави выполнил свою часть задания, и теперь нам предстояло сделать так, чтобы деньги, потраченные на Вызывающего, не оказались выброшенными на ветер. Мы перегруппировались, и теперь уже Сабж бежал последним с М-16 в руках, а мы с Буги достали пистолеты, заряженные разрывными пулями. Та или иная тварь часто пускалась по следу Вызывающего под землей и, следуя прихотливым направлениям тоннелей, выскакивала прямо на группу. Постоянная готовность к этому стала для нас привычной. Первого ублюдка уложила Буги. Эта сравнительно небольшая тварь, похожая одновременно на дикобраза и варана, выскочила на нас из одного из боковых коридоров. Буги всадила три пули подряд прямо в разинутую смердящую пасть, усыпанную невероятным количеством острых клыков. Мы называли этих тварей хофманами, поскольку в жутком приходе во время приема ЛСД один из сталкеров увидел нечто подобное и чуть не откинул копыта от страха.

Я пропустил мимо себя Сабжа и, заметив движение в том же тоннеле, всадил туда всю обойму. Мне ответил истощенный визг, но оттуда больше никто не выполз. Догоняя Буги и Сабжа, я скинул обойму и вставил новую.

Примерно за пятьсот метров до кордона на нас выскочила вопящая масса, покрытая бурой свалывшейся шерстью. Понятия не имею, что это было, я видел эту тварь впервые. Мы

разнесли ее в три ствола, даже не замедлив бега.

На этом делегация принимающей стороны исчерпала свои ресурсы, и больше до самого Эпицентра никто нам не попался. Мы продолжали бежать, и я все так же замыкал группу.

Как обычно, в минуты стремительного приближения к заветной черте, я почувствовал, как время начинает растягиваться, словно туго натянутый жгут, и приходилось уповать только на силу легких и быстроту ног. В противном случае этот жгут непременно отбросил бы нас в обратную сторону, метнул под ноги еще не остывших от жажды крови монстров, под хаотичный огонь спаренных гаубичных установок, в ад сплошного пулеметного огня и панической стрельбы из всех видов личного оружия. Мы не имели права такого допустить.

Когда Сабж крикнул: «Мы под кордоном!» – мое сердце уже готово было выскочить наружу, легкие просили пощады, а в ушах шумело. Да и у самого Проводника на губах выступила розовая пена. В общей сложности мы пронесли стремительным бегом около пяти километров. Одна Буги бежала как ни в чем не бывало – в ее генах текла кровь Полковника, и это давало ей определенные преимущества. Но и она сбросила темп: здесь, в непосредственной близости от зоны Эпицентра, следовало соблюдать особую осторожность.

Четверть часа спустя Буги остановилась и начала стягивать с себя одежду. Мы с Сабжем поспешили сделать то же самое. Начинался, пожалуй, наиболее опасный участок трипа – до тайника нам предстояло добежать абсолютно голыми и безоружными, к тому же вымотанными до предела.

Когда вся наша одежда оказалась на полу, Сабж раздал нам пузырьки с едко пахнущей жидкостью, и мы принялись втирать ее себе в кожу. В полумраке подземелья (все фонари были направлены от нас, чтобы никто и ничто не смогло подобраться незамеченным), я все же заметил, что левая грудь Буги изуродована жутким шрамом. Вообще-то, шрамы для сталкера не редкость, а нормальные результаты трудового процесса, но почему-то я сразу понял, что именно этот шрам не имеет никакого отношения к Эпицентру. Буги перехватила мой взгляд и пояснила:

– Рак молочной железы.

Я молча кивнул и продолжил втирать в себя жидкость. Мне нечего было ответить.

Сабж всегда собственноручно смешивал этот смердящий коктейль из нормальных ингредиентов, которые можно было приобрести в любой аптеке: не содержащая спирта настойка календулы, зверобой, выпарка из чемеричной воды, что-то еще. Он не делал нас невидимыми, но все же не так привлекал внимание аборигенов Эпицентра, а главное, забивал запах металла, который за кордоном становился чем-то вроде красной тряпки.

В этом и состоял главный секрет сталкеров – никакого металла. В Эпицентре металл вызывал только одну реакцию – желание уничтожить. Именно поэтому мы оставляли оружие и все металлическое перед входом в зону, причем некоторым сталкерам приходилось снимать даже зубные протезы.

А они... Я имею в виду тех, кто посылал в Неподконтрольную Дистанцию группу за группой... Они обвешивали себя оружием, надеялись укрыться за броней техники, вооружались всяческими инструментами... И умирали. Они входили туда уже мертвыми. Потому что там, за кордоном – ты просто человек, и единственное твоё оружие – страх и умение этим страхом управлять. Эпицентр не дает ни возможности, ни права спрятаться за косметикой цивилизации. А без нее мы такое же мясо, как и любая другая тварь. Лишь умение осознать и принять собственный страх дает нам преимущество. Ведь только человек способен использовать такое умение, как оружие. А это немало – для того, чтобы выжить.

Итак, каждый раз, готовясь уйти за кордон, мы втирали в свои тела настойки, которые готовили для нас Проводники, стараясь стереть запах металла с нашей кожи. Но и этого недостаточно, чтобы стать одним из естественных составляющих Эпицентра. Главное было заложено в нас самих. Мы, сталкеры, тоже носили в себе отпечаток той войны, пусть и не в такой мере, как Вызывающие и Проводники. Мы были уродами, потому что война – любая война – оставляет по себе только уродство, только шрамы и фантомные боли. Там, за кордоном, понимаешь, как смехотворны лозунги: «война за свободу» или «война за

территорию», а самый абсурдный – «война за мир». Нельзя завоевать свободу, лишая кого-то права жить и распоряжаться своей жизнью. Нет родины, землю которой отняли и удобрили телами тех, кто считал ее родиной до тебя. И нет мира, залогом которого стала война, потому что рано или поздно он снова приведет к войне. Одни нападают, другие защищаются, а потом мстят за нападение. Вся наша история, вся наука, все достижения появились за счет войн. И я не знаю, способен ли человек разорвать этот круг. Если честно, мне так не кажется.

Так вот, нашей главной особенностью было пониженное содержание металлов в организме. Мы были детьми сброшенных на метрополию Нагасаки ядерных бомб, наши родители, чудом выжив в этой гигантской микроволновке человеческой цивилизации, передали нам на генном уровне следы ядерного распада, и только это давало нам возможность относительно безопасно ходить по Эпицентру. А вот люди, которых мы, по приказу Полковника, уводили за кордон, этими свойствами организма не обладали, и потому такие трипы считались наиболее опасными. Но мы все знали, на что идем. Потому что только мы, уроды войны, знали, как выжить в этой гноящейся ране планеты. Мы были червями, которые завелись в ней. Но иногда медики используют червей, чтоб очистить тело от мертвой ткани. Например, при ожогах.

Сабж, прежде чем начать натираться приготовленной жидкостью, сложил наши вещи и оружие в большую кучу и тщательно обложил ее флаконами с ТТН-2, выставив таймер на пятнадцать минут. По истечении этого срока микроскопические детонаторы активируют такие же микроскопические заряды взрывчатки. Флаконы лопнут, и кислота ТТН-2 уничтожит все следы. Он отложил в сторону только небольшой, длиной с локоть взрослого мужчины тубус из буйволиной кожи. Буги выплеснула на этот тубус сразу четыре флакона настойки Сабжа. Это был наш груз. Ни я, ни Сабж не знали о том, что находится в тубусе, – таково было правило игры. Лично я предполагал, что там лежат какие-нибудь документы, в очередной раз заказанные Полковником.

Они могли быть приобретены вполне легально или добыты в обход закона. Однажды, в те времена, когда мы с Буги работали в паре, нам пришлось потратить солидную сумму на услуги профессиональных воров. Полковнику экстренно понадобился личный дневник Эйзенхауэра, и непременно оригинал. Такие трипы по доставке грузов считались самыми легкими, и в среде сталкеров их называли «воскресными прогулками». Они действительно были легче, но не физически – кожаные контейнеры порой содержали оборудование, собранное на заказ, причем отдельные детали изготавливались по всему планетарному диску, дабы никто не смог догадаться об их предназначении, и разумеется, не из металла, чаще всего – из пластика и стекла. Тащить такой груз далеко не всегда было легко. (Никогда не слышал о пикниках, где каждый прет на себе по 60 килограммов живого веса.) И все же такие «грузовые» трипы мы все любили. Во время них ничто не вставало между сталкерами и Эпицентром, не привлекало внимания, не пробуждало злобы, не разжигало аппетит. Иногда удавалось пройти вообще «в сухую», не встретив активного вооруженного сопротивления со стороны местного населения и избегнув всех этих смрадных пастей, когтей, яда, сочившегося из клыков хищника или из стебля растения-убийцы. Но такие случаи в своей трудовой биографии каждый сталкер мог пересчитать по пальцам одной руки. И иногда потому, что второй руки после трипа уже просто не было.

Вся процедура с намазыванием тела настойкой и приготовлением вещей к уничтожению занимает немногим более пяти минут.

– Уважаемые пассажиры, – пробормотал Сабж, потирая тощие руки, – просьба занять места согласно купленным билетам.

На этот раз мы изменили порядок движения. Первым бежал Сабж – при этом он странно задирает голову, как будто приносясь к чему-то (а может, и правда приносясь – у Проводников свои методы работы), следом я, поскольку на моем плече висел тубус (на этот раз он весил не больше килограмма, так что скорее всего я не ошибся, и это были какие-то документы), замыкала шествие Буги. Сабж был ведущим, я грузовозом, Буги прикрытием: так это называлось на нашем нехитром профессиональном жаргоне.

27. Пятьсот метров

Через полтора часа после расставания с Шурави на террасе мы миновали полукилометровую зону, отделяющую кордон от условной границы Эпицентра, и выбрались наружу. Отличие было разительным, пожалуй, даже шокирующим. Там, откуда мы пришли, взгляд почти беспрепятственно уносился к горизонту на волнах невысоких холмов, лишь изредка встречая на пути чахлые деревца и кустарник. Там стояла сухая жара, солнце роняло вниз мегатонны энергии и почти не было тени, поскольку нечему было эту тень отбрасывать.

Но стоило нам оказаться за кордоном, как все изменилось. Приближение к полукилометровой зоне мы почувствовали еще за несколько минут до возвращения на поверхность. Воздух наполнился влагой джунглей, по стенам коридоров потекли ручьи конденсата, отчего красные кирпичи потемнели и местами покрылись мхом и плесенью. Но было еще кое-что: сигнал, говоривший о том, что граница Эпицентра пересечена.

Полковник назвал этот акустический эффект сигналом Аведиса³, но как ни пытался, природу его и причину появления выявить не смог. Сталкер, пересекающий полукилометровый отрезок между бетоном кордона и территорией Эпицентра, слышит шесть отчетливых сигналов. Однако когда одной из групп было дано указание записать эти сигналы, у них ничего не вышло – файл с записью оказался заполнен чем угодно, вплоть до шума падающих капель конденсата, но звука сигнала Аведиса на нем не было. «Мистика какая-то», – констатировал Полковник и махнул на это явление рукой, переключив внимание на другие, более насущные проблемы.

Почему я так подробно рассказываю об этом акустическом эффекте? Потому что именно я, можно сказать, дал ему название. Иногда мне кажется, что это вообще единственная моя заслуга в жизни. Все остальное – ерунда, за исключением, быть может, двух жизней, которые я спас, переведя людей из одной области планетарного диска в другую сквозь Эпицентр. Но те две жизни с лихвой искупили две смерти: Боно и Марты. Хотя... ведь есть еще Фрэнки и Зонтичный человек...

Что касается сигнала Аведиса, то Полковник, стремясь создать для себя наиболее полную картину, попросил каждого из сталкеров описать эти звуки. Когда очередь дошла до меня, я почему-то вспомнил, как в детском доме три года подряд ходил на факультативные музыкальные занятия к одному разочаровавшемуся хипстеру, который обучал нас игре на ударных инструментах. (Кстати, у этого опустившегося человечки всегда можно было не слишком дорого прикупить травки, но и играть мне тоже нравилось.) Так вот, я сравнил звуки таинственного сигнала со звуками «железа» драм-установок, которые отличались по силе звука, характеру и продолжительности звучания, но всегда имели характерный «стальной» оттенок. Выслушав меня, Полковник сказал: «Похоже... Да, действительно похоже». С тех пор мы так и называем сигналы: райд, хэт, сиззл, чайна, сплэш и крэш. Пятый, впрочем, не всегда удается услышать, так как звучащий прямо перед ним оглушительный «чайна» на какое-то время заглушает все остальные. А еще мы иногда называем сигналы Аведиса «приятелями». Встречая нас на границе, они как будто восклицают: «Ба, сукин ты сын, сколько лет, сколько зим! А я-то думал, ты давно откинул копыта!»

Так уж вышло, что предсказать точку возвращения на поверхность можно только теоретически. Пространство между условной границей Эпицентра и бетонным занавесом кордона представляет собой изрытую воронками территорию. Стоит какому-нибудь (иногда совершенно безобидному – в Эпицентре встречаются и такие) организму оказаться там, и

³ Аведис – алхимик, экспериментировавший в XVII в. со сплавами неблагородных металлов, пытаясь получить золото, и в конечном итоге (в 1618 г.) создавший материал с великолепным тембром и небывалой длительностью звучания, из которого ныне делают тарелки и прочее «железо» для ударных установок. Султан Мустафа I заказал такие тарелки для своей армии, и его воины с помощью них отпугивали своих врагов.

смертоносная техника кордона стремится уничтожить даже память о нем, используя все: от зенитных установок до обычного ручного оружия.

Монстры не часто преодолевают границу Эпицентра, однако иногда это случается, поэтому неизвестно, сохранился ли выход из тоннелей там, где ты поднимался в прошлый раз. Его вполне можно обнаружить разрушенным или засыпанным землей. Именно из-за агрессивности кордона (не уступающей по многим параметрам агрессивности Эпицентра, что, в принципе, оправдано), мы не могли позволить себе подняться на поверхность в зоне видимости. А растительность начиналась как раз на уровне полукилометровой зоны – живучая, упрямая и нередко кровожадная. Ее косило взрывами, пулеметными и автоматными очереди, жгло напалмом, но она снова и снова поднималась, причем в такие краткие сроки, что в конечном итоге ее стали урезонивать, только если она подбиралась к бетону слишком быстро. Эта растительность должна была скрыть нас от всевидящего ока кордона, но могла и воспринять нас как пищу. Повторяю, это был один из самых опасных этапов трипа, поскольку здесь мы могли надеяться только на скорость своей реакции, силу мышц, умение быстро передвигаться и (прежде всего) чутье Проводника. Мы были голы, безоружны и вымотаны бегом.

Первые три попытки подняться наверх оказались неудачными – выходы были засыпаны. Пришлось спешно возвращаться назад и искать другие пути. А времени оставалось все меньше – твари, прорвавшие кордон, уже повернули к родным пенатам. С минуты на минуту уже упоминавшийся жгут времени должен был вытолкнуть нас обратно. И потому приходилось бежать, сохраняя приличный темп, хотя хотелось лечь и подохнуть.

Наконец в идеально круглом отверстии над собой мы увидели темное небо в прорехах звезд. Буги приказала остановиться и вопросительно уставилась на Сабжа.

– Слева от дыры, метрах в пятнадцати, небольшой сонный скальпель, – побормотал он, прикрыв глаза. – Остальное... вроде ерунда, можно идти. Хотя, стоп! Справа, прямо за кучей земли, – желтые пятна, а чуть дальше – комариная плешь. Пройти можно.

– Значит, пойдем прямо, – констатировала Буги. – Сколько до ближайшего тайника?

– Метров двести. В обход сонного скальпеля.

Выход из тоннеля окружали заросли дубовника. Это тоже кустарник, но его тонкие стебли имеют привычку сплетаться в подобие толстого древесного ствола, а листья напоминают дубовые, отсюда и название. Ближе к центральным областям Эпицентра такие заросли могли представлять настоящую угрозу, поскольку в них обожают вить гнезда стапи – мелкие кровожадные твари, покрытые рыжей шерстью. Один стапи запросто умещается на ладони, и достаточно сжать пальцы, чтобы переломать ему хрупкие кости. Но беда в том, что стапи живут и охотятся огромными стаями, а питаются крупными живыми организмами. Настолько крупными, что человек привлекает их внимание разве что в сезон совсем уж неудачной охоты. Но если это с вами, не дай бог, произойдет, можете рисовать большой крест на своей биографии. Стапи – сухопутные пираньи, и падали после них не остается. Собственно, за привычку нападать толпой их и прозвали «стапи» – сокращенно от «стаи пидорасов». Грубовато, конечно, но уж очень мы не любим фауну Эпицентра.

А мы в него еще не вошли. Хотя здесь он уже проявлялся и встретить местного обитателя представлялось вполне возможным, стапи даже к границам Эпицентра крайне редко приближались, а за их пределами не появлялись и вовсе.

Аккуратно обойдя сонный скальпель и стараясь держаться поближе к кучам земли, которых здесь было огромное количество, и безобидным растениям⁴, мы устремились к тайнику. Впереди бежала Буги. Следом – я. Замыкал колонну Сабж – все так же полужакрыл глаза, что, впрочем, нисколько не мешало ему справляться с неровностями почвы. Дважды он просил нас остановиться и, «принюхавшись», предупреждал об очередной опасности. К

⁴ В действительности абсолютно безобидных растений в Эпицентре нет. При определенных условиях любой представитель местной флоры может представлять опасность, как, например, тот же дубовник, который, как уже было сказано выше, является излюбленным местом обитания для стапи.

счастью, это были представители местной флоры. Уже на подходах к тайнику мы услышали, как вновь оживился кордон. Твари возвращались. Но нам уже не было до них дела – мы добрались до Нулевой Территории⁵.

По всей видимости, некогда здесь стоял жилой дом. Сейчас от него остался лишь глубокий подвал с выложенными бетонными плитами стенами и полом. Он напоминал примитивное бомбоубежище, и если учитывать, что дом был построен в период всеобщей паранойи в ожидании начала войны (увы, оправдавшемся), так скорее всего и было. Жаль только, никто не объяснил бедолагам, что подобные бетонные подвалы от ракет с ядерными боеголовками не спасают.

Мы буквально ссыпались вниз и долго валялись на холодном бетоне, не в силах пошевелиться. Даже Буги под конец выдохлась, что уж говорить о нас с Сабжем. Мы лежали, ловя распахнутыми ртами влажный воздух Эпицентра, и все наши мышцы молили о пощаде, а внутренности болели так, словно в них методично лупили ультразвуковой пушкой для дробления почечных камней.

Прошло не меньше часа, прежде чем мы смогли найти в себе силы подняться. Но теперь время уже не имело значения. Только полный идиот рискнул бы передвигаться по Эпицентру ночью.

Буги встала на ноги первой, включила фонарь и принялась обследовать подвал. Через минуту к ней присоединился я, а потом и Сабж.

– Будет забавно, если тайник пуст, – хрипло проговорил он. – Года полтора тут не был.

– Пару месяцев назад отец выделил две группы для пополнения тайников, – заметила Буги.

Судя по голосу, она уже почти восстановилась. В отличие от нас с Сабжем. Я по-прежнему чувствовал, как дрожат от слабости ноги, а во рту пересохло так, как будто я несколько дней пробирался через пустыню. Сабжа и вовсе пошатывало от усталости.

Если бы опасения Проводника оправдались и тайник действительно оказался пуст, нам пришлось бы потратить часть следующего дня на поиски другого. Но нам повезло. В одном из дальних углов подвала Буги высветила фонарем несколько больших пластиковых контейнеров.

В тот вечер мы были в состоянии только вытащить три спальных мешка и раскатать их. После чего реальность перестала для нас существовать, точно так же, как мы для нее.

28. Urban Jungle Warriors

– Хватит отлеживать задницы, лентяи! – едва солнце поднялось над горизонтом, разбудила нас Буги бодро, как будто и не было накануне безумного марафона.

– Признайтесь, я уже в аду? – приподнявшись на локтях, спросил Сабж и тут же рухнул обратно. – Разбудите, когда котел будет достаточно горячим.

– Он уже горячий, братик, – нежным голосом пропела Буги и легонько пнула его ногой в бок. – Подъем, я сказала, или отправитесь в путь без завтрака.

– Don't be so murder with me, – сипло пропел в ответ Сабж строчку из популярного хита трехгодичной давности, – а аппетита у меня все равно нет.

– Еще слово, – все так же слащаво проворковала Буги, – и я вытащу тебя из мешка за шиворот. К тому же твой аппетит сейчас значения не имеет. Нам с Максом надо разгрести вещи и подобрать все, что нужно для трипа. В отличие от некоторых. Так что завтрак за тобой.

– Меня окружают подонки и рецидивисты, – вздохнул Сабж. – Ладно, уже встаю. Только не бросай меня в терновый куст, братец Лис.

⁵ В Эпицентре периодически встречается местность с определенными физическими и химическими свойствами, которых избегают и фауна и флора. Далеко не все подобные места безопасны для человека.

Пока они обменивались этими милыми утренними шутками, я заставил себя выползти из спальника и принять относительно вертикальное положение. На самом деле все было не так уж плохо. По крайней мере, не настолько, насколько могло быть. Слегка болели ноги и першило в горле, но это был тот гарантированный минимум удовольствий, который прописывается в графе «все включено» любой путевки в Эпицентр. И еще это значило, что Самерсен не убил во мне сталкера.

Пока Сабж копался в продуктовых запасах тайника, мы с Буги подобрали нам всем одежду. Ее не приносили сюда из-за кордона, она была хабаром, то есть трофеями, найденными в разрушенных городах метрополии Нагасаки, которые приносили Полковнику, а значит, пропиталась Эпицентром, являлась его составной частью и не вызывала агрессии у местных тварей. Остальное – в основном, пища и оружие – было сделано Полковником или его подручными (которыми рано или поздно приходилось становиться каждому из нас). С продуктами вообще было нелегко. Далеко не все твари, населяющие Эпицентр, годились в пищу, и определить, съедобны ли они, мог только Проводник (и это еще одна причина, почему его гибель угрожала всей команде).

Вскоре мы уже облачились в потрепанные джинсы, выцветшие футболки и растоптанные мокасины. Так что если когда-нибудь о сталкерах сложат легенды жители инопланетных дисков, то учтите – мы выглядели именно так. Никаких камуфлированных комбинезонов, маскхалатов, размалеванных боевой раскраской лиц и прочей атрибутики крутых ребят. Скорее, мы сошли бы за своих в каком-нибудь Даун-тауне или другом пристанище оборванцев и бедноты.

Словно прочитав мои мысли, Сабж со смешком сказал:

– Если бы Оруэлл не погиб во время войны, он бы обязательно написал книгу «Фунты лиха в Эпицентре и вне его пределов», а потом...

– Мы сегодня есть будем? – оборвала его Буги.

– А как же, сестренка! Я уже нашел в мешке пару пропитанных ядом кусочков. Специально для тебя, чтобы ты не утратила своей злости, – улыбнулся Сабж.

– Я принимаю стервомоны, – усмехнулась Буги, – так что на этот счет можешь не париться.

– Я так и думал... Честное слово.

Закончив с одеждой, мы перешли к контейнеру с оружием, а Сабж принялся, ругаясь и ломая спички, разводить огонь между двумя почерневшими кирпичами. Проводникам оружие ни к чему, по крайней мере, оружие в общепринятом смысле. То есть, они не используют разного рода смертоносные приспособления. Но это не значит, что убивать им не приходится. Просто вместо того, чтобы спускать курок или разбивать черепа камнем они используют свои, особые способы общения с окружающим миром. Так вот, мы с Буги, продолжая развенчивать будущую легенду о сталкерах (мне нравится эта мысль), и вооружились соответственно нашей одежде.

– Urban Jungle Warriors, – оценил наши усилия Сабж, – сколько раз вижу эту картину, и все равно непременно вспоминаю старые фильмы про страшное будущее, типа «Водного мира» и... кстати, Макс, ты смотрел «Безумного Макса»?

– Это ты к чему?

– Да нет, я так просто спросил, мало ли что...

Из более или менее цивилизованных видов оружия нам достались только два почти новых дробовика-каменемета, собранных из пластиковых и деревянных деталей и предназначенных для стрельбы камнями диаметром 1,5–2 сантиметра. Впрочем, при случае можно использовать и просто гравий, и вообще что угодно, подходящее по размеру, хоть пуговицы. Единственный минус этого оружия заключается в том, что сжатый воздух, с помощью которого производился выброс камня, обеспечивает не слишком большую дальность поражения.

По слухам, разработал огнемет Морган-младший (так же, как и – совместно с Полковником – систему стационарных тайников на Нулевых Территориях). Это сталкер-

легенда. Еще о нем говорили, что он ходит в Эпицентр без Проводников, а нередко и вообще в одиночку. Однако к моменту написания этих строк мне не приходилось его встречать, поэтому я не особенно верю в то, что он существует на самом деле.

Буги, кроме дробовика-огнемёта, достался еще заточенный кол из стебля дубовника размером с нее самое. Я же удостоился бейсбольной биты, усовершенствованной шипами из листьев сонного скальпеля, и мешком круглых камней, каждый из которых был величиной с кулак.

– Что это? – уныло спросил я, разглядывая их.

– Ну как же, – Сабж заглянул мне через плечо и выдал одну из самых глумливых своих улыбок, – ты будешь бросать их за собой, чтобы знать, какой дорогой возвращаться.

– Между прочим, от этого вот... стафа зависит и твоя жизнь, уважаемый, – огрызнулся я.

– А ты приглядишься получше, – продолжая улыбаться, посоветовал Сабж. – Между прочим, эту штуку тоже придумал Морган-младший, пока ты где-то пропадаешь.

– Великий и ужасный Морган-младший изобрел камушки?! Как это трогательно с его стороны.

– Это не просто камушки, Макс.

Я все-таки последовал совету Сабжа и, вытащив один из камней, начал его рассматривать. И сразу понял, что он состоит из двух равных частей, плотно пригнанных друг к другу. Одна из половин была просверлена, и из нее торчала небольшая капроновая петля. Кроме того, камень как-то странно вел себя в моих руках, словно придавая каждому движению дополнительную инерцию.

– Там внутри, – объяснил Сабж, – пластиковые капсулы с ртутью и резервуар с взрывчаткой. Выдергиваешь петлю – освобождаешь ускоритель, потом размахиваешься и кидаешь. Ртуть набирает достаточную инерцию, и в момент столкновения с любым препятствием происходит взрыв. Это граната, Макс, и я как-то спокойнее чувствую себя, когда моя жизнь зависит от такого стафа.

Тут надо кое-что пояснить. Полковник и Морган-младший разработали и заказали несколько видов неметаллического оружия. Но, к сожалению, большинство их изобретений оказались либо не очень надежными и легко выходящими из строя, либо запредельно дорогими в изготовлении, либо недостаточно убойными. Надо заметить также, что в Эпицентре пополнить запасы сжатого воздуха для баллонов можно только в других тайниках, то есть практически нереально. Так что нередко именно орудия каменного века оставались нашей основной надеждой. Они – и способности Проводников.

С оружием покончили. Сабж все еще продолжал возиться с завтраком, поэтому я уселся спиной к стене, разглядывая небо в неровном отверстии люка. Ужасно хотелось курить, но среди запасов, найденных в тайнике, сигарет не оказалось. Только свертки с ризлой. Я набил ими карманы джинсов в надежде, что по пути нам попадется табакерка – совершенно безобидное растение, внешне напоминающее мак, но не обладающее наркотическими свойствами. Его листья при курении издают аромат, напоминающий табачный дым. Но это все равно был не табак, поэтому наивысшим удовольствием после трипа, лично для меня, было сделать первую затяжку нормальной человеческой сигареты.

Буги бродила по подвалу, что-то напевая себе под нос и шуточно покрикивая на Сабжа. Тот огрызнулся, обещая сделать завтрак к вечеру, если ему не перестанут мешать.

– Буги, ты уже решила, как мы пойдем? – спросил я, стараясь отвлечься от мыслей про сигареты.

– Для начала думаю добраться до Нхаба-Уо⁶. Это сутки как минимум. Потом уйдем на

⁶ Нхаба-Уо – достаточно большой городок, который некогда считался торговым центром южной части метрополии Нагасаки.

Пятую магистраль⁷. Ну, а там видно будет. Хочу поскорее вырваться из первого круга. К черту границы. А что Макс, есть какие-то проблемы?

– Никаких проблем, что ты...

На секунду мы схлестнулись взглядами. Я ее почти ненавидел, и она меня ненавидела. Причем не почти. Но мы находились в Эпицентре, и моя жизнь зависела от реакции и жизнеспособности тех, кто отправился со мной в трип. В том числе и от Буги. Так что никаких проблем, все просто замечательно.

29. Ценности кулинарные, и не только

Существует пять границ, разделяющих территорию Эпицентра на своеобразные кольца. Две из этих границ – первая и последняя – вполне четкие, остальные носят весьма условный характер, и до поры до времени никто, кроме Проводников, не может точно определить, была ли такая граница пересечена.

Первая граница отделяет непосредственно территорию, которую Эпицентр считает своей. Ее преодоление сопровождается уже описанным акустическим эффектом Аведиса. С этого момента окружающий мир становится физически опасным, поскольку его населяют живые организмы и растения, враждебно настроенные к непрошеным гостям. Но не это – главная опасность Эпицентра.

Вторая граница определяет зону, которую мы называем Синим кругом. То, что происходит здесь, очень похоже на горячный бред: по пустым безлюдным городам медленно ползут машины без водителей, ходят поезда без машинистов, самопроизвольно включается и выключается электрический свет. Внезапно рушатся здания и, что самое невероятное – появляются новые, далеко не всегда похожие на те, что строят люди. Вообще-то второй круг, при определенном везении, может оказаться самым безопасным из всех. Но чаще всего группы пропадают именно в нем. Мы боимся Синего круга именно потому, что так до сих пор и не выяснили причин их исчезновения. Но миновать его – невозможно, а значит, чем быстрее группа попадет во второй круг, тем быстрее его покинет.

Почему Синий круг? Все просто. Я имею в виду, с точки зрения сталкеров. Дело в том, что, металл, разумеется, никуда не делся с территории Эпицентра. До войны здесь была одна из самых богатых метрополий планетарного диска – с огромными городами, связанными путями железной дороги, воздушными коридорами и современными магистралями. Все это барахло, как и человечество в целом, было нашпиговано разнообразным металлом, и даже после всех бомбардировок он исчезнуть не мог. Эпицентр переварил металл, попавший в его утробу, и сделал его частью себя, как и все, что оказывается на его территории и остается там продолжительное время. Но металл здесь стал иным. Он покрылся странной, отливающей синевой ржавчиной. Если эта ржавчина долгое время находится в соприкосновении с человеческой кожей, то оставляет след наподобие ожога, который зудит, реагирует на изменение погоды и вообще всячески мешает жить. В конце концов он проходит, но порой для этого требуется до трех-четырех лет. По каким-то причинам весь металлолом Эпицентра постепенно стягивается в Синий круг. Наверное, там есть какой-нибудь inferнальный магнит, не знаю. Логику происходящего в Синем круге постичь невозможно. По крайней мере, базируясь на мировосприятии стандартного человека. Повторяю, Синий круг – не самое опасное порождение Эпицентра. Но самое жуткое.

Не прошло и часа, как мы уже сидели вокруг импровизированной жаровни и жадно сметали с бумажных тарелок мелко порубленные куски каких-то местных плодов и жестковатое, но приятное на вкус мясо.

⁷ Пятая магистраль – одна из немногих осталась практически не разрушена бомбардировками, поскольку изначально по ней планировалось вторжение в метрополию союзнических войск. Продвижение по ней рискованно из-за множества открытых мест.

– Я вот думаю, – пробормотал я с набитым ртом, – стоит тебя спрашивать, что мы едим, или нет?

– Трудно сказать, приятель, – Сабж пожал плечами, глядя в свою тарелку, – но лучше сначала доешь, а потом спрашивай.

– Будь добр, Сабжик, – встряла Буги, – постарайся, чтоб я этого не услышала.

– Я что, похож на самоубийцу? – делано возмутился Сабж. – Неужели ты думаешь, что я стану рассказывать тебе, что мы только что съели уши зеленой гнили? В конце концов я интеллигентный, подающий большие надежды молодой человек. Нет, нет и нет, Буги, я не могу на это пойти, даже не проси!

– Он гонит, – поморщился я.

– Я в курсе, – усмехнулась Буги, – иначе давно бы его пристрелила. Но аппетит он мне все-таки слегка подпортил. Как вспомню это дерьмо...

– Вы оба ни хрена не понимаете в кулинарии.

– Да, – вздохнул я, печально разглядывая пустую тарелку, – мы не гурманы, это уж точно.

– Плебеи! Кстати, раз уж ты доел, докладываю тебе, что в твоей тарелке только что...

– Заткни свою пасть, Сабж!!! – Судя по тону Буги, она не настроена была шутить на кулинарные темы.

– Точно, Сабж, – согласился я, – лучше не надо. Не хочу лишиться Проводника в самом начале трипа из-за расхождений в ваших взглядах на вкусную и здоровую пищу. Не потому, что мне жалко тебя, старина, а потому, что меня не тянет тащиться через весь Эпицентр с этой стервой наедине.

После завтрака желание курить стало почти непереносимым, и я был только рад, когда Буги объявила подъем. Пока мы с ней обвешивались своим мезозойским арсеналом и противогазными сумками, в которые Сабж упаковал немного еды, сам Проводник выбрался наружу. «Оглядеться», как он сказал.

Я собирался молча, тщательнее, чем обычно, проверяя оружие и груз. Во-первых, у меня были основания полагать, что за три года вынужденного бездействия я несколько утратил квалификацию, и мне не хотелось в решающий момент, запутавшись в тесемках той же противогазной сумки, быть съеденным каким-нибудь местным гурманом. Ну, а во-вторых, это давало возможность не встречаться глазами с Буги и делать вид, что я не замечаю ее присутствия. Того же самого я ждал и от нее. Мы с ней еще кое-как общались в присутствии Сабжа, но вот с глазу на глаз нам вроде бы и не о чем было говорить. Но оказалось, я ошибся.

– Я вот что хочу тебе сказать, Макс, – Буги уселась напротив меня, перешнуровывая мокасины. Глаз она не поднимала. – Этой ночью я кое-что обдумала. Пораскинула, так сказать, мозгами... Во-первых, ты можешь больше не париться о своей загубленной судьбе. Если тебя кто-то и пришьет, то не я. Но при этом я хочу, чтобы ты знал: я не простила тебя. Просто... – в этот момент она посмотрела на меня, – ты не стоишь моей мести, брат. Ты очень сильно изменился за это время. Может, сам ты этого и не замечаешь, но для меня это ясно как день. Ты стал совсем другим человеком, парень. И я даже думаю, что ты уже не тот ублюдок, который полез не в свое дело и сломал мне жизнь. Но все равно я не могу тебя простить. Я хочу, чтобы мы закончили этот гребаный трип и больше никогда не встречались. Чтобы мы стали просто чужими людьми, ОК?

– Заметано, – кивнул я, помолчав.

– Но не напрягайся, Макс. Мне, если честно, плевать на то, как ты теперь смотришь на вещи. Я просто констатирую факт. Ты другой человек, и меня это устраивает. А начала я этот разговор для того... Я хочу... ну, извиниться, что ли... Там, под Орлиным Гнездом... в подвале, я хотела сделать тебе больно, поэтому заговорила о девушке, про которую ты говорил во сне. Я не знала, что тебя с ней связывало, и сейчас не знаю, и вообще это на хрен не мое дело. Но вообще-то неправильно бить в больное место, понимаешь, о чем я? Так что просто забудь.

– Считай, что уже забыл.

– И еще – мне нужен в этом трипе боец. Сталкер. Так что напрягись и сделай свое дело.

– Макс! Буги! – Сабж свесил в люк ухмыляющуюся физиономию. – У нас гости. Прямо на границе Нулевой сидит вполне себе неудовлетворенная белая сука и глядит на меня голодными глазами. Кажется, ей непонятно, какого хрена она не может пройти к своему законному завтраку.

– Предлагаешь проводить ее к тебе? – вставая и подходя к лестнице, спросила Буги.

– Глупые шутки – признак низкого интеллекта, – огрызнулся Сабж. – Идите, убейте эту тварь и пойдем уже дальше, ага?

– Дело говоришь, – кивнул я, передергивая помпу камнемета.

Мне давно уже хотелось убить какого-нибудь ублюдка. Я могу иногда с более или менее умным видом рассуждать на бумаге и, по сути, не так уж и глуп. Я вообще парень что надо, между нами говоря. Но почему-то по жизни мне куда проще работать в стиле тупого Крутого Сэма. Так уж получилось.

Белая сука действительно терпеливо дожидалась нас у невидимой границы Нулевой зоны. Она была размером с «фольксваген-жук» и не белая, а скорее белесая. И крайне опасная. Это насекомое могло совершать прыжки на десятки метров. Из его уродливого черепа торчали и жадно подрагивали два полуметровых хитиновых уса. Белая сука вонзает их в жертву, впрыскивая яд, который сначала парализует, потом в течение часа убивает и, наконец, способствует быстрому разложению тела. Жвала у этой твари слабые, так что она предпочитает мягкую пищу. И вот эта представительница местной фауны сверлила нас тоскливым взглядом, абсолютно лишенным интеллекта, но исполненным желанием размягчить наши души, а заодно и тела. Когда нас стало трое, она, кажется, испытала что-то вроде радости и стала активно наворачивать круги вдоль границы Нулевой. Мы с Буги, не сговариваясь, подошли к ней вплотную и выпустили по несколько залпов мелких камней в уродливую, покрытую хитином голову. Думаю, белая сука скончалась без мучений. Это была не очень честная победа, но нас куда больше интересовало состояние собственных шкур, нежели соблюдение Женевской конвенции.

Теперь, не считая мерзкого трупа в нескольких шагах от нашего убежища, окружающий пейзаж был идиллически прекрасен. Полагаю, там, где сейчас сквозь бурную растительность проглядывали куски бетона и кучи силикатного кирпича, некогда стоял крупный поселок, а может, даже небольшой городок. Таких полно на границах всех метрополий, и живут они за счет посредничества в торговых пересылках, хранения товара и контрабанды.

Вообще принято считать, что Эпицентр – это огромная территория, покрытая зарослями неузнаваемо изменившихся в результате радиационного облучения тропических лесов и населенная жуткими тварями. Это не совсем так. Далеко не весь Эпицентр покрыт растительностью, и есть места, где вообще ничего не растет, но туда лучше не соваться. Да и джунгли здешние не назовешь тропическими, у них какой-то свой характер. И поглотили они только внешние области Эпицентра, как будто скрывая от посторонних глаз его истинное лицо. Не исключено, что в действительности так оно и есть.

Наш тайник находился всего в полукилометре от официальной границы Эпицентра, но самому Эпицентру было плевать на официальность. Его воздействие на эту область было ограничено, но и только. Ведь если та же белая сука запустит в ваше тело некоторое количество своего яда, вам это не поможет, разве что мучаться будете дольше.

И тем не менее... это жуткое место невозможно не любить. Согласен, такое утверждение звучит абсурдно. Да, здесь царит смерть и все пропитано ненавистью и памятью о ней – но иногда наступают минуты, когда непривычную тишину нарушает только шелест ветра да шорох листьев, и оранжевые лезвия солнца, пронизывающие все и вся, играют на лицах твоих напарников. Тут обитает совершенно особенный по своей сути покой. Нигде больше в мире не найти такого. Может, потому что здесь он вплотную граничит с постоянным ощущением опасности, с осознанием того, что следующая минута вполне может

стать последней в твоей никчемной жизни, и солнце греет твою небритую физиономию на прощание. А может, оттого что земля тут уже начала долгий и болезненный процесс очищения от человеческого дерьма и от всего того, чем напичкали ее разумные прямоходящие, и поэтому все окружающее немного чуждо тебе, человеку, но в то же время ты чувствуешь заливом – оно и есть настоящее, а остальное – пластик и метафора цивилизации. Это немного грустно. По крайней мере, для нас, людей. Потому что у нас хватает ума считать время и учиться сомневаться. А здесь, в Эпицентре, ты либо выживаешь, либо погибаешь. Либо греешься под этими сабельными ударами солнца, либо подыхаешь в канаве. И никаких сомнений, все просто. И время ты начинаешь исчислять примерно так: я прожил еще час, я выжил в течение суток, вот уже неделю я жив...

Нельзя сказать, что мы вошли в джунгли Эпицентра, скорее, это была их опушка, или как там называются подходы к лесам. Нас окружал все тот же дубовник, с редкими вкраплениями сонного скальпеля, грибных пней и прочей растительной нечисти. Равнодушное, но теплое солнце очередями света простреливало кроны деревьев, было прохладно и не особенно влажно. Проблем с продвижением тоже не возникало. Мало того, нам даже повезло – сквозь траву в какой-то момент вдруг проглянул неплохо сохранившийся асфальт дороги, и Буги объявила, что если она ведет в нужную нам сторону, то по ней мы и пойдем. Полунатив, Сабж дал положительный ответ на этот вопрос, но добавил, что дальше по курсу, у самой границы, будет целая поляна желтых пятен, полностью сожравших асфальт, так что придется сделать небольшой крюк. Меня это не особенно расстроило, скорее, наоборот. Прямые пути в Эпицентре редко оказываются самыми короткими. Это вам скажет любой сталкер.

30. Перекати-поле

Эпицентр встретил нас привычным ощущением взгляда в спину, густой стеной дубовника, сквозь которую, словно прорубленная мачете, вела покрытая взломавшей асфальт травой дорога, и воздухом, стремительно наполняющимся влагой и духотой. Если до сих пор мы двигались без особого напряжения, изредка перебрасываясь замечаниями между делом и прикалываясь друг над другом, то войдя на территорию Эпицентра, не сговариваясь, замолчали. Мы с Буги шли с заряженными дробовиками в руках по обеим сторонам дороги и напряженно вглядывались в заросли. И резко снизили скорость, поскольку Сабж вошел в некое подобие транса, из которого выныривал лишь изредка, чтоб предупредить о той или иной гипотетической опасности. Однако в течение нескольких часов нам, можно сказать, везло (не считая того, что дорога становилась все хуже, а жара и влажность все сильнее). Мы сняли футболки и замотали ими головы, но это не особенно помогало. И все же такое начало можно было уверенно назвать удачным: ведь не раз и не два бывало так, что мне приходилось пускаться в дело камнемет уже на границе Эпицентра.

Дорога временами петляла, огибая теперь уже не существующие препятствия. Может, здесь некогда стояли чьи-то дома или росли деревья? В городах мы почти не обращаем внимание на такие мелочи, потому что любой поворот дороги объясним. И это нормально для обыденной жизни. А если удалить к чертовой матери элементы нормальности? Вырвать, как прогнившие зубы? Представьте себе дорогу, которая делает совершенно неоправданные повороты, а ты идешь и думаешь: «Что тут было? Чей-то сад? Детская площадка? А может, и этот поворот вызван тысячу лет назад пересохшей рекой?» Такие повороты дорог Эпицентра всегда казались мне символическими, хотя сформулировать это ощущение я не пытался. Ведь получив свою формулировку, некоторые явления и понятия просто превращаются в еще один флажок на карте изученного мира. Но не для этого ли я сел за рукопись, чтоб расставить флажки? Не знаю...

Первая встреча с «местным населением» произошла ближе к полудню, когда, достигнув зенита, вконец озверевшее солнце вошло в раж, раскаляя сквозь футболки наши черепа и оставляя ожоги на голых плечах. В очередной раз выйдя из транса, Сабж хриплым

от усталости и изматывающей жары голосом предупредил:

– Нас встречают. Прямо по дороге – стадо самумов. Двигаются в нашу сторону. Если не свернут, будут здесь через пятнадцать минут.

– На дубовник, – приказала Буги.

Самумы – жуткие твари. Они похожи на гигантские, иногда в два человеческих роста, шары перекасти-поля. Внутри каждого шара из сухой травы, склеенной липкими выделениями, есть полое пространство, в котором сидит огромный головоногий моллюск, приспособившийся таким образом жить и передвигаться по суше. Его передние конечности увенчаны когтистыми клешнями и достигают полутора метров в длину. Когда шар самума оказывается рядом с живым существом, моллюск стремительно расправляет лапы, хватает жертву и втягивает внутрь шара. Наши дробовики не могут пробить его оболочку – возможно, потому, что выделения очень прочно склеивают траву и прочий мусор. В общем...

Мы сорвались с места и ринулись к чаще. «Чисто!» – успел крикнуть Сабж, но это уже не имело значения. Какая бы прожорливая мелочь ни ждала нас в зарослях дубовника, она не шла ни в какое сравнение с самумами. Эти ни на что не похожие твари равнодушно пожирали все, что встречали на своем пути, а убить их было так же сложно, как дать самому себе коленом по яйцам. Кроме того, они отличаются диким упрямством, и если заметят, что мы прячемся от них в кронах дубовника, будут ждать нас внизу до второго пришествия, благо у них в желудках всегда есть запас пищи как минимум на несколько суток.

Мы едва успели укрыться в густой бурой кроне и затаиться, как с характерным шорохом и хрустом из-за поворота выкатились сразу шесть самумов, самый маленький из которых достигал двух метров в диаметре. Наше счастье, что у этих моллюсков не развито обоняние, и они могут рассчитывать только на свое невероятно острое зрение. Самумы катились медленно, хотя во время охоты способны развивать немыслимую скорость. Мы затаили дыхание. Я вдруг понял, что принял неудобную позу. Мало того, мне с минуты на минуту могло приспичить чихнуть, зевнуть, кашлянуть, у меня почему-то тут же нестерпимо зачесалась голова... И все же я замер и даже не моргал.

Когда нам уже казалось, что удалось остаться незамеченными, один из самумов, тот, что поменьше, вдруг резко сменил направление и, скатившись с дороги, двинулся в нашу сторону. Остальные замерли в ожидании.

Я посмотрел на Буги. Она осторожно показала мне игрушку Моргана-младшего, зажатую у нее в руке.

Я медленно потянулся к поясу...

Но на полпути к дубовникам самум замер. А еще через мгновение из переплетения сухих стеблей выстрелили его увенчанные клешнями конечности и вонзились в землю. Раздался истошный визг, конечности взрыли дерн и втянулись обратно. Я успел заметить что-то серое, бьющееся в конвульсиях. Оно в долю секунды скрылось внутри шара. Потом визг стих. Пополнив свои запасы, самум неторопливо вернулся на дорогу. Стая прожорливых перекасти-поле двинулась дальше.

– Я чуть в штаны не наделал, – едва слышно пробормотал Сабж с соседнего переплетения стеблей. – Никогда не видел их так близко к границе Эпицентра. Думал, все, сидеть нам теперь тут, наверху, до потери пульса. Кстати, Макс, а ты в курсе, что самумы умеют перестригать своими клешнями дубовник?

– Да, слышал, но видеть не приходилось. В основном, они ждут. Я как-то трое суток висел над ними. Правда, не на дубовнике, а на сером клене.

– А я видел. Они медленно перестригают один стебель за другим... Пару лет назад я нарвался на них с группой, и они нас заметили. Наверное, голодные были и запасы кончились. Цингу помнишь?

– Такой белобрысый? Беззубый почти?

– Ага. Он зубы перед трипами снимал, оставлял дома. Ну, не настоящие... Его тогда как раз и сожрали. Мне иногда во сне снится, как он орал. Вишна тогда в самума все камни всадил, полдороги потом чуть ли не зубами оборонялся. Но только ты же знаешь, их хрен

убьешь. Когда самум от нас катился, нога Цинги у него из шара торчала.

– Хватит, Сабж, – попросила Буги. – Если каждый из нас начнет рассказывать... Давайте-ка лучше спускаться вниз. Далеко еще до Нулевой?

– Часа четыре, не меньше. – Сабж, ловко перебирая руками и ногами, соскочил на землю. – До темноты дойдем.

31. Опасный радикал

Больше в тот день у нас неприятностей не было. Спасибо, Сабж успел вовремя предупредить, когда из зарослей выскочили два хофмана, самец и самка. Это самые тупые твари в Эпицентре, я вообще не понимаю, как они умудряются там выжить. Единственное уязвимое место у хофманов – глотка, все остальное покрыто твердыми иглами, которые принимают на себя удар и ломаются, однако тело хофмана защищают. Но эти тупорылые уроды во время атаки широко разевают пасть, поэтому нужно всего лишь подпустить их поближе и всадить заряд камней в глотку. Как-то раз мы с Буги положили целое стадо хофманов, стоя спиной к спине. Только и успевали перезаряжать.

И уже ближе к вечеру на дорогу выскочила молодая белая сука. Буги справилась с ней сама, разmozжив голову двумя выстрелами подряд. Хотя и одного бы хватило. Я ж говорю, белая сука была юна и глупа. Старая подпустила бы нас поближе и напала со спины.

– На этом пути может стоять только одна сука, – проговорила Буги, меняя в камнемете обойму и поправляя футболку на голове.

– Сплюнь, – посоветовал Сабж.

Буги сплюнула.

– Кстати, Буги, знаешь, на что это похоже?

– Что «это»?

– Ну, вот как ты тут стоишь над сукой. Раньше были такие дешевые постеры: голая девка с автоматом наперевес.

– Вряд ли у них было это, – Буги похлопала себя по изуродованной шрамом груди.

– И это, – кивнул Сабж, показывая на труп белой суки.

Как всегда в тропиках, буквально в течение часа небо покраснело, побагровело, а потом стремительно ушло в глубокую чистую синеву, разбавленную холодными зрачками низких звезд и тяжелой, похожей на переполненное коровье вымя луной. Но к тому времени Сабж уже довел нас до Нулевой. Только вот последние два километра нам снова пришлось бежать.

Один из моих навязчивых кошмаров – я ночью в Эпицентре. Нельзя сказать, что это верная смерть, но, как *правило*, это именно так, хотя бывали и исключения. Те твари, с которыми мы привыкли иметь дело, охотились днем. Но они, по утверждению Полковника, составляли от силы 12 процентов фауны Эпицентра. Остальные 88 процентов вели ночной образ жизни, и 62 процента из них были хищники. Другими словами, оказаться ночью в Эпицентре – все равно что прыгнуть головой вниз в террариум, переполненный гремучими змеями. Есть, конечно, шанс выжить, но настолько мизерный, что его не стоит и рассматривать.

* * *

Вокруг ничто не напоминало о некогда существовавшей в этих местах цивилизации. Перед нами была покрытая низкой травой поляна, окруженная зарослями все того же дубовника. Границу Нулевой определяло невысокое, в половину человеческого роста, кольцо камней, сложенных кем-то из нашей братии, за которыми, в случае чего, можно укрыться от сильного ветра, да еще в самом центре поляны был сооружен кривобокий навес из сушняка.

Тут же под навесом стояли два больших деревянных ящика. В одном мы с Буги обнаружили солидный запас продуктов, в другом – оружие, одежду и снаряды. Имело смысл

сразу же пополнить сумки обоймами с камнями. Сделав это, я сосредоточил все внимание на найденном в одном из ящиков кисете. Курить хотелось так, что если бы между мной и табаком сидела голодная белая сука, я бы порвал ее голыми руками.

– Ты готовишь все так же хреново? – задумчиво спросила меня Буги, окинув скептическим взглядом ящик с продуктами.

– Еще хуже, – честно признался я, высыпая на ризлу щепоть табака, – последние два года варил только кофе, и то в кофеварке. А питался фастфудом.

– Ясно. – Она оглянулась на Проводника. Как только мы перебрались через камни, он тут же улегся, и на его губах снова выступила розовая пена. – Сабж! На тебя тоже не стоит рассчитывать?

– Нет, – неожиданно кратко ответил он.

– Ясно, – повторила Буги, – что ж, тогда пеняйте на себя.

Ночь была светлая, «снайперская», как назвал ее отдышавшийся Сабж, уплетая за обе щеки жареное мясо хофмана и закусывая его большими кусками белого сыра. Огромная, почти полная луна висела над поляной тусклым абажуром, так что костер нам был ни к чему. И все же мы не торопились гасить его, дали дотлеть.

– Между прочим, – кидая пустую тарелку на угли, сообщил Сабж, – эту Нулевую я лично открыл. Лет этак семь-восемь назад. А раньше ее не было.

– Новая? – вяло переспросила сытая Буги.

– Я слышал про такие случаи, – кивнул я, – иногда в Эпицентре появляются новые Нулевые. Чаще всего в первом круге.

– Туфта, – отмахнулся Сабж, – они везде появляются. И везде исчезают. Тут как кости лягут.

Буги приподнялась, пошевелила в углях веткой. Откуда-то прилетел прохладный ветер, прошелся по нашим обожженным плечам и снова исчез в переплетении стеблей дубовника.

– Мне отец рассказывал, что планета воспринимает Эпицентр как болезнь и пытается ему сопротивляться. Как раковой опухоли. Остановить его рост удалось, и теперь она разрушает Эпицентр изнутри. А он, естественно, сопротивляется. Нулевые – это как раз те места, которые удалось вылечить.

– Похоже, кстати, на правду, – кивнул Сабж. – Между прочим, раньше Нулевые чаще появлялись. А за последние пару лет вообще не возникло ни одной новой.

– Наверное, Эпицентр привык, – сказал я, – приспособился. Это как с анальгином, когда зубы болят. Сначала, чтоб снять боль, хватает одной таблетки, потом двух, а потом он просто перестает помогать.

– Отец говорит, что если у планеты больше нет вариантов, то все будет становиться только хуже. Сначала Эпицентр зарастит Нулевые, а потом найдет способ расшириться. – Буги аккуратно расстелила ризлу и высыпала на нее табак.

– А я, в общем-то, и не против, – как бы между делом, совершенно равнодушным голосом сказал Сабж, глядя, как она прикуривает. – Я знаю куда более гнилые места, чем Эпицентр. Правда, они... Понимаешь, вот это все, – Сабж кивнул неопределенно в сторону, – это все я ненавижу. А те места... я просто констатирую для себя, что они тупо гнилые, но никаких чувств это во мне не вызывает.

– А люди? – сам не знаю почему задал вопрос я.

– С каких это ты пор начал думать о людях, Макс? – переспросила Буги.

Я пожал плечами:

– Нет, я все понимаю, в мире очень много говна, но не всегда же люди в этом виноваты? Думаешь, такое наказание одним махом для всех – это то, что нужно?

– Ты ошибаешься, – ухмыльнулся Сабж. – Виноваты все. Каждый по-своему: кто-то больше, кто-то меньше, кто-то уже теперь, а кто-то станет виноват завтра. И я тоже, и ты, и Буги, и даже Полковник. Просто потому что мы, люди, неправильные существа.

– Радикал ты, Сабж, – покачала головой Буги, – да еще и опасный. Революционер-бомбист практически.

– Нет, не революционер. Я не верю в революцию. Не потому, что я не романтик и все такое, а просто очень много революций случилось до моего рождения и при мне. Политические, культурные, нравственные, даже психоделические. И все они в конечном счете обосрались, правда, не всегда это сразу становилось ясно, но все равно – все. Так что ну их на хрен, эти революции.

– А во что ты веришь?

– Это что, интервью? – усмехнулся Сабж. – Или допрос?

– И то и другое, а завтра мы тебя расстреляем. Ладно, Сабж, скажи. В революцию ты не веришь, в Бога, по-моему, тоже, да и в людей...

– Ошибаешься, в людей я верю. Вот в тебя верю, в Буги, еще в десяток человек. Да и вообще в людей. Я только не верю, что они могут что-то изменить. Слабо им. Нам, то есть. А вот если Эпицентр разрастется и всей этой гребаной цивилизации настанет большой феерический финиш, тогда что-то делать придется. Правда, я не уверен, что у людей получится что-нибудь толковое. Скорее всего они просто будут стараться вернуть то, что было. Всегда так: состряпают революцию, порушат все и давай заново то же самое отстраивать, только получается хуже, потому что старые мастера либо померли к тому времени, либо с глазами выколотыми сидят... Ладно, я в люльку. Буги, если мне что-то страшненькое приснится, пустишь меня к себе под одеяло?

– К Максусу иди, Сабжик. Пора излечить его от натурализма.

– Тогда уж я лучше один побоюсь, – поморщился Сабж.

– Совершенно с тобой согласен, – кивнул я, укладываясь прямо у покрывшихся черной коркой углей.

32. Прекрасное утро

Ночью прошел небольшой дождь, и нас это вполне устраивало. Трава и листья дубовника блестели, словно как раз перед восходом солнца их тщательно отполировали и покрыли лаком. Я проснулся в отличном настроении и тут же скрутил себе сигарету. Прохладное утро, курево, общее ощущение легкости в отдохнувшем за ночь организме – то что надо. Рядом сладко потягивалась Буги. На минуту я забыл, что между нами выросла непреодолимая стена, да такая, до которой канувшей в лету берлинской далеко. И мне показалось, что все как прежде, что мы с Буги не чужие люди, а один человек, каким-то капризом природы разделенный на два тела. Но потом она повернулась ко мне левым боком, и я впервые заметил на ее плече уродливую белую кляксу шрама, какие остаются после выведения татуировки.

* * *

Давным-давно, в Амстердаме, на праздновании Нового года, мы с Буги, пьяные и забитые спидами по самую стратосферу, завалились в какой-то местный тату-салон. Какого хрена он работал в новогоднюю ночь – не знаю, но, по всей видимости, его хозяин не прогадал: очередь к мастерам выстроилась солидная. Нас это, впрочем, не напрягало. Мы тут же перезнакомились со всеми, угостились у кого-то травкой,несли какую-то чушь, выслушивали такую же в ответ, и время пролетело незаметно. До полуночи оставалось несколько часов, когда нас с Буги усадили в соседние кресла.

– Что будем бить, уважаемые? – спросил мастер с такими расширенными зрачками, что белков почти не было видно.

А мы с Буги чуть не упали о смеху, потому что вдруг осознали, что понятия не имеем, на хрена пришли сюда и какие татуировки хотим сделать. Мы же случайно забрели в салон, просто увидели, люди тусят, и вошли. А перед этим сбежали с какой-то площади, потому что от того, что там происходило, могло запросто снести крышу. Там, над площадью, висел гигантский экран, и на нем крутили клипы, но звука не было. Площадь была забита людьми,

и все поголовно танцевали кто во что горазд. В полной тишине. Я поймал какого-то пробегающего мимо юнца и спросил, почему выключена музыка.

– А зачем она? – удивился он. – Все равно каждый танцует под свою.

Короче, в чем тут кайф, мы с Буги так и не словили. Поприкалывались, конечно, с полчаса, но потом дали оттуда деру. Слишком infernalная была картинка для наших расслабленных мозгов.

Так вот, мы угорали, мастер спокойно ждал, пока мы придем в себя, а потом Буги вдруг ткнула пальцем куда-то над его плечом и воскликнула, как юная дурочка при виде своего кумира:

– Его! Хочу его! Сделай мне это!!!

Я проследил за ее рукой и увидел, что она показывает на граффити, покрывающее стену над дверью, – видно, какой-то местный непризнанный гений ее расписал. Это была огромная голова смеющегося клоуна, который сжимал в зубах бонг.

– Но я хочу, чтоб у него было зеленое лицо и красные волосы! – добавила Буги.

– И мне, – решил я, – сделай такого же, только пусть у него будет красное лицо. А волосы зеленые.

– И пусть в каждом зрачке у него будут буквы, – заводясь, крикнула Буги, – в правом «М», а в левом «Б». Макс и Буги!

– Отлично!

– Какого размера делать зрачки? – меланхолично поинтересовался мастер.

Этим вопросом он нас просто доконал нас. Мы хохотали так, что кресла под нами жалобно застонали.

Короче, это был славный Новый год, и с тех пор каждый из нас носил на плече смеющегося уроды с нашими инициалами в огромных зрачках.

Но что-то приходит, что-то уходит, и не стоит делать из этого трагедию. И принимать близко к сердцу тоже не надо. Ведь если прошлое не уйдет, мы так и не сможем добраться до будущего. Иногда это неплохо, но не всегда, далеко не всегда. Поверьте мне, я слишком часто закольцовывал свои пути, я это знаю.

Отвернувшись от Буги, я вскочил и сделал пробежку вокруг поляны. Просто так, чтоб растянуть мышцы. С сигаретой в зубах. Сквозь прекрасное утро.

В конце круга ко мне присоединился довольный Сабж. Он, подобострастно согнувшись, семенил рядом и с интонациями хорошо вымуштрованного лакея причитал:

– У масса хороший настрой. Масса добрый, масса не погонит меня на тростник, масса сам сделает завтрак. Да, масса?

– Ты же знаешь, какой из меня повар, – рассмеялся я. – Моими блюдами можно только местных тварей кормить. Неплохое, кстати, оружие массового поражения, не хуже игрушек Моргана-младшего.

– Твою мать, масса, – вздохнул Сабж и, мгновенно осветившись похжей на молнию улыбкой, ринулся к Буги. – Хозяйка, хозяйка выспался, хозяйка красивый и не опухший. Хозяйка делать завтрак? Сабж хочет кушать.

– Вот придурок, – рассмеялась Буги. – Ладно, разводи костер, сейчас что-нибудь сообразим.

– Макс! – позвал меня Сабж. – Макс, делай костер!

– А почему я?

– Потому что пожалуйста!

Собственно, для того, чтоб разжечь костер, нужно было просто натаскать из большой кучи сушняка и подпалить его. Пятиминутное дело.

33. Пятая магистраль

Прекрасное утро стремительно, как и все здесь, в центральной области планетарного диска, переродилось в чудовищный день. Солнце было похоже на раскаленную пуговицу с

военного бушлата, намертво пришитую к небосклону. Казалось, оно не двигается, замерев в каком-то своем, звездном, параличе над изнывающей от зноя землей. Вода в пластиковых флягах очень быстро нагрелась и стала неприятной на вкус.

– Так будет весь день, – прохрипел, на мгновение выныривая из транса, Сабж.

Мы с Буги промолчали, сосредоточившись на том, чтобы сохранить силы и дыхание, не давая изнуряющей жаре выбить нас из колеи. Это было нелегко – хотелось заползти в кусты, спрятать голову в тени и уснуть тяжелым сном сиесты.

К полудню мы вышли к Пятой магистрали. Закованная в полуразвалившиеся латы некогда сплошной бетонной стены, она мертворожденным богом-полозом с бессмысленным упрямством тащилась в глубь Эпицентра. Воздух над Пятой магистралью зыбко колыхался, бетонные плиты стен и потрескавшийся, расползающийся асфальт впитывали жар и распространяли его вокруг себя.

– Мы так загнемся, – покачала головой Буги, – в этом крематории и часа не продержаться.

– А если и продержимся, то нас можно будет брать голыми руками, – согласился я. – Нельзя туда лезть.

– Можно рискнуть пойти вдоль магистрали, – пожал плечами Сабж. Он был измучен жарой еще больше, чем мы с Буги. – Но тогда я не гарантирую, что мы успеем пробиться к Нулевой засветло.

– Сколько до ближайшей, Сабж? – спросила Буги, вытирая рукавом лицо.

– Километров пять-шесть. По магистрали мы смогли бы пройти за час, а вдоль... Хрен знает, там все заросло, троп нет. Можно попробовать вернуться и завтра попробовать снова. Но я не уверен, что завтра будет лучше.

– А еще пути есть?

– Ну... Коллекторы.

О коллекторах под Пятой магистралью ходили жуткие легенды. По слухам, там обитали неспящие – твари, похожие на огромных червей. Ночью они выбирались наружу, а днем спускались вниз. Ни одна из групп, спускавшихся в коллекторы, наверх не вернулась. Говорили, что там ловушка на ловушке, комариная плешь на каждом шагу, а если и удастся обойти плечи, обязательно встрянешь в жаровню, и никакие гайки не помогут. Про коллекторы много чего говорили.

– Пойдем по магистрали, – решила Буги, – попробуем бежать. Главное, добраться до Нулевой.

Я поплотнее завязал на голове обрывок рубашки, которую мы растерзали на банданы перед выходом, с тоской посмотрел на фляжку, но пить не стал. Там, на трассе, нас ждал настоящий тепловой Освенцим. Там вода еще понадобится.

– Вдоль магистрали полно движения, – прикрыв глаза, предупредил Сабж, – готовьтесь, будет весело.

И мы сошли в ад.

Толкая перед собой густой, тяжелый воздух, мы заставляли себя бежать, задыхаясь, обливаясь потом и выбиваясь из сил. Солнце, казалось, сплавляло воедино нашу кожу и ткань одежды, а плиты и асфальт плевались нам навстречу сгустками жара. Боль тупыми толчками ломала виски, соль мгновенно высохшего пота жгла глаза.

А на магистрали, голодный и свирепый, нас ждал Эпицентр. Он бросил навстречу незванным гостям свору серых ублюдков. Низкорослые и широкогрудые, с прижатыми к тупым черепам ушами, они молча, практически бесшумно вылетели из зыбкого марева, появившись на нашем пути словно ниоткуда, и понеслись навстречу, отталкиваясь от асфальта мощными когтистыми лапами. Больше десяти свирепых самок во главе с черноголовым самцом.

– Надо завалить самца! – крикнула Буги.

Я прицелился ему в грудь и, когда он был в десятке метров – на расстоянии, вполне достаточном для прыжка, – спустил курок. Однако в самый последний момент самец, словно

что-то почувствовав, сделал стремительный рывок влево, в сторону Буги, а из-за его спины взметнула вверх серое тело самка, приняв в себя весь заряд каменной дробин. Самец тем временем, стелясь по асфальту, нырнул в ноги Буги, и ей пришлось отскочить назад, одновременно стреляя. Ублюдок с визгом завертелся по асфальту, заряд угодила ему в левый бок. Буги попыталась вернуться назад, но две самки с глухим ревом закрыли собой самца и бросились на нее. А я отступить не успел. Я должен был сделать это вместе с Буги, но годы бездействия, проведенные в Самерсене, видимо, притупили мою реакцию. Я оказался окруженным самками серых ублюдков. Они наскakивали и тут же уходили в сторону, а я стрелял вслепую и не попадал, лишь раз ранив и приведя этим в совершенное неистовство одну из них. Забыв от боли об осторожности, она с визгом прыгнула на меня, получила заряд в брюхо и, падая замертво, повалила меня на асфальт. Тут же остальные самки ринулись ко мне. Движимый каким-то смутным инстинктом, я сдернул сумку с грузом и бросил назад, туда, где, как мне казалось, стояла Буги. Камнемет дал осечку. Стащить с плеча битую я уже не успевал.

Но Буги не было там, куда я бросил груз. Разделавшись со своими ублюдками и увидев, что меня завалили, она кинулась вперед и успела положить самку, практически добравшуюся до меня, пока я стаскивал с себя тяжелый труп ее подруги. Еще три ублюдка внезапно вспыхнули странным, мерцающим синим пламенем и начали, истощно визжа, кататься по асфальту, – это была работа Проводника. До меня добралась только одна серая бестия. Я почувствовал, как острые когти раздирают кожу на моей груди, но это ощущение вряд ли можно было назвать болью, скорее, констатацией боли. Поединок занял все мое внимание. Общими руками вцепившись самке в брылья, я рывком подмял под себя ее плотное, сопротивляющееся тело и начал яростно молотить ее головой об асфальт. Пока она не сдохла.

И только после этого я потерял сознание. То ли оттого, что наконец почувствовал боль, то ли от потери крови, то ли от жары – наверное, от всего вместе.

Я очнулся от жуткого ощущения. Что-то омерзительно густое, воняющее блевотиной, текло мне на лицо. Судорожно вынырнув в реальность, я дернулся, и тут же резкая боль едва не ввергла меня обратно в темноту. Я попытался раскрыть глаза, и мне это удалось, но мир вокруг оказался окрашенным в буро-красные цвета.

– Макс, – это был голос Буги, – Макс, очнись, черт тебя побери! Сабж никакой, мы не сможем тебя тащить!

Оказалось, она привела меня в чувство весьма радикальным способом – перерезала глотку одной из самок серого ублюдка и подняла ее надо мной так, чтоб кровь текла мне на лицо. Оттого все и казалось мне таким багровым, густым и зловонным.

– Макс, твою мать, очнись! – Буги отбросила тушу серого ублюдка и стала трясти меня за плечи, причиняя еще большую боль.

Я отбросил ее руки и заставил себя сесть.

– Хватит, Буги! Я очнулся... Ни хрена себе! – воскликнул я, когда опустил голову: футболка была разодрана, по груди и животу тянулись глубокие кровавые борозды.

– Она круто тебя отделала. – Буги устало утерла совершенно мокрое лицо, и я вдруг осознал, что и сам подыхаю от жары. Однако, как ни странно, хотя выглядели мои раны ужасно, боль можно было терпеть – по крайней мере, какое-то время. – Надо идти, Макс, – Буги протянула мне руку и помогла подняться, – нам придется тащить Сабжа. Он потратил на этих ублюдков почти все силы. Сказал, что покажет дорогу, но не сможет держать ее под контролем.

Оглянувшись, я увидел, что Сабж лежит лицом вниз. Он тяжело дышал, из ушей у него шла кровь.

– Ты сможешь драться? – спросила Буги.

– Придется.

Мы больше не бежали, мы еле плелись, вынужденные быть осторожными сверх меры, потому что остались без помощи полумертвого Проводника. Кровь в моих ранах быстро

свернулась, и грудь превратилась в грубый коричневый панцирь. Что ж, придется потом помучиться, выдирая из ран засохшие обрывки футболки. И еще необходимо все это промыть. Боль то наплывала, принося дурман и легкое головокружение, то уходила. А может, это от жары меня так мутило? Не могу сказать ничего определенного. Мы шли почти полтора часа, и к концу пути, как верно высказалась Буги, нас можно было брать голыми руками. Но нам повезло, нам просто несказанно повезло – нас так никто и не почуял. За все это время мы увидели лишь растерзанный каким-то падальщиком труп неспящего – огромный кусок вонючей слизи. Нам повезло.

– Все, Макс, – наконец сказала Буги, – мы пришли. Можешь умирать.

И я умер.

34. Боль

А ожил от того, что меня колотил озноб. Вряд ли я пробыл в забытьи больше часа, но этого времени, плюс дорога до Нулевой – хватило, чтобы мои раны дали о себе знать. У меня поднялась температура. Мне нужна была помощь, срочная помощь, которую могли дать только способности Проводника.

– Сабж, – позвал я и не узнал собственного голоса: я хотел крикнуть, но лишь едва слышно просипел.

– Он в отключке, – откуда-то сбоку ответила Буги. Она что-то растирала на куске пластика. – Сейчас я намажу тебя этой херней – Сабж сказал, что она остановит процесс заражения, – и перевяжу. Как только он восстановится, он тебе поможет.

– Я сдохну, – просипел я.

– Нет, не сдохнешь. – Буги зло вскинула голову. – Нам вдвоем с Сабжем не пройти весь Эпицентр.

– Тогда перевязывай, – успел ответить я, прежде чем снова провалиться в забытие, такое же приятное и прохладное, как минувшее утро.

Я вынырнул из темноты в когтистые лапы боли, вцепившейся в мои внутренности. Надо мной сидел Сабж, и его лицо – лицо жуткого старика, источающее, словно гной, зыбкий голубой свет, показалось мне страшнее всего, что я доселе видел.

– Терпи, – прохрипел старик и улыбнулся желтым оскалом, – будет еще больнее.

Но я не стал терпеть, я вспомнил, что когда больно, можно кричать, и заорал. А потом попытался отпихнуть от себя Сабжа, но что-то вцепилось в мои руки, что-то удерживало ноги, и даже голову я не мог поднять, только извивался всем телом, как в эпилептическом припадке, выгибался и падал. Кричать, срываясь на визг, – вот и все, что мне оставалось. Крик, судорожные движения парализованного тела и вечность боли, вспыхивающая созвездиями перекрученных сухожилий, вывернутого наизнанку кишечника, спорадически освобождающегося мочевого пузыря, горячей крови, стекающей из ноздрей в рот... Иногда боль смешивалась с яростью, и получался жуткий коктейль бессилия, но я пил его, потому что ничего другого мне не оставалось. Думаю, в эти мгновения я мог бы перегрызть себе руку, только чтоб избавиться от пут и достать ублюдочного старика, терзающего мою плоть. Но, к счастью, я не мог добраться до своих рук. Я сказал – мгновения, поскольку, как позже я выяснил, выведение яда ублюдков из моего организма заняло едва ли четверть часа.

А потом все кончилось: боль ушла, ушла мгновенно, и я, открыв глаза, увидел перед собой знакомое лицо Сабжа.

– Все, – устало сказал он. – Если пообещаешь, что не перегрызешь мне глотку, мы тебя развяжем.

– После того, что он тут орал, я бы подержала его так еще пару часов, – откуда-то сбоку сказала Буги.

– Развязывайте, – ответил я. – У меня такое ощущение, что я побывал в аду и выполз оттуда с полными штанами говна.

– Насчет ада не знаю, а вот обоссался ты точно, – кивнул Сабж. – Но это нормально,

так происходит со всеми моими пациентами, так что расслабься. Тебя что, никогда Проводники не лечили?

– Нет, никогда. – Буги уже отвязала шнурки, которыми мои запястья были привязаны ко вбитым в землю колышкам, и я осторожно сел, прислушиваясь к тому, как реагирует на движения организм. Нормально, как будто и не было несколько часов назад горячего жара. – Мне вообще до сих пор везло, Сабж.

– Что-то у тебя с реакцией, брат, – недовольно проговорила Буги, отвязывая мои ноги, – раньше ты бы не дал этому ублюдку уйти. И достать себя так легко не позволил бы.

Я медленно встал. Волна вони, разбуженная движением, чуть не вызвала рвоту.

– Я два года пиздил только с местечковой гопотой, – пожав плечами, ответил я, – немудрено. Мне надо помыться.

– В баке полно воды, – кивнул Сабж.

– Смотри, чтоб эти два года не обошлись нам с Сабжем слишком дорого, – все так же хмуро сказала Буги.

Она смотрела на меня с откровенным сомнением. Это, конечно, было обидно, но я понимал, что она права. Замедленная реакция stalkера могла подвести всю группу. Уверен, в тот момент Буги размышляла, не проще ли прервать трип и вернуться. Уверен, потому что и сам бы так думал на ее месте. В тот момент трещина между нами стала еще чуть больше за счет пары метров презрения молодого профессионального бойца к стремительно сдающему позиции старому. Но я не позволил себе об этом думать. Я повернулся к Буги и Сабжу спиной, разделся и долго и старательно отмывался от блевотины, кала, мочи, крови и всего того, что выплеснул мой организм в процессе очищения.

Когда я закончил, Буги и Сабж уже доедали свои порции, сидя у небольшого костерка. Моя, на бумажной тарелке, лежала на камне.

– Выходим завтра утром, – сказала мне Буги, – поешь и постарайся сегодня выспаться, чтобы окончательно привести себя в порядок.

– Я могу идти, Буги. Я в порядке.

– Нет, ты не в порядке, Макс, и я не хочу рисковать. Если бы я знала, что ты настолько сдал, я бы не согласилась идти в трип с тобой. Так что отдыхай и постарайся не подвести нас снова. К тому же Сабжу надо восстановить силы. Если погода завтра будет лучше, попробуем идти быстрее.

35. И на том спасибо

Погода, капризная в этих местах, как нигде больше на всем планетарном диске, сменила гнев на милость, и весь следующий день стояла пасмурная и неприветливая. Для нас это было то что надо. Небо, укутанное в низкие, стремительно темнеющие дождевые облака, готовые в любую минуту превратиться в тучи; внезапно затихшие заросли за бетонными плитами, укрывающими Пятую магистраль (раньше, до войны – наоборот, бетонные плиты прятали мир от выхлопных газов, которые переполняли магистраль); редкие, но стремительные, сбивающие дыхание порывы ветра...

– Сколько до ближайшей Нулевой, Сабж? – спросила Буги, поудобнее перехватывая дробовик-каменет.

– Двенадцать километров, – прикрыв глаза, ответил Сабж. – Она как раз на выходе с Пятой.

– Пробежимся, мальчики?

И мы побежали, уже в который раз за этот трип. Бежалось легко, даже тогда, когда ветер вдруг начинал бить прямо в морду.

Дождь, злой и стремительный, прошелся над магистралью узким лезвием и унесся куда-то в сторону границы. Он продолжался не дольше десяти минут, но за это время ущелье магистрали превратилось в грязную канаву. Многочисленные ручьи сбегали со склонов по обеим сторонам дороги, просачивались сквозь щели между бетонными плитами и несли вниз

жидкую грязь и мусор. Бежать уже было невозможно, даже быстро идти стало трудно. И все же мы продвигались достаточно резво.

– Вот доберемся до Нхаба-Уо, и я покажу вам одно занятное местечко, – пообещал Сабж.

– Давай сначала доберемся, – ответила Буги. Все это время она была напряжена куда больше обычного, и я понимал, почему: она больше не доверяла моей реакции и решила, что может надеяться только на себя и на Проводника.

Сильный ветер разогнал облака, небо мгновенно очистилось и снова налилось раскаленной сталью. Солнце начало припекать, высушивая грязь под ногами и нашу одежду. Возвращалось пекло.

Когда до Нулевой оставалось не больше получаса, Сабж остановил нас.

– Похоже, впереди проблема. Еще одна стая серых ублюдков. И их гораздо больше, чем вчера.

– Обойти сможем? – спросила Буги и бросила на меня короткий взгляд. Я притворился, что ничего не заметил.

– Только если уберемся с магистрали. Но там не лучше, ты же в курсе: вокруг городов постоянно до хрена всего болтается.

Это была правда. Никто не знал, почему, но лесных тварей тянуло к руинам, хотя в города входили немногие. Впрочем, там и своих обитателей хватало. В результате пригороды всегда напоминали муравейник. Так что сомневаться не приходилось: на подходах к Нхаба-Уо у нас будут проблемы. Пробиваться пришлось бы наверняка, как и любой группе на нашем месте. Вот только Буги уже не была уверена в полноценности нашей группы.

– Буги, – я постарался говорить ровно, и это, черт побери, было не так легко, – все будет нормально, я справлюсь.

– Не уверена. – Она покачала головой. – Прости, Макс, но если что-то пойдет не так, ты подставишь не только себя.

– Я в курсе. Будем прорываться. Иначе все равно не пройти.

– Это точно, – кивнул Сабж. – А Нулевая нам нужна. Мне надо отдохнуть перед городом, там всегда сложнее ориентироваться, мешает бетон. Да и пожрать не мешало бы.

– О'кей. Макс, готовь гранаты.

Мы вытащили из мешков игрушки Моргана-младшего и начали продвигаться дальше. Прятаться и соблюдать тишину было бесполезно, у серых ублюдков тонкий слух, отлично развитое обоняние и прекрасное зрение. Подойти к ним незаметно можно, только если стая дерется из-за добычи.

Они ждали нас сразу за поворотом. Впереди стоял огромный самец с порванными ушами и покрытой многочисленными шрамами мордой. Это был настоящий боец, не раз доказавший свое право править самками. Кроме него, в стае было еще трое самцов – но еще недостаточно взрослых, чтобы бросить вызов старику-вожаку и либо победить его в кровавой схватке, либо проиграть и покинуть стаю. Последнее случается нечасто, поэтому так мало самцов серых ублюдков. Как правило, из выводка остается только один, который и становится во главе стаи. Но даже те, кто выживает в схватке с вожаком и сбегает, вынуждены со временем снова драться. Неважно, будет ли это та же самая стая или нет, рано или поздно стремление к себе подобным и необходимость продолжения рода бросят изгнанника в драку. Он либо победит, либо проиграет, и тогда самки сожрут труп неудачника. Канныализм у серых ублюдков – обыденное дело. Они сами добивают тяжело раненных или больных сородичей, не способных быстро передвигаться и быть полезными на охоте. Слабых, старых, *неопасных* особей в стаях серых ублюдков не бывает. Чувствуя приближение старости и немощи, они сами бросаются в драку (как правило, безнадежную), против молодых, быстрых и сильных сородичей.

В своих монографиях Полковник не раз сравнивал нравы серых ублюдков с религиозными устоями древних нордлингов, поклонявшихся Одайну, жестокому богу, и

считавших позорной смерть от старости или болезни. Возможно, у серых ублюдков была своя, ублюдочная, Вальхалла...

Помимо вожака и молодых самцов, в стае было десятка полтора самок. По большей части молодых, ровесниц самцов-подростков. Но это не делало их менее опасными: серые ублюдки рождаются бойцами, уже на втором месяце жизни они участвуют в охоте.

Старый самец умер быстро, вряд ли успев почувствовать боль. Наши с Буги гранаты рванули почти одновременно, прикончив его, одного из подростков и двух самок. Остальные ринулись нам на встречу. Я успел кинуть вторую гранату, но убил лишь одну самку и сильно поранил другую: она начала с визгом кататься по земле.

Буги прицелилась из дробовика. Один из подростков рухнул с разmozженной мордой, второго зацепило, но он только взвизгнул, коротко дернулся и бросился на Буги. Я снял его в полете, и она легко отскочила от падающего трупа. Почти тут же взвились вверх две бежавшие за подростками молодые самки. Одну прикончила Буги, вторая рухнула, охваченная пламенем, – это начал действовать Сабж.

Сложности начались потом. Самки внезапно рассредоточились. По центру шли три молодые пары. Они атаковали в лоб, и если бы не примитивная, но результативная стратегия, которой серые ублюдки пользовались на охоте, разобраться с ними было бы несложно. Но пары действовали одновременно: одна бросалась в ноги, стелясь по земле, вторая прыгала. Тем временем опытные взрослые самки атаковали с флангов. Они бросались на бетонные плиты, ограждающие Пятую магистраль, отталкивались от них и нападали на нас. Мне уже приходилось видеть такие приемы, правда, не на дороге. Точно так же серые ублюдки дрались в лесах, прыгая и отталкиваясь от деревьев.

Мы успели положить одну пару и прыгнувшую самку из второй, когда и у меня и у Буги кончились заряды. Перезаряжать было уже поздно. Сабж успел сжечь атаковавшую нас в ноги вторую самку из пары. Я увернулся от взрослой сучки, летевшей от бетонной стены. Буги не стала уворачиваться, а просто перехватила дробовик и прикладом разнесла ей череп.

Против нас осталось пятеро. Самка, промахнувшаяся по мне, развернулась и бросилась снова. Я не видел, что творилось с остальными. Но уже выхватывая биту, услышал дикий визг. Сабж превратил одну из молодых самок в факел.

Четверо.

Я ждал, что взрослая самка бросится на меня, и замахнулся в расчете на это. Но она кинулась по земле мне в ноги. Краем глаза я успел заметить, как в воздухе мелькнула серая тень. Я не размышлял, мое тело действовало само по себе, ринувшись вперед и чуть в сторону от стелящейся по земле серой сучки. Что-то толкнуло меня в плечо. Я смог устоять на ногах, но моя бита ударила в землю, не задев самки.

На плиту передо мной прыгнула молодая самка, оттолкнулась могучими лапами и бросилась на меня, разворачиваясь в полете. Я ударил почти без замаха, но ее собственной инерции хватило для того, чтоб удар получился достаточно сильным: он пришелся ей на грудную клетку, и я явственно услышал треск ребер. Взрослая самка развернулась и уже присела для прыжка, когда яркое голубое пламя охватило ее шкуру.

– Сабж!

Крик Буги звучал, словно сквозь стену. Я оглянулся и увидел, что она катается по земле, сжимая брылья одной из тварей, в то время как вторая, раненная, истекающая кровью, но все еще живая и озверевшая от боли, подползает с другой стороны. Из бока у нее торчал кол Буги. Это должно было убить самку и убило бы, но боль придавала этому отродью сил, и оно наверняка успевало доползти до Буги. Я подскочил и разнес ее хренову башку битой, а потом схватил за загривок ту, что сцепилась с Буги, уперся коленом ей в хребет и тянул до тех пор, пока не услышал, как ломается ее позвоночник.

– Ты цела?

Буги медленно встала на ноги, посмотрела на свою растерзанную футболку и сорвала ее. Ни царапины. Только грязь и синяки.

– Я звала Сабжу, – устало прохрипела Буги, – но все равно спасибо.

– Твоя благодарность не имеет границ, – покачал головой я и отошел.
– По крайней мере, теперь я знаю, – сказала мне в спину Буги, – что ты еще на что-то годишься.

– И на том спасибо.

– Хватит ругаться, – еле слышно проговорил сзади Сабж. – Мне нужно в Нулевую, иначе я сдохну на хрен.

Он сидел на коленях, упираясь обеими руками в землю. Его тело была мелкая дрожь.

– Потерпи, Сабж, – сказал я, подхватывая его под мышки и приподнимая, – скоро мы будем на месте.

Нулевую уже было видно. Я взвалил Проводника на плечо и, спотыкаясь, поволок, удивляясь, какой тяжелой вдруг показалась мне эта ноша. За мной, матерясь сквозь зубы, поплелась Буги.

Следующий отрезок вечности мы лежали грязными, измазанными в чужой крови лицами к небу, закрыв глаза и жадно хватая ртами воздух. Вот только не толклись в голове толстовские мысли, вообще никаких мыслей в тот момент не было, лишь всплывало иногда, что на случай, если Сабж начнет блевать, неплохо бы отползти в сторону. Но я не отполз – не было сил. А Сабж не проблевался.

По-моему, я так и уснул там.

36. Я не говорю: «Не уверен», я говорю: «Не знаю»

– Выходим через полчаса, – сказала Буги, роясь в ящиках.

Я со странным чувством разглядывал огромный синяк и царапины на ее спине, полученные, видимо, в момент падения. Никогда не думал, что мысль об уязвимости другого человека может быть такой успокоительной. Пусть это были не кровоточащие борозды, а всего лишь синяк и царапины, все равно лучше, чем ничего. Впрочем, едва осознав, о чем думаю, я сразу же постарался переключить свои мысли на другое. Считайте это суеверием, но во время трипа мне было выгоднее считать Буги неуязвимой. А потом... потом будет видно, решил я для себя.

Не то чтобы я поверил Буги, когда она заявила об окончании ее охоты на меня, просто она вполне могла сказать это, чтобы я не ударил ее в спину. В принципе, логично, ведь я не ангел и считаю, что вероломство иногда возможно. Особенно когда речь идет о собственной шкуре. Другое дело – смог бы я ударить именно Буги? Не знаю. Я не говорю: «Не уверен», я говорю: «Не знаю».

В течение всего трипа я гнал из головы мысли о том, что оказался практически в такой же ситуации, как Буги. Все эти сопли, называемые любовью, мы оба раньше считали обывательской чушью, возникающей от скуки и обыденности. Но оказалось, дело куда серьезнее. Может быть, это и правда чушь – любовь или, я бы даже сказал, необходимость любви: когда тебе нужно, чтобы рядом был другой человек, с которым ты можешь быть самим собой и при этом позволяешь ему не снимать маски, – и характерна она только для людей. Если это так, то я, *может быть*, – завидую вам. Потому что точно знаю – любовь способна крайне болезненно ранить, оставлять шрамы, обжигать. Но в то же время... В то же время без этого чувства в жизни остается так много места, что иногда она кажется пустой. Я, признаться, вообще ни хрена о любви не знаю, и никто не знает. А если в знали, то давно соорудили бы станок для дешевых копий. И продавали бы их в секс-шопах. Думаю, они пользовались бы популярностью из-за дешевизны.

Короче, наши проблемы с Буги в чем-то схожи. Только у нее есть на ком выместить злобу и разочарование, есть то, чем она, пусть временно, может заполнить пустоту, которую теперь научилась замечать и осознавать. А у меня?

Я не рассказал ей и уже не расскажу, как, узнав о самоубийстве Марты, прошел под проливным дождем в одной рубашке все двенадцать километров до фермы ее мужа. Я желал только одного – дотянуться до его шеи и перегрызть кадык. Я тоже хотел заполнить пустоту,

я тоже научился ее замечать...

Но когда я пришел, вышиб дверь и ворвался в дом, он был пьян в дупель и ни хрена не понимал. Я даже не уверен, помнил ли он о том, что его жена только что перерезала себе вены.

Хотя зря я так... Может, и он тогда понял, что такое пустота, пусть на своем тупом, примитивном, быдлярском уровне, но понял. И пытался заполнить ее тем, чем всегда спасался – пойлом, блевойтой, утренним похмельем и снова пойлом.

Я так и не тронул его тогда. Я решил вернуться в Эпицентр.

Так вот, если бы у меня была возможность заполнить пустоту – смог бы я остановиться, послушаться разума? Не знаю. Я не говорю: «Не уверен», я говорю: «Не знаю».

37. О скотных дворах

Придя в себя – а на это потребовалось около двух часов, – Сабж молча поднялся и подошел к границе Нулевой. Он стоял там долго, изредка делая шаг-другой в сторону, потом возвращаясь на прежнее место. Казалось, он к чему-то принюхивается. Он не впадал в транс, не закатывал глаз, но было видно: что-то происходит, и это что-то очень беспокоит Сабжа. А беспокоить Проводника в Эпицентре могло только одно.

– Волна, – уверенно сказал Сабж несколько минут спустя, – пока она еще далеко и движется не в нашу сторону. Думаю, пройдет мимо, ближе к другой окраине города.

– Как быстро она движется? – Буги мгновенно забыла про ящик и подошла к Сабжу.

– Достаточно быстро. Думаю, нам не стоит сегодня идти. Волна, конечно, обрастет, но у нее неплохая начальная инерция, так что можем не успеть.

Волна – как лавина. Изначально в ней может быть одно или несколько животных. Ненависть и жажда уничтожения начинает гнать их вперед, и по мере продвижения к ним присоединяются другие твари. Так выглядит обрастание, о котором говорил Сабж. Чем больше монстров вливается в Волну, тем медленнее она движется. Это зависит от множества факторов: от рельефа местности, от того, какие это животные, от силы начального импульса. Короче, где-то в той стороне, куда нам было нужно идти, должно было пронестись неуправляемое стадо кровожадных, жаждущих личного общения ублюдков, а значит, двигаться дальше в ближайшее время нам не светило.

Дождь накатывал мелкими завесами и почти сразу уносился, чтобы снова вернуться через несколько минут. Мы валялись на спальных мешках под навесом: я курил, Буги, кажется, задремала. Сабж уныло бродил по периметру Нулевой, явно начиная киснуть от скуки. Серое, в редких грязно-голубых прорехах небо липло к земле мокрыми боками. И там, далеко внизу, наверное, точно таким же был Океан, бездонный и бесконечный. Бесконечность серого цвета. Хотя я где-то читал, что над Океаном всегда ночь, так что – какие уж там цвета? Единственная попытка покорить Океан, закончившаяся катастрофой гигантского научного судна «Челленджер», длилась, кажется, трое суток, и все это время вокруг корабля стояла ночь, слабо освещаемая рисунком созвездий на бивнях слонов. А потом Черепаха случайно проглотила «Челленджер». Наверное, решила, что это планктон... С тех пор Океан изучали только с воздуха, но создать летательный аппарат, способный на большее, чем облететь вокруг планетарного диска над черепашим панцирем, так и не смогли. Были, впрочем, и другие полеты. Один сумасшедший русский по фамилии Чкалов пронесся как-то между ног у одного из слонов. Кажется, летчика этого то ли расстреляли, то ли посадили: в те времена в России были жесткие нравы. Эта страна умудрялась легко сочетать просвещение и варварство. Она посылала летательные аппараты над Океаном, создавала «Идиота» и лучшие театральные постановки. И в то же самое время по улицам столицы метрополии бродили белые медведи, население спивалось, а на центральной площади проводились публичные расстрелы. С тех пор ее называют Красной. Времена, конечно, изменились, но и сегодня в острастку тем, кто решит проявить инакомыслие, на Красной площади держат неупокоенных мертвецов. Короче, я старался обходить эту

метрополию стороной...

– И как ты три года просидел в этой дыре, Макс? – спросил Сабж, забираясь в свой спальник. – У меня бы точно от скуки поехала крыша.

– А у меня и ехала, – ответил я, отстрелив окурок в сторону и скручивая новую сигарету, – еще как ехала. Но знаешь, люди живут в местах и похуже.

– Живут или выживают?

– Они думают, что живут. А я, наверное, все-таки выживал. Читал много и... Да и все, в принципе. В остальном мало чем отличался от местного населения. Пил, бил морды... Прикинь, Сабж, у меня есть веские основания предполагать, что я был единственным читающим самцом во всем городе. Ну, и еще священник, надо же ему иногда перечитывать Библию, чтоб имена апостолов не путать... И если бы... И если бы я все это время был совсем один, я бы подох. Или сросся с этим городом. Не знаю, что хуже.

– А где ты там книги доставал?

– В местной лавочке. – Я кратко рассказал Сабжу о своих палеонтологических набегах на единственный книжный магазин Самерсена.

– Слушай, а тебя там за *этого* не принимали? – спросил Сабж, когда я сказал, что постоянной клиентурой магазина были исключительно местные домохозяйки.

– За какого этого? – не понял я.

– Ну, за пластика.

– Какого на хрен пластика?

– Ну, блин, Макс, есть натуралы, а есть пластики. Различия в толковании анальной функции.

– А... Не знаю, если честно. Я как-то довольно быстро приучил их ничего обо мне не думать. И дышать ровно.

– А мне всегда было интересно, чем живут эти люди, – неожиданно подала голос Буги.

– В каком смысле? – переспросил Сабж, плотнее закутываясь в спальник. Начало ощутимо холодать, ветер налетал промозглыми порывами, задувая изморось под навес.

– Ну, понимаешь, Сабж, человеку нужна в жизни какая-то цель, надежда самореализоваться. Не знаю, как еще сказать, – попыталась пояснить свою мысль Буги. – А они... Не представляю, чем они вообще живут, о чем мечтают... Вот ты, Макс, ты же теперь специалист по провинциальной жизни, расскажи мне, убогой, как там живут?

– Не знаю, – я пожал плечами, – честно не знаю. Три года там прожил, но так и не смог понять. Вернее понял, но какая-то херня получается... Они надеются на то, что в один прекрасный момент все само собой изменится, и они свалят из этой дыры. Но никто не делает ничего для того, чтоб это случилось. Вообще ничего. И когда появляется возможность свалить, они теряются и остаются. А если и уезжают, то очень часто возвращаются.

– Знаешь, на что это похоже? – Сабж потянулся к моему кисету и сыпанул на руку табака. Вообще-то у него был свой кисет, но, видимо, срабатывала глубоко укоренившаяся привычка. – Вот живет тварь какая-нибудь домашняя, типа коровы или еще кого-то. И она привыкла, что дверь в загон закрыта. То есть, ей и хочется за ворота выйти (хрен знает, что там у них за мысли между рогами), но она не может. И вот в какой-то момент ворота забывают закрыть, но корова никуда не идет. А если уходит – то недалеко и скоро возвращается. Потому что дома все знакомо, там кормят, а то, что она в конце концов пойдет на убой... ну, так хрен ли, все там будем.

– Слушай, – встрепенулась Буги и уставилась на Сабжа, – это же полная жопа. Потому что, по большому счету, люди отличаются один от другого только размерами своего скотного двора и расстоянием, на которое они могут позволить себе уйти от ворот.

– Ну да, – Сабж пожал плечами. – Ты только забыла сказать, что это логично и закономерно. Такие условия дисциплинируют, позволяют сохранять относительный порядок, а главное – дают человечеству возможность развития.

– Не поняла.

– А что тут понимать, – вместо Сабжа ответил я. – Если в все были свободны, то

развитие было бы возможно только и исключительно на персональном уровне. А так свободны, или, скажем, имеют большую степень свободы только личности выдающиеся, гении. Они прутся за забор, находят там новые идеи, потом возвращаются. А у стада есть ресурсы для воплощения этих идей в жизнь. Ведь один человек не способен осуществить идею полета над Океаном, и таких моментов до хрена. Общество работает на гениев и живет за их счет.

– Погоди-погоди, но получается, что даже гении рано или поздно возвращаются, просто они могут удалиться от ворот больше, чем остальные, правильно? То есть на самом-то деле ничем они от всех остальных не отличаются.

– Гении тоже люди. Хотя, из-за определенных сдвигов в башенном механизме, человеческого в них меньше. Ты никогда не замечала, что все выдающиеся личности немного «того», не от мира сего? И чем менее человек нормален, тем более он свободен. Абсолютные кретины и дауны могли бы быть действительно свободными личностями. Проблема в том, что личности как таковой у них нет, и они не в состоянии осознать свою свободу. А осознание – это эквивалент ограниченности. Та же херня, на самом деле, что с верой в Бога и сомнением. Или ты веришь, или сомневаешься. Или ты свободен, или осознаешь степень своей свободы. Но как бы то ни было, только благодаря такому положению дел человечество смогло достигнуть всего, чего оно достигло.

– И не факт, что это хорошо, – сказал сквозь зевок Сабж.

– В смысле?

– Ну, понимаешь, не факт, что этот путь развития идеален. Если такой, конечно, вообще существует. Возможно, личностное развитие дало бы человеку больше. Он бы лучше понимал мир, и фишки типа того же Океана его бы не парили. Или он давно научился бы переноситься над Океаном силой мысли... Хрен знает, трудно рассуждать о том, о чем понятия не имеешь. Только это были бы совсем другие люди.

– И у них были бы свои скотные дворы и ворота, – закончила Буги.

Я собрался было возразить ей, но Сабж вдруг выскочил из своего спальника и тревожно «принюхался».

– Что такое, приятель? – встревоженно спросила Буги.

– Волна сменила направление, – Сабж оглянулся на нас и покачал головой, – основной поток пройдет в стороне, но нас все равно заденет...

38. Волна

Мы перетасили к границе Нулевой все ящики и теперь аккуратно выложили на них дробовики и игрушки Моргана-младшего. Сабж оставался в середине зоны, под навесом: это было неписаное правило для таких моментов – максимально возможная безопасность Проводника. Даже если погибнет часть группы, он должен довести остальных до Полковника или постараться вывести из Эпицентра. Впрочем, Сабжу не светило сидеть без дела. Ему предстояло перезаряжать наши дробовики, а при необходимости использовать свои возможности.

Ни одна тварь Эпицентра не переступит добровольно границу Нулевой. Только Полковник знает об этом все, но из его объяснений я уяснил для себя когда-то одно (тогда мне казалось, что этого достаточно, а теперь жаль даже мельчайших деталей упущенного знания): любое существо, будь то животное или человек, долгое время пребывавшее под непрерывным воздействием Эпицентра, при пересечении границы Нулевой мгновенно умирает от кровоизлияния в мозг. Исключение составляют только Проводники – за счет необычных особенностей организма, по всей видимости. Кстати, сам Полковник, проживший в сердцевине Эпицентра не один десяток лет, воспользоваться Нулевой, скорее всего, не мог. Проверять это на практике он, разумеется, не собирался. Твари же каким-то образом чувствовали опасность, идущую от Нулевых.

Но все это относится к обычной обстановке. Волна все меняет. Охваченные яростью

и/или страхом, ослепленные общим движением, твари нередко пересекают границу Нулевой. При этом они мгновенно умирают, но тем, кто находится внутри Нулевой, от этого не легче. Мертвое тело способно вытолкнуть сталкера из Нулевой, и он покалечится при падении, не говоря уже о том, что само прикосновение к некоторым обитателям Эпицентра – неважно, мертвым или живым – небезопасно. Нужно также отметить, что из-за инерции нежелательно было использовать боевые способности Проводников: влетающее в Нулевую мертвое тело, охваченное пламенем, становилось еще опаснее.

Поэтому бойцы старались максимально отодвинуть, а в идеале – предотвратить такие ситуации. В случаях с открытыми Нулевыми, то есть теми, которые не находились в естественном или искусственном укрытии (а наша была именно такой), имелся лишь один метод защиты убежища – стена из трупов. Обезумевшее от ужаса смешанное стадо травоядных, которое всегда летит впереди основной Волны, состоящей исключительно из хищников, нужно встретить шквальным огнем, и гора их трупов станет своеобразной баррикадой. Метод жестокий, но когда речь идет о жизни и смерти – приемлемый. Это закон джунглей: выживает сильнейший. Такие понятия, как жестокость, несправедливость, жалость и снисхождение теряют всякий смысл. Голая жизнь и голая смерть, как говорил Ремарк, –

вот что действительно имеет значение, вот что действительно существенно. И человек – *non plus ultra*⁸ эволюции – обязан выжить. Жизнь всегда пускала корни в смерть и кормилась ее соками, так же как смерть использует жизнь в качестве инкубатора.

...Нам не пришлось долго ждать. Прошло минут двадцать, и Сабж пробормотал за нашими спинами: «Here we go...»

И наступил ад. Недалекая роща дубовника вскипела бурой волной и исторгла из себя обезумевшее существо, стозевно и стотело, тысяченого и тысячеглазо. Существо это имело много имен, но, наверное, правильнее всего было назвать его «ужасом». Это бежали от настигающего их безумства и ярости травоядные животные Эпицентра.

– Стреляй в ноги! – крикнула Буги и разрядила дробовик.

Я выстрелил мгновение спустя. Мчавшиеся впереди животные с изуродованными нашими выстрелами конечностями рухнули под ноги бегущих следом. Началась неразбериха: одни твари налетали на других, третьи пытались подняться и сшибали четвертых. Мы методично стреляли в мешанину тел, не подпуская проскочивших одиночек ближе, чем на десять метров. Когда у Буги кончились заряды, она не глядя бросила назад винтовку, схватила одну из приготовленных гранат и метнула вперед. При этом она что-то снова мне крикнула, но я не понял, что: рев и грохот стоял такой, что разобрать слова было просто невозможно. Однако я успел уловить боковым зрением какое-то движение и, практически не поворачиваясь, разрядил в ту сторону дробовик. Несмотря на то, что мы уже выстроили гору из тел, которая полукругом охватывала Нулевую на расстоянии примерно пятнадцати-двадцати метров от границы, да и все промежуточное пространство было тоже завалено трупами, сбоку, видимо, вышвырнутое общим потоком, вылетело какое-то животное. Я не успел разглядеть, кто именно это был, лишь увидел, что он рухнул, конвульсивно содрагаясь, в шаге от оторопевшего Сабжа, неловко прикрывшегося дробовиком Буги. Разглядывать дольше времени не было. Швырнув Сабжу разряженную винтовку, я схватил с ящиков второй дробовик. Буги толкнула меня в плечо и жестами показала, что надо разойтись в стороны. Таким образом мы могли контролировать большую часть периметра. Но если какое-нибудь особенно крупное животное пробьет баррикаду из трупов травоядных – не факт, что мы успеем отреагировать. И все же я подчинился: сделал несколько шагов в сторону и принялся периодически простреливать заросли. Расщепленный горой тел, поток животных плавно обтекал Нулевую, и лишь некоторые вырывались из общего течения. До границы, впрочем, ни одно из них не добралось.

⁸ Высшая ступень (лат.).

Сколько это продолжалось? Два часа, три? Может, и дольше. Ноги дрожали от слабости, руки еле держали дробовик, с трудом передергивая помпу. Когда из клубов пыли вырвались хищники, стало еще труднее. Эти уже не обтекали Нулеву, а пытались сомкнуться сразу за баррикадой. Они шли на нас со всех сторон, и мы лишь с огромным трудом умудрялись класть их, не подпуская близко. Иногда где-то в чаще вспыхивали живые факелы – это работал Сабж, но подпаливать идущих непосредственно на Нулеву он опасался. Наш заслон из трупов так и не был пробит, но два серых ублюдка – мощный самец и молодая самка – попросту перемахнули через него, используя как трамплин. Ни я, ни Буги среагировать не успели, но нам повезло: самка рухнула на самой границе Нулевой, а самец проскочил насквозь уже мертвым. Сабж успел уклониться от него в последний момент.

Многолапое тело хищника, огрызаясь, сцепляясь между собой, умирая и убивая, несло мимо нас. И мы – самые слабые из существ, задействованных в этом безумии, стояли, окруженные стремительно перемещающейся грудой мышц, клыков, когтей, роговых наростов – требующих крови, ослепленных яростью, способных видеть только плоть. Это существо, каждая клетка которого представляла собой овеществленное и ожившее желание убивать, – и мы. Больше в тот момент ничего не было, ничего не существовало, ничто не имело значения. Помню, как Сабж устало крикнул, что кончаются заряды, и крик его было едва слышен на фоне какофонии Волны. На самом деле этот сигнал Проводника уже был не важен, потому что мы не могли остановиться, прекратить стрелять, убивать, как убивало все вокруг, – мы не имели права позволить себе быть убитыми. Если бы кончились заряды, мы дрались бы на границе, что, в общем, тоже было не важно. Значение имели только два факта – наше желание выжить и *их* желание убить.

Я действительно не помню, сколько продолжалось наше противостояние. Просто в какой-то момент оказалось, что стрелять больше не в кого, а следом за осознанием этого на нас обрушилась тяжелая, гулкая тишина. Она не была злой, скорее, в ней было что-то сродни пустоте. Ведь тишина в общечеловеческом понимании – это не отсутствие звуков, а некое их гармоничное сочетание, в котором ни один звук не выделяется и потому скоро перестает восприниматься. Там же наступила тишина абсолютная, и ее нарушало только наше хриплое дыхание, диссонансные удары сердец и редкие порывы ветра. Ни птичьей переклички, ни стрекота насекомых – ничего. Тишина была настолько всеобъемлющей, что сама стала звуком. Наверное, даже в космосе не бывает тише, ведь там есть плеск волн, что-то еще. Здесь же овеществилось абсолютное ничто, как будто Бог нажал на клавишу «mute», устав от шума.

Я выронил дробовик и, спотыкаясь, побрел внутрь Нулевой. Навстречу шла Буги в окровавленной одежде, но, кажется, кровь была не ее. Опустив глаза, я понял, что выгляжу почти так же, и, судя по всему, тоже не был ранен. Все эти короткие, как сигналы азбуки Морзе, мысли не имели никакой экспрессивной окраски – чистая констатация. Мы выполнили задачу, остались в живых. Остальное неважно.

Зарослей дубовника вокруг Нулевой больше не существовало. Когда облако пыли осело, стали видны сломанные и перемолотые стебли кустарника, множество трупов и три измученных человека посреди этого безумия. Мы с Буги сидели, прислонившись друг к другу спинами, забыв о выросшей между нами стене. Сейчас нас разделяла только пропитанная потом ткань нашей одежды.

Мы остались живы и даже не пострадали. Нам повезло. Волна прошла по касательной к нашему убежищу. А может, это просто был наш день. О таких вещах очень трудно судить определенно.

Небо стремительно избавлялось от облаков, словно волна взбесившихся тварей принесла с собой порывы ветра. Не пройдет и часа, как вернется жестокое пекло. Тогда мы спрячемся под навесом и будем лежать, глядя на плохо оструганные доски над головой, не в силах ни уснуть, ни пошевелиться.

– Сегодня никуда не пойдем, – прохрипела в конце концов Буги, оттолкнулась своей

спиной от моей и медленно, со стоном и ругательствами, поднялась на ноги.

– Да что ты говоришь! – ответил я, поражаясь, как эта железная леди нашла силы встать.

– Макс, – Буги, пошатываясь, пошла к навесу, – один раз передернуть помпу я еще смогу.

– Тогда застрелись, – согласился я и заставил свое тело оторваться от земли.

39. Травки Проводника

Сабж уныло привязывал желтую ленту на один из столбов, поддерживающих навес. Это был знак другим группам о том, что боезапаса в Нулевой больше нет. Того, что осталось, нам едва хватало на следующий отрезок пути. В ящиках всех Нулевых припасены ленты красного, зеленого и черного цветов. Красная означает, что нет продуктовых запасов; зеленая – полное опустошение зоны, то есть отсутствие и пищи и боекомплекта. А черная, самая страшная, сигнализирует, что Нулевая утратила свои свойства. Как правило, это выяснялось в последний момент и ценой чьих-то жизней, когда на группу, уверенную в своей безопасности, неожиданно нападали твари Эпицентра. Потому что даже Проводники этого момента не замечали, что уж говорить о нас, простых работягах.

Мы с Буги лежали на раскатанных спальниках.

– Завтра будет тяжело, – сказал Сабж, оглядывая дело своих рук. – Волна пригнала в этот район столько лиц хищной национальности, что завтрашний переход, коллеги, уже теперь можно смело назвать экскурсией в зоопарк Эпицентра. Кстати, Буги, не заняться ли тебе ужином?

– А почему мне? – Буги медленно приподняла голову.

– А это, сестренка, не что иное как яркий пример дискриминации по половому признаку. Мне бы хотелось перед завтрашним переходом пожрать чего-нибудь вкусненького, а стряпня нашего друга Макса никак не подходит под эту категорию.

– Точно, – кивнул я, – совершенно не вписывается.

– Ну тогда свари что-нибудь сам, – пожала плечами Буги.

– К сожалению, не могу, – усмехнулся Сабж, – мне надо подготовиться к завтрашнему дню. Причем на отдельном костре. Не думаю, что травки Проводников могут стать специями для человеческой еды. Так что, Макс, кончай отлеживать задницу. Нам нужны дрова на два костра, причем мне понадобится много. Я намерен соорудить небольшую донью.

– Может, лучше пристрелить его? – подумала вслух Буги.

– Патронов мало, – возразил я почти искренне и, постанывая, поднялся на ноги. Дров вокруг Нулевой теперь было хоть отбавляй. Оставалось только перетаскать их.

Когда гора сушняка выросла до вполне солидных размеров, я с удивлением обнаружил, что, несмотря на следы усталости, ощущаю какой-то необъяснимый прилив энергии. Оживилась и Буги. Она бродила вокруг небольшого костерка, на котором готовила ужин, напевала что-то веселое себе под нос и даже слегка пританцовывала. Только Сабж все так же сидел около своей доньи и изредка помешивал в котелке ложкой, привязанной к длинному стеблю дубовника. Однако, возвращаясь с последней связкой дров, я заметил его хитрый взгляд, как бы невзначай брошенный на нас с Буги. И только тогда понял, что вот уже какое-то время ощущаю терпкий, но приятный травяной запах, исходящий, судя по всему, из котла Сабжа.

– Сабж, я заметил твой взгляд. Что у тебя там за варево?

– Я же сказал, – уже открыто рассмеялся Сабж, – травки Проводников. Всегда любил наблюдать, как их запах действует на простых смертных.

Буги оторвалась от стряпни и потянула носом:

– Пахнет, как трава, а действие похоже на спиды, только без дикого оживления. Одна... – Буги задумалась, глядя вверх, – энергия, что ли. И в голове чисто. Представляю, что будет, если глотнуть твоего чайку, Сабж.

– А вот этого делать не рекомендую, – неожиданно серьезно ответил он, – крышу сорвет надолго, и не факт, что удастся вернуть ее на место. Никто, кроме Проводников, не может пить этот настой. Хотя... бывали случаи, когда Проводникам приходилось поить им команду. Но это исключительные ситуации.

– Какие, например? – уточнил я, подходя к донье Сабжа.

– Не хочу рассказывать, – отрезал он и продолжил деловито помешивать ложкой в котле. – И надеюсь, вам не придется узнать это, дорогие коллеги.

– Черт побери, – вздохнул я, – во мне все кипит. Вряд ли мне удастся сегодня уснуть.

– Удастся, – уверенно кивнул Сабж, – запах этой травы действует недолго. Скоро ты снова будешь валиться с ног. А пока можешь заняться полезным делом.

– Каким? Я уже натаскал дров.

– Вокруг мяса – хоть все Нулевые разом забей, – улыбнулся Сабж.

– А, вот ты про что... Ну что ж, пожалуй, займусь этим. Даже с удовольствием.

Сабж был не совсем прав, говоря, что травы действуют на организм недолго. Стремительно, как и положено в тропиках, стемнело, на небосклон выкатилась серебряная монета с неясным, стершимся от времени профилем, а мы все сидели вокруг почти погасшей доньи Проводника. Я успел нарубить мяса серых ублюдков и печального рогача, втереть в него соль, помыться, потом мы уничтожили все приготовленное Буги, и только тогда нас стало мало-помалу отпускать. В конце концов я поймал себя на том, что клую носом прямо перед костром, переполз на спальник и уснул как убитый.

Однако сон мой не был спокоен, я то и дело просыпался без видимых причин, и, хотя утром чувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим, полноценным сном то свое состояние не назвал бы. Утренняя бодрость скорее всего была остаточным эффектом от запаха трав Сабжа. Я ожидал вполне предсказуемой боли в мышцах, но ее не было – наверное, по той же причине.

Что касается ночи, то мне снились яркие и абсолютно бессмысленные сны, нагромождение образов и ощущений, и только под утро пришло то, что позже Полковник назвал сном в руку. Мне приснилось, будто я сижу в своей берлоге в Самерсене и пытаюсь настроить Gibson Les Paul (я действительно какое-то время подумывал его купить, но так и не сделал этого). Гитара не держала строй, меня это выводило из себя, и в конечном итоге я разбил ее об пол в лучших традициях жанра. В этот момент дверь открылась, и в комнату, покачиваясь, вошел вдрызг пьяный Джим Моррисон с бутылкой «White Horse». Он посмотрел на обломки гитары, покачал головой и сказал: «Зря ты разбил такую хорошую гитару, парень. Лучше бы съел черепаховый суп, это было бы не так скучно. Понимаешь, все равно скоро настанет конец света, так что не стоит уничтожать хорошие вещи раньше срока – надо немного потерпеть, и они умрут сами. Поверь мне, я знаю, о чем говорю». Потом он ушел, на прощание шепнув мне, что идет охотиться на НЛО и что я, если хочу, могу к нему присоединиться, но я промолчал и никуда не пошел. Я решил, что, наверное, он прав и я зря разбил гитару. Однако вместо ее осколков на полу я обнаружил огромную кастрюлю черепахового супа.

40. Стоп-кадры

Утро выдалось свежим и неярким. Небо укутали белые перистые облака, такие четкие, словно кто-то выдавил на синюю скатерть сливки из баллончика. Дул ровный ветер, и не верилось, что еще день назад мы изнывали от зноя и духоты. Однако не все было так радужно. Трупы вокруг Нулевой издавали характерный запах начинавшего разлагаться мяса, и это привлекло любителей мертвечины. Их было достаточно, чтобы напасть на троих еще не ставших падалью существ. Я, правда, надеялся, что обилие более доступной пищи отвлечет их внимание. Поначалу так и происходило.

Мы вышли, стараясь шагать бесшумно и не делать резких движений. Сабж шел между нами с Буги. От него сильно пахло вчерашним отваром, который он не только выпил, но и

обильно втер в кожу. И я заметил, что когда мы шли мимо пирующей парочки самок зеленой гнили, одна из них подняла морду, принялась, а потом вдруг испуганно отскочила и начала тереть нос лапой.

– Себя обнюхай, – огрызнулся Сабж.

А дальше началось натуральное рокабилли. Если в это было кино, то единственный, кому я позволил бы написать саундтрек к данному эпизоду трипа, – Брайан Сетзер, выжимающий все соки из своего Black Phoenix, так что брызги летят по всей системе Dolby Surround и выливаются прямо на головы пожирающих тонны попкорна зрителей. А навстречу им с мутного экрана летела бы клиповая съемка, дикий микс стоп-кадров:

Буги, вскидывающая дробовик.

Сабж, выбрасывающий вперед ладонь.

Охваченная пламенем тварь, название которой мне неизвестно.

Мой дробовик, сплевывающий серое облако.

Вспухающая суставчатыми щупальцами куча земли.

Два дробовика, одновременно вбивающие щупальца назад, в землю.

Солнце, пунктирными рывками пересекающее небо.

Испускающее струю крови обезглавленное тело серого ублюдка, не желающего падать.

Желтое облако пыли, выбитое ногой.

Спотыкающийся Сабж.

Буги, успевающая его подхватить.

Мой выстрел над их головами прямо в пасть трихвоста.

Трупы.

Трупы.

Трупы.

Трупы.

Трупы.

А если оглянуться и попытаться соединить пунктир стоп-кадров в единую картину...

* * *

Мы вышли еще до того, как окончательно рассвело, и постарались по возможности скорее покинуть территорию, заваленную трупами. У Проводников проблемы с чувствительностью в тех местах, где недавно прошла Волна. Думаю, Сабж для того и наварил своей травки, чтобы подстегнуть свой дар предвидеть опасность (или как там у них это работает). Но даже после этого его едва хватало, чтобы в самый последний момент предупредить нас с Буги. А зачастую мы с ней замечали опасность раньше. К счастью, Волна ослабила и хищников. Многие из них скрылись в свои убежища, чтобы впасть в состояние коматозной спячки на несколько суток, остальные просто были вялые и не такие быстрые, как обычно. Собственно, иначе мы вряд ли прошли бы.

И все же сначала нас окружали только пирующие падальщики, а им было не до трех недостаточно разложившихся туш, медленно передвигающихся среди вполне готовых к употреблению. Но беда в том, что кое-кто в Эпицентре не прочь полакомиться самими падальщиками.

Мы успели отойти от Нулевой на полкилометра, когда Сабж подал первый сигнал тревоги. Описывать дальнейшее я не берусь. В голове мешанина из перечисленных стоп-кадров, замедленных до зуда нервных окончаний мгновений, стремительно убистряющегося действия, обрывающегося очередным стоп-кадром. Помню, как распластались с раззявленными пастями два хофмана, как выскочили из бурелома недавней чащобы дубовника три огромных, в человеческий рост спайс-дога и были отброшены взрывом игрушек Моргана-младшего прямо под ветви помятого, но неизменно голодного сонного скальпеля. Как мы едва не напоролась на желтые пятна, которые Сабж просто прозевал. Как меняли темп, то пускаясь бежать так, что раздирало легкие, то еле передвигая ноги. В какой-

то момент нам пришлось сменить тактику, и когда мог справиться кто-то один, второй не вмешивался. Нужно было экономить заряды, иначе до города дойти нам не светило. Один стрелял, другой заряжал, потом мы менялись местами, и только пребывающий в подобии транса Сабж все время оставался между нами. Он же нес тубус с грузом.

Это и правда походило на экскурсию в ритме рокабилли, по ходу которой мы были вынуждены лишать жизни выставленные экспонаты. Я имею в виду, наблюдай за нами кто-то из кинозала. А в реальности – в реальности было страшно. Вообще-то страх – одна из составляющих нашей работы, но если кто-то скажет, что к страху можно привыкнуть, выбейте этому идиоту зубы.

Я не смог бы привести список умерщвленных нами тварей. Многих я не запомнил, кое-кого увидел впервые. Но даже если бы я сподобился составить этот чертов список, он состоял бы из тех, кто надеялся умертвить нас. Понимаете? Они все хотели, чтобы мы сдохли. А мы подышать не собирались.

К страху привыкнуть нельзя.

Так что выбивайте зубы смело. Глупость обходится дороже услуг дантиста.

Когда в сумрачный полдень мы дошли до пригорода Нхаба-Уо, ни у меня, ни у Буги не осталось зарядов, а Сабж еле переставлял ноги. Хрипло выплевывая слова, то и дело сбиваясь на сухой кашель, роняя зеленоватую слюну из уголков рта, он довел нас до свободного здания, которое не облюбовали для своих нужд новые обитатели города. Подхватив Проводника под мышки, мы заскочили внутрь, завалили дверь всем, что попало под руку, и совершенно обессиленные рухнули на пол. Больше всего хотелось закрыть глаза и провалиться в ничто, но мы не могли себе этого позволить. В любую минуту могла появиться тварь, которой начхать было и на стены, и на завалы у двери.

– Мне нужен час, – прохрипел Сабж.

– О'кей, – кивнула Буги. – Макс, нужно чем-то набить дробовики.

Я принялся собирать по полу осколки камня, стекла, дерева, – все, чем можно было зарядить оружие. Рядом, тихо матерясь, ползала Буги.

Брайан Сетзер повесил глухой сустейн и дал ему уйти в тишину. Кстати, надо проверить, вложил ли Полковник в посылку записи «The Stray Cats». В противном случае история человечества будет выглядеть ущербной.

Я дробил большие куски стекла на мелкие осколки, Буги набивала ими пустые обоймы. Остальной мусор, более или менее пригодный для дробовиков, мы уже собрали, но этого все равно было мало. За окном Эпицентр многогласно решал свои бытовые проблемы, которые, как и всегда в природе (быть может, лишь чуть более нарочито) сводились к вопросу: кого сожрать так, чтоб при этом не сожрали тебя. Пару раз на дверь снаружи что-то наваливалось, мы слышали громкое сопение и замирали. Но реальных попыток взломать это довольно хлипкое препятствие никто не предпринял.

Сабж спал как убитый, изредка всхрапывая и что-то бормоча. Иногда он вдруг начинал сильно дрожать, и тогда на его губах пузырилась зеленая слюна. Мы не знали, нормально это или нет, но не решались будить Проводника. По крайней мере, пока не пройдет определенный им самим час.

Я мысленно дал себе слово, что ни при каких обстоятельствах не прикоснусь к зелью Проводников, даже если на кону будет моя шкура. Хотя, конечно, понимал – на самом деле, если вопрос о моей жизни встанет ребром, я выпью даже мочу зеленой гнили.

41. Нхаба-Уо

Будить Сабжа не понадобилось. Когда прошел оговоренный час, он сам открыл глаза, поднял на нас мутный взгляд и выругался:

– Я не должен был уснуть...

– Все нормально, Сабж, – пожала плечами Буги. – Ничего особенного ты не пропустил.

– Все равно. Никогда не знаешь наперед, когда подействует эта трава. Она сжигает

силы, а потом ты просто вырубаетесь. Опасная штука. Но раньше меня хватало на большее время.

Теперь пожал плечами я, чувствуя, как болезненно натянулись мышцы натруженного помпой предплечья.

– Трип на трип не приходится, приятель. Главное – мы живы. Могло быть хуже, если хорошенько вдуматься. Я бывал в переплетах и похлеще.

– У тебя просто дурные наклонности, – проворчал Сабж, но я уже понял, что к нему возвращаются твердость духа и упрямство. – Так говорите, пока я спал, никто к нам не заглядывал?

– Нет. Мы всем говорили, что сегодня не приемный день.

– Отлично. – Сабж поднялся, попинал ногами воздух, покрутил головой, пошевелил ушами. – Ну, я вроде бы в норме. Можем отправляться в путь. Помнится, я обещал показать вам кое-что занятное.

– Я думала, ты уже выполнил обещание, – усмехнулась Буги.

– Я говорю серьезно. Все равно это нам по дороге.

– У нас проблемы с боезапасом, – с сомнением заметила Буги, – и я не думаю, что нам стоит куда-то заскакивать. И без того времени потеряли...

– Спокойно, сестренка. Крюк не велик, а оно того стоит. Честное слово.

Солнце медленно осыпалось к закату прорывами в облаках, рвало пространство стремительно исчезающими тенями. От стены к стене летали полосы света, прерываемые пунктирами сумрака. Полуразрушенные здания окраины Нхаба-Уо, обветшавшие еще до войны, стояли так близко к дороге, что, идя втроем плечом к плечу, можно было запросто коснуться стен вытянутой рукой. Большинство домов стояли без крыш. Причиной тому тоже была не война. Просто по всей метрополии Нагасаки бедняки крыли дома соломой, и со временем ветер с легкостью разрушал такие крыши. Меня, кстати, всегда интересовало, как обитатели домов, крытых соломой или, скажем, дранкой, не боялись пожара от искр, летящих из трубы. Не знаю. И этого я тоже не знаю, и это не попытался выяснить – как и способ заточить каменный топор или подковать лошадь. Ничего удивительного – время меняет приоритеты. Но мне странно, что на вопросы, вызванные не необходимостью, а элементарным любопытством, я никогда не пытался найти ответы. Хотя с появлением Интернета это было так легко...

А впрочем, может быть, как раз поэтому я ничем и не интересовался. Великое благо века – Интернет, разрушающий границы (как государственные, так и морально-этические), стал основной причиной всеобщей лени в поисках знаний и в результате привел к упадку культуры (уж простите мне эти громкие слова). Когда сведения нужно было выяснять у специалистов, выискивать в книгах, научных изданиях и архивах, человек дорожил и самой информацией, и возможностью таковую добыть. Имея же под рукой (пусть только теоретически) средство, позволяющее мгновенно получить ответ на любой вопрос, люди перестали стремиться получать знания и ценить их. Зачем париться, когда можно сесть за компьютер, найти все необходимое, использовать и тут же выкинуть из головы? С другой стороны, возникло двустороннее общение с информационными источниками. Иначе говоря, человек получил возможность сам создавать информацию. И если раньше почти всегда этим занимались специалисты (каждый в своей области), то с приходом Интернета настало время дилетантов. Создаваемая информация (яркий пример – сетевая поэзия) зачастую не выдерживала никакой критики и при этом росла как на дрожжах. Таким образом, общая планка резко снизилась. Низкого пошиба литература, неумелые стихи, псевдонаучные разработки и прочий хлам жирным слоем грязи покрыли истинное искусство и истинное знание. И Интернет, создававшийся изначально для устранения препятствий между человеком и знанием, сам стал таким препятствием.

Впрочем, я вовсе не думал об этом тогда, в Нхаба-Уо.

Обитатели этого города предпочитают ночной образ жизни, поэтому к вечеру мы без проблем добрались до центра. Лишь однажды (Сабж, восстановивший силы, исправно

предупредил нас заранее), пришлось укрыться, когда по улице неторопливо прошествовала стая каких-то мохнатых монстров. Да еще на одном из перекрестков повстречалось стадо травоядных белых смоков, которые проводили нас печальными глазами стареющих хиппи.

Скромные, лишенные крыш дома постепенно сменили более солидные, двух- и трехэтажные постройки. Впрочем, по-настоящему богатым Нхаба-Уо никогда не был. Дорога оставляла желать лучшего, потрескавшийся асфальт покрылся зеленой порослью упрямых сорняков, кое-где зияя глубокими провалами. По ночам оттуда выбирались ленивцы Бауэра, но сейчас они крепко спали, поскольку их огромные, как у лемуров, глаза не переносили солнечного света. В этой части города дома стояли на некотором расстоянии от дороги, окруженные заборами, от которых теперь остались только кирпичные столбы. Судя по узорным синеватым ожогам на земле, когда-то меж столбов были витые решетки.

– Меня всегда интересовало, – кивнув на эти ожоги, пробормотал Сабж, – почему не разваливаются дома, построенные из железобетона.

– А хрен их знает. – Буги пожала плечами и недовольно посмотрела на быстро снижающееся к горизонту солнце. – Сколько нам еще идти?

– Уже почти пришли.

На одном из перекрестков Сабж замер, оглядываясь. Потом, узнав одному ему известные ориентиры, уверенно нырнул в укрытый вечерними сумерками проход между домами, лично мне не внушавший доверия. Наступило опасное время суток: хищники начинали просыпаться и выползать из своих укрытий. Но мы доверились чутью Проводника и направились за ним, внимательно прислушиваясь к звукам обезлюдевшего, но не мертвого города (в Эпицентре были и такие, но никто из сталкеров не совался туда по своей воле).

Весь проход зарос цепким низкорослым кустарником. Мы, тихо матерясь сквозь зубы, старались следить, куда ставим ноги, но все равно то и дело спотыкались. Иногда Сабж останавливался, закрывал глаза и начинал крутить головой из стороны в сторону. Потом вел нас дальше. Узкая тропа, зажатая с двух сторон кустарником, остатками каменных оград и изредка стенами зданий, была битком набита тенями и гулкой тишиной. И хотя асфальт, некогда здесь лежавший, теперь был практически полностью покрыт травой, скрадывающей любые звуки, нам казалось, что каждый наш шаг отдается громким эхом. Мы с Буги напряженно всматривались в густой сумрак впереди, ожидая в любую минуту, что Проводник даст сигнал об опасности. Мои ладони вспотели на цевье дробовика, постоянное ощущение чужого взгляда заставляло шевелиться волоски на коже. Этот путь все больше действовал нам на нервы. Он казался бесконечным, хотя вряд ли мы шли больше получаса. Наконец, Буги не выдержала. Она вдруг остановилась и разразилась громкой бранью, требуя вывести нас из этой хреновой, мать вашу, дыры, иначе она за себя не отвечает и начнет палить по всем, мать вашу, темным углам, в том числе и по собственной гребаной тени. Каплей, переполнившей сосуд ее терпения, стало то, что она едва не вляпалась в дерьмо кого-то из нынешних обитателей города. В конце концов, она ведь женщина. Но Сабж именно в этот момент свалил в очередной транс и, думаю, просто не услышал истеричного вопля Буги. Впрочем, смысла в ее истерике было, если разобраться, немного – за все время путешествия между домами, зарослями и остатками заборов я не заметил ни одной внушающей доверие возможности свернуть в сторону, да и сама тропа казалась небезопасной. Сама поняв бессмысленность своего выступления, Буги еще раз выругалась, сплюнула под ноги и снова двинулась за Сабжем. Да уж, лучше всего приводит в чувство ощущение, что ты сам себя выставил дураком. «Мне бы ее самообладание, черт побери!» – подумал я о Буги. Ведь если бы не психанула она, это сделал бы я, и так легко в себя вряд ли пришел бы. Теперь же мне стало ясно, что психовать нет смысла. Оставалось тупо шагать за Проводником, надеясь на его чутье.

А город тем временем оживал, наполняясь звуками, отнюдь не ублажающими слух. Становилось прохладно.

– Эй, Сабж! – окликнул я Проводника, предварительно убедившись, что тот не в трансе. – Парень, мне не хочется ночевать далеко от Нулевой, особенно в городе.

– Мы заночуем в более безопасном месте, чем все Нулевые, – не оглядываясь, ответил он, – осталось совсем немного. И стоит поторопиться. Там, где мы вошли на тропу, торчит пепельный шепотун и обнюхивает наши следы. Правда, пока он не подал сигнала стае.

Я почувствовал, как по моей спине побежали холодные мурашки. Шепотун – это маленький грызун, не больше обыкновенной крысы. Сам по себе он не слишком опасен, но способен молниеносно мимикрировать, так что объект его охоты редко успевает понять, чьей именно жертвой стал. К тому же этих невероятно шустрых тварей нелегко уложить, даже если успеешь заметить. Они могут передвигаться почти со скоростью пули. Кроме того, пепельные шепотуны охотятся стаями по десять–пятнадцать особей.

Поскольку я замыкал наш отряд, то теперь шел, постоянно оглядываясь. Конечно, Сабж предупредит меня, если опасность станет более или менее реальной. Но люди не всегда прислушиваются к голосу разума. (Только не спешите записывать это качество в общий список людских недостатков – как и многое другое в человеке, оно парадоксально – и в зависимости от ситуации может как навредить, так и принести пользу.)

Наконец заросли слева от тропы в очередной раз уступили место стене какого-то дома. Сабж замер, потом повернулся к нам и улыбнулся:

– Мы пришли.

Я осмотрел стену, но ничего особенного не увидел. Буги, по всей видимости, тоже.

– Какого хрена ты нас сюда приволок? – сквозь зубы, еле сдерживаясь, спросила она Сабжа.

– Сейчас сами все увидите.

– Твою мать, парень, ты что, рехнулся? Забыл, где мы сейчас находимся? А если бы сюда сунулся какой-нибудь ублюдок? Мы же тут как в бутылочном горлышке!

– Да ладно вам, – отмахнулся Сабж. – Кустарник непроходим, это мне уже пришлось однажды проверить. Впереди на тропе проход загораживает сонный скальпель. Так что остается только тот путь, которым мы пришли, но возвращаться, кстати, не будем. Если бы за нами поперлось что-то реально серьезное, я бы закрыл дорогу небольшим пожаром, и вы бы справились. К тому же...

– Сабж, сука, – свирепея в свою очередь, зарычал я, – почему ты только сейчас сказал нам про сонный скальпель и этот хренов кустарник?

– Ну... – Проводник растерянно пожал плечами. – Думал, что раз я иду спокойно, то и вам вроде как бояться нечего. Разве не так?

– Да пошел ты! – только и оставалось ответить мне. – Рассказывай, на хрена ты нас сюда притащил?

– Говорю же, – усмехнулся Сабж, вовсе не обидевшись, – сейчас все сами увидите. Девочки, оно того стоит.

В сгустившихся до синевы сумерках узкий коридор между зарослями кустарника и стеной дома казался еще уже. Мне на мгновение показалось, что я уловил боковым зрением какое-то движение справа, но, посмотрев туда, я ничего, кроме густой листвы, не увидел. Однако стоило мне отвернуться, как ощущение возникло снова.

– Сабж, я, кажется, что-то вижу.

– Да, – оборачиваясь ответил Сабж, – это макаби, насекомые. Но они еще не совсем проснулись, так что пока все идет нормально.

Я хотел было ответить, что не вижу в этом ничего нормального, но лицо Проводника вдруг резко выступило в темноте, наливаясь жутким голубым светом. Таким же, как тогда, когда он лечил меня от заразы, которую я подхватил с когтей серого ублюдка.

– Вы готовы к чуду, дети мои? – странным, едва узнаваемым голосом спросил Сабж.

– Если оно будет выглядеть так же хреново, как ты сейчас, то нет, – буркнула Буги.

Сабж неестественно громко расхохотался. И его смех понравился мне еще меньше, чем шевеление в кустах.

– Это уже не имеет значения, – сказал он, отсмеявшись, и положил руки на стену: – Сим-сим, откройся!

Часть стены, о которую он упирался, медленно, с тихим шорохом падающего песка распалась в пыль.

– Вауля, – устало произнес Сабж, оборачиваясь. Его лицо больше не светилося. – Добро пожаловать в чудо.

Он первым нырнул в брешь, нарушая все правила сталкеров: в норы, в пещеры, в дома, в такие вот бреши в стенах первым обязан входить боец. Но мы с Буги были настолько ошарашены увиденным, что после того, как Сабж скрылся внутри, еще стояли на улице доли секунды (которых в Эпицентре вполне хватило бы, чтобы превратить человека в бесформенный кусок мяса).

– Ты когда-нибудь такое видела? – спросил я.

– Я о таком даже не слышала, – ответила Буги и нырнула в дыру.

Я тут же почувствовал, что остался один. Это ощущение ни с чем не перепутать, разве что с чисто теоретическим представлением о том, что существует вполне определенная, физическая грань между жизнью и смертью. Так вот, я в тот момент стоял как раз на ее условном пунктире. Один в Эпицентре, по крайней мере, один человек – не жилец. Поэтому я поспешно нырнул вслед за Буги.

И тут же оказался в полной, непроницаемой темноте.

42. Меня не научили времени

Темнота пахла сыростью и затхлостью, но опасной не казалась. Это было странно, потому что постоянное ощущение опасности естественно для Эпицентра. А чувствовать себя в безопасности – необходимо. Так вот тут, в темноте, мне было спокойно. Смущала только почти незаметная, как след от вчерашней занозы, свежесть, идущая от открытого пролома в стене за спиной.

– Я ни хрена не вижу, – сказала где-то справа от меня Буги.

– Я н’рена н’ижу, – повторил над моим левым плечом незнакомый голос, шелестящий, как сыплющийся песок.

Несколько следующих мгновений я не запомнил – мое тело подчинилось набору рефлексов, вдолбленных Эпицентром в подкорку мозга. Помню только, что чувствительно ударился плечом, падая навзничь и спуская курок в сторону голоса, и вторящие мне вспышки справа – оттуда, где должна была находиться Буги. И еще как в какой-то момент истошный крик Сабжа, прорвав оболочку рефлексивного отупения, заставил меня опустить дробовик. В котором, впрочем, уже не было зарядов.

– Друг друга перестреляете, идиоты! – крикнул Сабж уже в полной тишине: Буги тоже больше не стреляла.

Мы оба не шевелились и только, затаив дыхание, водили глазами по сторонам, не в силах удержать взгляд на чем-то конкретном. Потому что тьма исчезла, словно испортая нашей пальбой. И явила то, что скрывала.

– Безумные Шляпники, – прохрипела Буги, когда в гулкой тишине перестали гулять пересыпанные песком звуки, пытавшиеся передразнить глухие шлепки наших дробовиков и вопли Сабжа.

– Изумие Япх’Ки – равнодушно пересыпался песок.

Безумные Шляпники. Я не раз слышал, что сталкеры случайно натыкались на эти странные гигантские грибницы, и всегда считал такие истории образчиками профессионального фольклора – потому что ни разу не слышал их от очевидца, а Проводники реагировали на них, посмеиваясь и пожимая плечами.

Говорили, что грибницы Безумных Шляпников встречаются только в не сильно пострадавших от бомбежек городах, где не выжжена память вещей о людях. Говорили, что этой памятью грибы и питаются, потому что там, где их видели, – питаться больше нечем. Говорили, что хотя они и грибы, но ближе людям, чем что-либо другое в Эпицентре, потому что являются метаморфозой духа человеческого общества, существовавшего когда-то

социума. Говорили, что твари Эпицентра не переносят мест, где разрастаются грибницы Безумных Шляпников, тогда как для людей такие места совершенно безопасны, а сами грибы даже пригодны в пищу. Говорили, что порой Безумные Шляпники снимаются с места и перебираются в другое, сохраняя в себе память, которая пропитывала вещи, стены, предметы и вообще все, что активно контактировало с людьми до войны. Говорили, что со временем, напившись памятью и знанием о человечестве, грибницы начинают ненавидеть людей, уходят из города и обживают карликовые деревья, превращаясь в то, что мы называем грибными пнями. Говорили, что Безумные Шляпники умеют разговаривать. Что они создают пути сквозь пространство. Что умеют показывать прошлое... Короче, об этих грибницах говорили много, часто и охотно. Но я ни во что из услышанного не верил. Как и в самих Безумных Шляпников. И не поверил бы никогда.

Если бы не увидел собственными глазами.

Наверное, раньше, до войны, здесь размещалась детская спальня. Маленькая комната с единственным, теперь полностью скрытым грибницей окном, была совершенно пуста, если не считать детской кровати и каких-то обломков мебели. Грибница заполонила три стены, потолок и часть четвертой стены, аккуратно обойдя дверной проем. Грибные шляпки, самые маленькие из которых были меньше фаланги пальца, а самые крупные, пожалуй, превышали размерами мою голову, плотно жались друг к другу, и лишь кое-где можно было различить прямые, украшенные дырчатой юбкой ножки. Они-то и испускали резковатый желтый свет, который, проходя сквозь пористое тело шляпок, смягчался и проливался наружу уютом притушенных газетой бра. Я помнил такие бра по детскому дому. Под их светом легко засыпалось.

– Чтоб я сдохла, – пробормотала Буги, усаживаясь по-турецки прямо там, где стояла.

– Ч'аб'ла, – раздалось от самой крупной шляпки слева от входа.

Я обернулся и увидел в грибнице след от моего выстрела, который прямо на глазах постепенно затягивался: разнокалиберные шляпки грибов медленно сползались, заполняя пространство бреши.

– Они и правда двигаются и разговаривают, – прохрипел я, и большой гриб тут же передразнил меня своим песочным голосом.

– Не все, – покачал головой Сабж, – говорит только материнский гриб. И не всегда. А вы в них стреляли, уроды, – с укором добавил он.

– Мы же не знали, – оправдываясь, покачала головой Буги. – Я вообще не верила, что они есть на самом деле, думала, это сказки.

– И я, – подхватил я.

Большой гриб повторял наши слова все тише, и все больше в его голосе было песка. Бреши, оставленной кучным зарядом дробы, вскоре уже не было видно. Свет начал тускнеть, но совсем не исчез.

– Они готовы, – непонятно кому сообщил Сабж. – Дамы и господа, устраивайтесь поудобнее. Сеанс начинается. Просим выключить или перевести в бесшумный режим ваши мобильные телефоны и пейджеры.

– Можно подумать, ты помнишь, что такое пейджер, – усмехнулся я, послушно опускаясь на пол. Потом подумал и улегся, подложив руки под голову. Настроение у меня стремительно поднималось, и последние остатки тревоги окончательно испарились.

По мере того как свет Безумных Шляпников становился глуше, оживление в грибнице нарастало. Шляпки грибов перемещались, менялись местами, прятались под более крупными, замирали и снова начинали двигаться. В какой-то момент я заметил, что все более или менее крупные грибы выстроились в неровные линии, сходящиеся меридианами к самому крупному, говорящему. Он тотчас вспыхнул ярко-желтым цветом, и желтизна стремительно побежала от него по шляпкам меридианов.

– Это же солнце, – прошептала Буги.

– Эж'онсэ, – едва слышно передразнил ее большой гриб.

Когда желтый свет коснулся последних шляпок меридианов, грибница на стене с

дверью посветлела, став тускло-белой, а затем ее верхняя часть окрасилась в неровные полосы синего и голубого цвета, а нижняя позеленела.

– Небо и трава, – сказал я просто потому, что мне было приятно выговаривать эти слова.

– Н'бои'ва, – повторил материнский гриб и едва заметно качнулся.

– Мать вашу, это же детский рисунок, – покачала головой Буги, – ну точно, детский рисунок!

Грибы вокруг дверного косяка тем временем снова пришли в движение, и те, что покрупнее, вытянулись диагоналями от верхних углов двери к потолку, образуя треугольник. Все оказавшиеся там грибы налились красным, и таким же цветом окрасились грибы вдоль дверного косяка. Получился дом. Дом, нарисованный детской рукой, которая медленно, с силой вжимала цветной карандаш в бумагу, отчего линия становилась то тоньше, то – там, где раскрошился грифель, – толще. Рисунок, который требует сосредоточенности более, чем все работы Пикассо вместе взятые, пусть и занимает меньше времени. Пикассо сам, став известным всему миру художником, говорил, что хотел бы научиться рисовать так, как рисуют дети.

Это зрелище одновременно и завораживало, и успокаивало. Ощущение времени оставило нас. Мы лежали на полу голова к голове, подложив руки под затылки, как еще одно изображение солнца (или радиационной опасности), и глупо улыбались. Вот на стене с окном появились изображенные разноцветными штрихами три фигуры – две побольше, одна совсем маленькая: родители и девочка, видимо, хозяйка спальни, – а на противоположной – размашисто очерченное коричневым лохматое четвероногое чудовище с красным языком.

– Бетховен, – сказал Сабж.

– Рекс, – возразил я.

– Между прочим, он размером с полдома и явно крупнее хозяина, – усмехнулась Буги.

– Какой-нибудь ньюфаундленд, – предположил Сабж.

– Или колли, – сказал я.

– Это же детский рисунок, – заметила Буги, – так что вполне может быть, что сие животное вовсе не собака, а, к примеру, хомячок, которого безумно любит девочка. У меня в детстве был такой.

– Не любит, – сказал Сабж.

– Почему?

– Потому что любила.

Эта фраза, словно тумблер, выключила движение грибницы, и она застыла в хрупкой статике, готовая в любую минуту рассыпаться, как башня из игральных карт. Мы замерли, затаив дыхание. Так прошла минута, потом другая. На первый взгляд рисунок оставался неизменным, но что-то происходило, что-то, чего мы не видели, не слышали, но ощущали. Карточный домик незаметно для человеческого глаза колебался, и было ясно, что это легкое покачивание рано или поздно разрушит конструкцию.

– Смотрите, – еле слышно проговорил Сабж.

Я оглянулся на Проводника, проследил за его взглядом и увидел, что материнский гриб уже перестал быть желтым, его шляпка постепенно меняла свой цвет, становясь тревожно-красной. Одновременно я осознал, что уже какое-то время слышу издаваемый им звук, но теперь это не было пародирование наших слов. Две ноты неторопливо чередовались: сначала одна, потом другая, потом снова первая. Звук становился все громче, из голоса (или что это было, черт побери) огромного гриба исчезал песок, он становился все чище.

– Это сирена, – понял я вдруг.

И снова грибница пришла в движение. По всему рисунку, не нарушая его, побежали волны, затем лучи солнца отделились от пульсирующего желтым и красным материнского гриба, стремительно почернели и стали разбегаться в разные стороны, по пути претерпевая метаморфозы и превращаясь в большие черные кресты.

– Самолеты! Это самолеты! – первой догадалась Буги.

Кресты медленно, обрастая все новыми чернеющими шляпками грибов и разбегаясь, пересекли стены и потолок и зависли над дверным косяком. Они стали медленно перетекать друг в друга, пока не превратились наконец в огромную черную снежинку.

– Мне страшно, – очень четко проговорил материнский гриб, обрывая сирену, и в то же мгновение все цвета померкли, а в комнате снова стало непроницаемо темно и оглушительно тихо. И в этой тишине слова раздавались так четко, что перестали быть просто звуками, становясь то частью темноты, то болью усталых мышц, то опустевшими магазинами наших дробовиков. – Меня не научили времени, я не понимаю, как это: «было». Все только есть, всегда есть: во мне, в воздухе, в камне, в стекле, в дереве – даже если я об этом забываю. Каждую минуту, каждое мгновение она говорит мне, как ей страшно, и каждую минуту я это слышу... Даже сейчас. Я умею показывать только то, что есть. Но мне все время больно, и каждый раз – все больше...

– Ты покажешь нам короткую дорогу? – спросил Сабж.

– Я ее нарисую, – ответил голос.

43. Следы

Как-то раз мы с Фрэнки брели по набережной Сены в районе площади Конкорд. Стояла ранняя осень, золотая и солнечная, скорее осколок августа, чем бабье лето. Дожди еще не портили клошару бизнес, и он старался все светлое время дня проводить на корточках с мелками в руках. Но я пообещал ему ужин и компенсацию дневного заработка. Мы только что познакомились. Я только что дочитал Оруэлла. Париж был как никогда литературен. Воздух пах типографской краской, а в изгибах улиц виделись повороты сюжетов.

Это был новый для меня Париж. Кажется, третий по счету. Ну да, точно. Первым был Париж Миллера, Париж «Черной весны», обжигающих дневников наивной шлюхи Анаис, смешного Альфреда Перле и стервы Джун. Тогда я прожил две недели в Клиши, гуляя ночами мимо тусклых окон борделей, а дни проводя с ноутбуком или с бутылкой. Позже, прочитав написанное мной тогда, Буги сказала: «Если этот фрагмент переписать и убрать Миллера, получится отличная вещь». Но я не стал переписывать, уже тогда решив, что ничего издавать не стану.

Потом был Париж Кортасара: город-метафора, период-намеки, время эстетствующего бездельника, матэ и «Галуаз». За два месяца я не написал ни слова, но прочитал больше, чем когда-либо за такой краткий отрезок времени.

Париж Оруэлла стал третьим, и, уже подъезжая к окраинам города, я знал, что найти его в одиночку мне не удастся. Требовался провожатый, гид, экскурсовод по парижской грязи. Фрэнки первым попался мне на глаза на набережной: он рисовал неподалеку от платной парковки, на которой я оставил свой ЗИС.

Напротив моста Бакалавров Фрэнки остановился и показал себе под ноги:

– Смотри.

Я послушно опустил голову. На асфальте, видимо, масляной краской, но очень давно, так что едва можно было его разглядеть, был нарисован человеческий след.

– Ну и?..

– Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Это след Черного Мадии.

– Никогда о таком не слышал.

– Слышал. Только под другим именем.

Черный Мадия был клошаром, таким же, как Фрэнки. Каждый день он шел по этой набережной в сторону речного вокзала, где ему иногда удавалось получить разовую работу. Почти десять лет он ходил здесь: утром туда, вечером обратно. Он ненавидел эту дорогу, да.

А однажды Черный Мадия исчез в неизвестном направлении, Фрэнки, по крайней мере, не знал, куда. И вернулся только через два года – на большом черном лимузине, с сигарой в

зубах, пахнувший очень дорогим одеколоном. Такие вот метаморфозы в духе античных классиков.

Черный Мадия, не дожидаясь, пока водитель откроет ему дверь, вылез из своего танка. Вслед за ним выбрался его шофер с ведром белой краски в руках. Черный Мадия обмакнул в ведро свои дорогие ботинки и сделал первый шаг. А потом прошел таким образом весь путь по набережной до речного вокзала. Зачем? А хрен его знает. Он тогда не подошел ни к одному старому знакомому, даже виду не подал, что кого-то узнает, и не бросил ни одного цента в шляпы бывших коллег.

– И правильно сделал, – сказал Фрэнки и наступил на стершийся от времени след.

– Потому что вы ненавидите тех, кто вам подает?

– Ага. И поэтому тоже.

– Значит, меня ты тоже ненавидишь?

– Нет. Ты не подаешь, ты предлагаешь работу и оплачиваешь ее.

Фрэнки так и не рассказал мне, под каким именем теперь живет Черный Мадия. Да и бог с ним, с клошаром-миллионером. Просто я вспомнил эту историю, когда в крошечной темноте вдруг стали один за другим появляться фосфоресцирующие следы на полу. Едва слышно скрипнула дверь. Потом я услышал, как кто-то рядом со мной поднялся на ноги.

– Идите по следам, – сказал невидимый Сабж, – и не отставайте. Иначе никто вас не сможет найти. На таких дорогах даже Проводники – гости.

На что это было похоже? А черт его знает, на что, мне не с чем сравнить. Я ступил на ближайший след, он тут же исчез и появился следующий – видимо, Буги или Сабж прошли прямо передо мной. Я двинулся за ними. Хотя странное беспокойство, въевшееся в подкорку, как никотин в легкие, которое не смогли вытеснить даже два года, проведенные в Самерсене, ко мне так и не вернулось, последние слова Сабжа продолжали эхом звучать в голове, и я решил, что отставать действительно не стоит. Едва я поднялся на ноги, как вернулась усталость – мне хотелось еще побыть здесь, в этом спокойном и безопасном месте, отдохнуть. Но я сделал шаг, потом другой, третий – не только потому, что остаться в гостях у Безумных Шляпников означало оказаться одному в Эпицентре. Дело в том, что с тех пор, как погасла грибная картинка, я уже не был уверен, что то место, где мы лежали в темноте, и то, куда мы пришли сквозь пролом, – одно и то же. Это было странное чувство, похожее на зуд внутри черепа, – раньше я никогда такого не ощущал.

Мы шли в крошечной темноте, следуя направлению, указанному светящимися следами. Иногда я слышал дыхание Буги впереди, однажды даже задел ее ногу своей. Несколько раз Сабж окликал нас, чтоб убедиться, что никто не отстал.

Однако так продолжалось недолго. То есть, дорога без света не прерывалась, но скоро с нами стали происходить странные вещи. Причем с каждым – позже у нас был об этом разговор.

Началось со странных вкусовых ощущений, довольно резких для меня, так что я легко мог определить, какой именно вкус чувствую. Дело в том, что у меня есть одна особенность – мне, например, трудно припомнить вкус вина, которое я не люблю (таких, собственно, и нет), но оно не вызывает у меня отвращения (а вот такие есть), но того, чего терпеть не могу, – запросто. Такая вот антипатическая память. И когда я вдруг ощутил вкус «шанди»⁹, я сразу понял, что это именно оно.

– Что за хрень? – проговорила Буги.

– Терпите, – ответил откуда-то издали Сабж, – и не сбивайтесь с дороги. Это важно.

Один вкус сменял другой, и каждый раз я морщился, потому что антипатическая память мгновенно сообщала, что вот это – камбучо, или чайный гриб, как его называют русские, а вот это – индийское печенье, названия которого я не запомнил, только вкус, напоминающий сухую приправу для соуса, посыпанную корицей... Мартини с молоком....

⁹ Пиво с лимонадом.

Убойный, грозный затяжным похмельем коктейль из самбуки и виски. Вкус плохо прожаренного, с кровавыми следами у кости куриного мяса. Шоколада без сахара. Вареного лука. Сладкий привкус рыбы по-китайски. Дешевого горького пива, которое мне как-то целый месяц пришлось пить в пригороде Берлина. Жареного мяса какой-то твари из Эпицентра, которым мы однажды чуть не отравились лет пять назад.

Отвратительный вкус всех этих блюд и напитков дико действовал мне на нервы.

– Сабж, как думаешь, ничего, если я тут закурю? – спросил я, сплюнув очередное послевкусие.

– Кури, – коротко, с какой-то натугой ответил Сабж, и его голос прозвучал совсем близко – видимо, в этот момент темный путь подсунул ему персональных тараканов.

Иногда я слышал, как полушепотом матерится Буги. Видно, ей тоже приходилось не сладко.

Я закурил одну из заранее, еще перед выходом с Нулевой, приготовленных самокруток. Первая же затяжка оборвала череду экспериментов над моими вкусовыми рецепторами. И хотя вкус табакерки оставляет желать лучшего, в тот момент он показался мне на удивление приятным.

Не могу сказать, как долго мы шли по следам Безумных Шляпников – считать минуты и часы по шагам я еще не научился. А теперь уже и не научусь. Если верить моему внутреннему ощущению времени, наше путешествие продолжалось больше двух-трех часов. Позже мы подсчитали, что оно заняло почти три дня. Странно, конечно. Но Сабж сказал нам: «Не парьтесь!» – и мы перестали об этом думать.

Когда очередная затяжка обожгла мне пальцы, я отбросил окурочек и увидел, что одинокая, стремительно уменьшающаяся оранжевая искра исчезла где-то гораздо ниже светящихся следов. Я торопливо поднял голову и сосредоточился на следующем шаге.

Нас окружала все та же кромешная темнота. Но что-то начало изменяться – казалось, тьма стала приобретать незримую текстуру. Она шевелилась где-то на границе зрения и застыла, стоило повернуть голову. Однажды, оглянувшись на это призрачное движение, я едва не сделал шаг в сторону от следов. Больше я не оглядывался, и постепенно текстура стала растворяться. Пока не исчезла совсем и не забрала с собой свои хреновы «болотные огни». Позже я спросил у Сабжа, что бы случилось, если бы кто-нибудь из нас сошел с дороги, сделав шаг мимо светящихся следов. Сабж пожал плечами и ответил, что этого никто не знает.

Он назвал происходившие с нами метаморфозы барьерами. Как в лабиринте у Железны¹⁰. Просто Шляпники не так прямолинейны и чертовски изобретательны. У каждого свой барьер, потому что у каждого свои тараканы.

Последнее испытание едва не выбило меня из колеи. Я даже почти остановился, настолько накрывшее меня чувство было четким и узнаваемым.

Никогда и никому я этого не рассказывал. Прежде всего потому, что сам не любил вспоминать ощущение огромного объема вокруг и собственное бессилие.

Когда мне впервые приснился этот кошмар, я не знаю. Кажется, он всегда существовал где-то на окраине моих снов, но мучил меня нечасто, может пару раз в год, я не считал.

Сон повторялся, как отснятая однажды и много раз прокручиваемая пленка. Яркая лунная ночь. Бескрайняя, покрытая снегом равнина. Я стою в центре этого поля и почему-то понятия не имею, в какую сторону двигаться. В какой-то момент я осознаю, что, пожалуй, нужно просто вернуться назад по собственным следам. Но, оглянувшись, вижу, что никаких следов нет. Я ниоткуда не пришел, а просто стою в центре бескрайнего снежного поля и не знаю, куда идти. А глубокое черное небо сыплет вниз холодные осколки звезд, и ему плевать на одинокую фигуру посреди ослепительной белизны.

Разумеется, в этом сне я всегда ребенок – тот, каким помню себя в детском доме. И от

¹⁰ Имеется в виду роман Роджера Железны «Девять принцев Амбера» из цикла «Хроники Амбера».

этого мне становится еще страшнее.

Сейчас, в темноте, я не увидел преследующий меня всю жизнь кошмар. Но в какой-то момент окружающая пустота вдруг наполнилось объемом, а в воздухе запахло снегом. И тогда, всего на секунду, на долю секунды я почувствовал, что стою в центре снежного поля, и кроме снега и меня, в мире больше ничего нет.

С трудом переставляя ноги, вдыхая обжигающе холодный воздух ртом (чтобы не слышать запаха снега), я дрожащими руками достал из кармана вторую самокрутку. А потом начал одну за другой ломать об коробок спички. Не знаю, что было бы со мной, если бы я так и не смог закурить.

Помню, как, затаившись, увидел впереди еще одну вспыхнувшую спичку. Понятия не имею, кто это был: может, Буги, может, Сабж, а может, кто-то еще, кого Безумные Шляпники решили провести своими дорогами. Такое случается, рассказывали сталкеры у костров, бывает, что на дорогах Безумных Шляпников можно увидеть тех, кто прошел по ним давным-давно. Даже тех, кого уже нет в живых. О Безумных Шляпниках много чего говорили.

– Все, – сказал впереди Сабж, – пришли.

Слова Проводника имели власть над темной дорогой. Нет, темнота осталась, просто наполнилась синевой, ночными запахами, извечной переключкой Эпицентра, которой я обрадовался, как старой приятельнице.

– Мы в какой-то Нулевой. Точнее скажу завтра. Да уж, ну и вымотала меня эта дорога!

В двух шагах от нас косо темнело что-то вроде гигантского гриба с удивительно ровной треугольной шляпой.

– Это что, песочница? – убитым голосом спросила Буги.

– Типа того, – кивнул Сабж. – Все, я в люльку. Если за моей душой придет дьявол, скажите ему, что абонент в настоящее время недоступен, но обязательно ему перезвонит.

Кажется, мне хватило сил улыбнуться. А потом я, видимо, уснул. Стоя.

Мне приснился еще один эпизод из прошлого. Ничего пугающего в нем не было, скорее наоборот. Я сижу с красивой девчонкой в темном полупустом зале кинотеатра Музея кино в Торонто. Здесь всегда мало народу, потому что крутят в основном старую документальную хронику. Сюда ходят специалисты. И такие, как мы. Потому что парню с девчонкой хотя бы раз в жизни нужно побыть в темном зале кинотеатра, а денег у них, как правило, нет. Это магия символов, не больше. Но символы, черт бы их побрал, – много значат для человеческого бытия, как бы хреново это на нем ни отражалось. Так вот, мне снится, что я сижу с девчонкой в темном зале. По экрану пикирует на какой-то пятнистый, похожий на разноцветное домино город нацистский юнкерс-87 «Штука», а я медленно, опасаясь девчонкиной реакции, кладу руку ей на колено. И все, ничего больше. Я тогда даже двинуть рукой боялся и все время думал о том, что у меня, наверное, вспотела ладонь, и как бы девчонка не почувствовала это сквозь чулки.

Вот что мне приснилось той ночью. Хороший сон. Нам всем в ту ночь приснились хорошие сны. Наверное, это было что-то вроде компенсации за «барьеры» темной дороги.

Кстати, у нас с той девчонкой так ничего и не было. И я, кажется, помню ее имя. Тоже, в общем-то, символ, и тоже бессмысленный.

44. Глава, которую можно пропустить

Глупо считать дату рождения началом существования. Если верить некоторым философским течениям (течения разума, которые также являются и его утечкой, что взаимосвязано), существование не поддается датировке, оно либо вообще не прекращается (как считают одни), либо конечно, но эта завершенность не имеет никакого отношения к телесной оболочке и умиранию клеток (как считают другие). Сабж как-то сказал, что начал осознавать себя еще до рождения, правда, незадолго до этого счастливого события. Точнее, осознавать ту часть самого себя, которой наделил его Эпицентр. А есть придурки, и мне

известна парочка таких, которые и к сорока годам не удосужились начать свое существование.

Я не знаю даты своего рождения. Как-то так получилось, что мои предки не удосужились проинформировать меня об этом. Когда меня обнаружили на городском вокзале, их рядом не было и в бюро находок они не обращались. Шучу: у нас не сдают подкидышей в бюро находок, их отправляют в специальные заведения – приюты. Но если вы думаете, что я держу за это обиду на своих предков – то нет, это не так. Мне, конечно, интересно было бы узнать некоторые подробности, но сама идея поиска родителей меня никогда не привлекала. Хотя в переходном возрасте я представлял себе, что моя мать – одна из наших преподавательниц, спивающаяся хипуха средних лет, которая не нашла в себе сил отправиться в *тот* последний трип и решила посвятить себя детям-сиротам. Люди склонны к идеализму. На нем, собственно, и держится человечество, а все остальное – лишь машинопись, скрип шестеренок и декадентство ржавых нацистских штурмовиков.

Единственная настоящая проблема, которую мне подарили предки, – тот снежный кошмар. Но я привык жить с ним.

...Я проснулся неожиданно. Без видимых причин, просто на какое-то мгновение сон оставил меня, и я знал, что он вернется. Я мог бы снова закрыть глаза, ведь мой организм требовал отдыха. Но вместо этого дал себе полчаса на самоидентификацию. Потому что – я понял это как-то просто, без судорог сердечной мышцы, – я наконец оказался там, в центре заснеженного поля. Я не знал, куда нас вывела тропа Безумных Шляпников, и не было следов, чтобы вернуться по ним обратно и начать путь сначала. Мы просто оказались *где-то*. Рядом были мои друзья, такие же неприкаянные, не от мира сего, сталкеры, раздолбаи, не принявшие общечеловеческой необходимости жить необходимостью и состряпавшие собственную необходимость. Но они спали, и поэтому я был в каком-то смысле один. Если бы что-то случилось, если бы нас не стало в тот момент – никто, даже самые опытные Проводники не смогли бы найти нас по следам. Потому что следов не осталось.

Это было что-то типа смерти: ты еще вроде как существуешь, но, по большому счету, уже пропал, исчез, растворился в желтой дымке утреннего смога.

Я лежал и размышлял, каково оно – существовать в зоне смерти, стоя в центре заснеженного поля. А потом подумал: какого черта! Все мы, так или иначе, находимся в зоне смерти. Для кого-то другого мы в данный момент не существуем: он не видит нас, не слышит, не чувствует хренового запаха изо рта, не думает, как бы поиметь, вообще о нас не думает. Нас для него просто нет. А что касается поля, то у всех оно свое. Каждый пунктир жизни – от точки начала к финишу – мы оказываемся в ситуации, когда уже невозможно повернуть назад, потому что просто не знаешь, где эта хренова цепочка следов, по которой ты прошел. Может, их и вовсе не было. А может, они слились с другими, были затоптаны теми, кто прошел за нами.

Так кто я такой, черт побери? Я, не способный вернуться по своим следам к началу, потому что не знаю, каково оно было, это начало, и даже даты не знаю. Если я сейчас умру, чем мгновение после смерти будет отличаться от мгновения непосредственно перед ней? Удастся ли мне заметить эту перемену в себе? А даже если и удастся, если все действительно так, если мои мысли, эти ублюдки, порожденные насильственным бодрствованием разума, – имеют какое-то отношение к правде... То получается, что нет ни смерти, ни жизни, ни существования... Есть только сам человек, блуждающий по снежным равнинам, не оставляя следов.

А потом ко мне снова пришел Джим Моррисон. Он был уже мертв, и снег не проминался под его ногами.

– Мне легче, – сказал Джим, и по тому, как тихо и с какой ленью он это сказал, я понял, что парень удолбан по самые ногти. – Мне легче, – сказал Джим. – Если бы все умели ходить по снегу и не оставлять следов, люди бы меньше парились.

– Ну и как тогда искать обратную дорогу?

– А никак. Нет разницы, вперед ты идешь или назад. Ищешь НЛЮ или толкаешь гашиш

на Красной площади. Главное – двигайся, иди, не давай себе остановиться. Тогда куда-нибудь придешь. А если так и будешь стоять, то следы, по которым ты пришел, успеет засыпать снег. Такая вот фишка, сталкер.

– Какого хрена! Я же всю жизнь куда-то иду.

– Все идут, – засмеялся Джим, – только можно просто идти, а можно идти и не останавливаться.

– Ты мне снишься, парень, я понял, ты мне снишься и грузишь, как хренов портовый грузчик из фильма «Нокдаун».

– Ага, – сказал Джим, – так оно и есть, парень. Я просто снюсь и просто тебя грузю. Правда здорово, а?

– Ну и какой в этом смысл?

– Никакого. Смысл убивает кайф, порождает деньги и убежденных девственников. А жизнь – это главный флешмоб, и когда к флеш-мобу привинчивают на хер не нужный аппендикс смысла, он теряет свою прелесть.

– Но зачем жить, если нет смысла?

– Чтобы жить, придурок. Жить, чтобы жить, – это круто. Но даже я так не умел. Дети умеют. Но детям нельзя принимать наркотики...

Дальше он понес уже полный бред, и я понял, что пора просыпаться.

45. Радиопомехи

Судя по положению солнца, мы проспали почти до полудня. И чувствовали себя соответственно – тяжелые головы на легких, как скорлупа арахиса, телах. Я позволил себе еще немного поваляться, пропуская солнечные иглы сквозь неплотно сомкнутые веки. Это было чертовски приятное ощущение.

Откуда-то слева, очень близко, чуть ли не на самое ухо, Буги медленно проговорила:

– Вчера что-то было или нет?

– Ага, – ответил Сабж.

– Что «ага»?

– Вчера что-то было. Или нет.

– Придурок.

Тут до меня дошло, что с такого расстояния голос Буги может звучать только в том случае, если ее голова лежит у меня на плече. Тело тут же подтвердило, что так оно, похоже, и есть. А потом и Сабж подтвердил.

– Я гляжу, вы снова воспылали взаимной нежностью. Больше не горите желанием перегрызть друг другу глотки?

– Между прочим, ты, Макс, храпишь, – с усмешкой в голосе сказала Буги. – А то, что моя голова оказалась у тебя на плече, ничего не значит. У меня просто затекла шея. Если бы рядом лежал Сабж, подушкой стал бы он.

– О черт! – воскликнул Сабж, и я заранее начал улыбаться, ожидая от него очередную клоунаду. – Макс, ты даже не представляешь, чего меня лишил! Ну почему ты не отполз подальше? Я же мог помазать спящую Буги за попку, а потом соврать, что это было во сне, типа, лунатизм и все такое. А руку бы мне потом вправили, ради такого-то не жалко...

– Пожрать бы, – сказал я. Глубокое, едва отливающее синевой белое небо обрушилось мне в глаза.

– Вот так всегда, – сокрушенно покачал головой Сабж, – когда люди говорят о чистом и духовном, Макс опускает их на землю.

Оглядевшись, я понял, что мы, похоже, находимся в каком-то городе. Четыре одинаковых пятиэтажки смотрели на нас черными провалами окон. Серая дымка – то ли туман, то ли низкие облака – почти скрывала их верхние этажи. Дома стояли так близко один к другому, что машинам, даже малолитражкам, между ними было не протиснуться. Но даже эти узкие проходы были перегорожены стенами из грязного белого кирпича. Точно такого

же, как тот, из которого были построены сами дома.

Это было типично для некоторых районов метрополии Нагасаки. Перенаселение, обилие смердящего автотранспорта и растущая уличная преступность – эти характерные черты всех мегаполисов и просто крупных городов – заставляли население таких вот домов сооружать своеобразные внутренние крепости. Там, как правило, устраивали детские площадки. Собственно, на одной из них мы и находились. Забавно: Безумные Шляпники, показав нам диафильм с детскими рисунками, привели нас напрямик на детскую площадку.

Полунатив в свое удовольствие по периметру двора (это была одна из самых больших Нулевых, какие мне приходилось видеть), Сабж уверенно сказал:

– Мы в Синем круге. Где конкретно, не знаю. Что-то все время мешает мне сосредоточиться.

– В Синем у Проводников всегда проблемы с ориентированием, – кивнула Буги.

– Но не такие, и не у меня. Наверное, какая-то остаточная реакция после грибной дороги. У меня всегда после грибов проблемные отходняки были, – усмехнулся Сабж, а потом поморщился: – Не знаю. Никогда такого не видел.

– Что, так хреново? – спросил я.

– Да не то чтобы хреново. Просто как-то неуверенно себя чувствую. Думаю, через какое-то время все восстановится.

– Через какое? – Тон Буги изменился. Меня всегда удивляла ее способность мгновенно переключаться на деловую, рациональную ноту.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Сабж. – Иметь дело с Безумными Шляпниками – это как... играть в пинбол. Никогда толком не знаешь, куда тебя отбросит.

– То есть ты не можешь нас вести, я правильно поняла?

– Нет. Не совсем. Черт, я не знаю, Буги. Я чувствую Эпицентр, но как будто через помехи. И есть еще кое-что, только я пока не разобрался, что именно. Короче, мне нужно время.

Буги пристально посмотрела на Сабжа. Я бы не хотел в тот момент оказаться на его месте. Это был тот же самый взгляд, каким она наградила меня после промаха в бою с серыми ублюдками. Так фермер смотрит на споткнувшуюся лошадь – словно размышляя, стоит ли сделать вид, что ничего не произошло, или лошадь постарела, больше не справляется и проще ее пристрелить. Я видел, как неуютно Сабжу под этим взглядом, и знал, что сейчас вертится у него в голове. Наконец Буги тряхнула своей буйной шевелюрой и решительно произнесла:

– День, Сабж. Ровно один день. Только если завтра будет то же самое... не вздумай врать! Я не хочу сдохнуть раньше времени.

От детской площадки только и осталось, что эта песочница да деревянный гриб над ней. Кое-где виднелись синие пятна. Наверное, там раньше стояли качели или еще что-то в этом духе. Мы старались обходить такие пятна стороной, и я невольно подумал, что вчера, в темноте, когда нас сюда вывели Шляпники, мы вполне могли в них вляпаться. Лениво обмозговав эту мысль, я решил, что смысла париться нет – ведь не вляпались же, правильно?

Сабж мерил шагами периметр Нулевой, изредка застывая на месте с закрытыми глазами. Понятия не имею, что творилось сейчас у него в голове. Да и что вообще происходит в мозгу у Проводника? В моем представлении все сводится к банальной картинке авиарадара –

зеленый круг, по которому бежит радиальный курсор и, напарываясь на какой-то объект, дает вспышку. Но когда я рассказал это Сабжу, он рассмеялся и обозвал меня кретином.

Буги большую часть дня провалялась на земле с травинкой в зубах. Она не трогала Сабжа, и вообще непохоже было, что ее что-то реально парит. А ведь не парить не могло. Это трип с самого начала пошел кувырком, и только странное везение вытаскивало наши задницы до сих пор. То я облажался в бою с серыми ублюдками, то нас занесло точняк под Волну, то теперь с Сабжем происходило что-то непонятное. Но Буги – охренительно сильная

девчонка. Поэтому она лежала на матрасе, лениво жевала травинку и никого не напрягала.

Гулкую тишину колодца изредка нарушали доносящиеся снаружи звуки. Но не привычные для Эпицентра, а нелепо механические, совершенно не характерные: скрип железа об железо, удары, звон рассыпающегося стекла, гулкие хлопки взрывающихся баллонов. И хотя все это нечасто прерывало тишину двора, каждый раз мы обеспокоенно оглядывались. Привыкнуть к тому, что происходит в Синем круге, невозможно. Сталкеры стараются как можно скорее преодолеть этот этап трипа, по возможности там не задерживаясь. Вот только на нашу беду Сабж, как я понял, плохо представлял, в каком конкретно месте Синего круга мы находимся.

Наконец, когда солнце, зацепившись на мгновение за крышу одного из домов, начало стремительно скатываться вниз, Буги лениво потянулась, встала и подошла к Проводнику.

– Ну, что?

Сабж скривил губы и пожал плечами:

– В принципе, нормально. Но... не так, как раньше.

– Сабж, – Буги говорила, опустив голову и уперев подбородок в грудь, – я на тебя не наезжаю и ни в чем не виню. Но если ты знал про этот пинбол, на хрена потащил нас к Шляпникам?

– Да я понятия не имел, что это как-то на меня повлияет. Раньше такого не происходило. Правда, я и ходил-то этим путем всего три раза, считая этот.

Сабж выглядел очень неуверенным, и мне стало ясно, что на самом деле все вовсе не нормально. Я снова вспомнил, как чувствовал себя после того боя с серыми ублюдками.

– Эй, Буги, может, стоит еще подождать? Ну, какая разница, на один день мы опоздаем или на два? Случались и более конкретные задержки. А мы неплохо срезали путь с помощью Шляпников.

– Я не против, – пожала плечами Буги, – я же говорю, что не наезжаю. Но отец сказал, что груз нужно доставить ему как можно скорее. Что это важно. Сабж, а как насчет тварей? Ты их чувствуешь?

– Да... Да, чувствую, но хреново. Не могу определить, где кто. Разве что размеры.

– А направление?

– По-моему, да.

– Что значит «по-моему»? – нахмурилась Буги. – Чувствуешь или нет?

– Да, только... Такое ощущение... Короче, раньше все было по-другому.

– Сабж, – теперь Буги смотрела прямо в глаза Проводнику, и он заметно стушевался под этим взглядом. – Что. Значит. Раньше. Было. По-другому? – выделяя каждое слово, переспросила она. – Ты понимаешь, что мне нужен конкретный ответ, парень? Объясни, не крути.

– Ну... Понимаешь, раньше была только одна Территория Штиля, и, где бы я ни был, я всегда чувствовал все пути, ведущие туда. Как арабы всегда знают, в какой стороне мечеть.

– Это байка, – вставил я.

– Макс, не суйся, – оборвала меня Буги.

– По хрену, – сказал Сабж и смешно мотнул головой. Вот только смеяться почему-то не хотелось. – Я чувствовал это, причем не только в Эпицентре. Меня как будто тянуло туда, понимаете? И теперь все вроде так же, только... как будто появилась еще одна точка. И у меня такое ощущение, что попасть туда так же важно, как добраться к Полковнику. Но я пока не могу определить, что это за точка и где она находится. Вообще не понимаю толком, есть ли она на самом деле, или это что-то вроде бельма на глазу.

– Я не поняла. – Буги уселась на бортик песочницы и внимательно смотрела на Сабжа снизу вверх. – Ты хочешь сказать, что появилась еще одна Территория Штиля?

– Нет, это точно не зона штиля. Я не знаю наверняка, что это, но только не зона штиля. Мне все время кажется, что я вот-вот разгляжу, что там, но эти помехи мешают. И я... – Сабж вдруг замолк, и вид у него был такой, как будто он сболтнул что-то лишнее.

– Сабж... – Буги так посмотрела на Проводника, что даже у меня побежали мурашки по

спине.

– Ну, я ведь точно ничего не знаю, – пожал плечами Сабж, – я только знаю, что Шляпники никогда и никому не причиняли вреда.

– Сабж!

– Слушай, ну что ты ко мне прицепилась?!

– А то, что если ты что-то недоговариваешь и это что-то реально тебя парит, значит, я не могу вести группу дальше, я вообще ее на хрен никуда вести не могу!!! Ни вперед, ни назад!

Сабж долго смотрел на нее, и я не знаю, чего больше было в его взгляде – злости или страха.

– Я думаю, – отмолчавшись, сказал он, – что эти две точки назначения, Территория Штиля и эта новая, они как бы мешают друг другу, потому и появились помехи. Как между двумя источниками радиосигналов. И я не уверен, что сумею от этого легко отделаться. Вообще не думаю, что сумею.

– Ты же сказал, что со временем все пройдет.

– Возможно, я смогу привыкнуть и научусь с этим справляться. Я уже теперь кое-что понял и начал приспосабливаться. Я знаю, где мы находимся, и смогу довести вас до Территории Штиля. Я доведу вас, сестренка...

Буги долго молчала, глядя в сторону, потом кивнула и сказала:

– Тебе придется нас довести. А если мы дойдем и больше не будем нужны отцу, я пойду с тобой к этой новой точке.

Сабж некоторое время настороженно смотрел на Буги, потом пожал плечами и сказал:

– Если она вообще есть.

– Если она вообще есть, – согласилась Буги.

46. Не оставляя следов

Той ночью кошмар вернулся ко мне. Так часто этого никогда не случалось. Возможно, сказывался длительный перерыв в трипах. А может, это было связано с дорогой Безумных Шляпников. Не знаю.

Я опять стоял посреди бескрайнего заснеженного поля пацаном, каким помнил себя с детдомовских времен. И снова, оглянувшись, я не увидел следов, и знакомый страх холодными лапами сжал мне голову. Но в этот раз было что-то еще, что-то, что заботило меня куда больше, чем опасность остаться на этом поле навсегда. Какое-то свербящее воспоминание, заноза в памяти, смутный образ.

А потом я вспомнил обдолбанного вокалиста «The Doors». В то же мгновение снег перестал валить с неба и теперь только змеился над настом легкой поземкой. От этого мир стал еще более пустым, чужим и холодным. Но я с силой выдернул ногу из снега и поставил на наст. Потом медленно перенес на нее тяжесть тела и вытащил вторую ногу. Некоторое время приходил в себя, внимательно прислушиваясь к тому, как ведет себя снег у меня под ногами. Ничего не изменилось. Тогда я сделал первый шаг, потом второй, третий – снег держал мое мальчишеское тело, я не проваливался. И я пошел быстрее, стараясь держать направление. Потом перешел с быстрого шага на бег. Постепенно, по мере удаления от того места, где одиноко темнели в снегу два моих следа, я вырослел, становясь тем, кем был теперь. Что-то должно было произойти там, впереди. Что-то, к чему я непременно приду, если не собьюсь с пути...

– Макс! Макс, твою мать! Вставай, с Сабжем какая-то херня творится!

Я подскочил, рефлекторно нащупывая дробовик. Было еще темно, и слегка помятая, как старый шарик от пинг-понга, луна упиралась круглым боком в скат крыши одного из домов. Что-то было неправильно в этой темноте, что-то существенное изменилось. Хлопая глазами, я огляделся.

На самом краю площадки, там, где между домами стоял кирпичный забор, возились

Буги и Сабж. При этом все тело Проводника излучало пугающий голубой свет, как будто он проглотил целый лоток елочных гирлянд. И Буги, сильная Буги, которой сам черт не брат, которая могла уложить полбара здоровенных мужиков-байкеров, явно сдавала под натиском тощего слабого Сабжа, который всегда чаще получал в морду, чем успевал дотянуться до чужой. Буги мертвым грузом висела у него на плечах, молотя коленями и свободной рукой куда придется. Иногда ей удавалось сбить его с ног, но каждый раз Сабж снова поднимался и, не обращая внимания на ее удары, делал еще несколько шагов к забору.

– Макс, твою мать! Помоги мне! – крикнула Буги, когда он снова поднялся с земли.

А Сабж без видимых усилий стряхнул ее со своих плеч и сделал рывок к забору. Одним прыжком он вскинул свое тщедушное тело вверх и вцепился руками в кирпичи. Буги успела схватить его за лодыжки, но он, словно не заметив дополнительного груза, стал медленно подтягиваться.

Страхнув оцепенение, я бросился к забору. И успел как раз в тот момент, когда Сабж оттолкнул Буги ударом ноги. И она, та самая Буги, которую однажды на моих глазах безрезультатно пытались вырубить бутылкой скотча по голове, упала тряпичной куклой на землю и застыла там.

Совершив самый дикий прыжок в своей жизни, я дотянулся до ремня на брюках Сабжа. Воспользовавшись этим сомнительным рычагом, я уперся ногами в стену и сдернул светящегося Проводника со стены.

А вот потом порядок мироздания и логика бытия перевернулись с ног на голову. В прямом смысле. Схватив мою левую ногу, Сабж легко, словно деревянного Буратино, поднял меня вверх, размахнулся и отправил в свободный полет над площадкой. Полет был недолгим. Судя по количеству песка на зубах, я приземлился прямиком в песочницу.

Запустить человеком в 120 килограммов весом на пять с лишним метров я не смог бы и в лучшие годы. И тем более представить, что на такое способен тощий и слабосильный Сабж. Но, сплевывая песок и пытаясь восстановить ориентацию в пространстве, вынужден был признать, что, видимо, при определенных условиях возможно все. В том числе и мой приятель Сабж в роли техасского рейнджера.

Пока я принимал песочные ванны, Буги успела прийти в себя, встряхнулась и снова вцепилась в рубашку Сабжу, который значительно продвинулся в штурме кирпичного забора. Выкрикнув пару самых вычурных словосочетаний из репертуара знакомого докера, я бросился ей на помощь. И едва успел пригнуться, когда гибкое тело железной леди, словно бита для игры в городки, пронеслось мимо меня в воздухе и приземлилось точно туда же, куда только что упал я сам. Такая исключительная точность попадания наводила на мысль о том, что наш просветленный приятель питает какие-то нежные чувства к детским песочницам.

Избавившись от лишнего груза, Сабж одним махом закинул свое тело на забор и спрыгнул с другой стороны.

– Твою мать! – выкрикнула Буги, взлетая за ним следом лишь на мгновение позже меня. Светящийся в темноте, словно неоновая вывеска, Сабж неся по зажатой между однотипных пятиэтажек улице. – Если мы его потеряем, нам конец, – рявкнула Буги и, как лучший из аэропланов Джефферсона, спикировала вниз. Я не заставил себя ждать.

Оказаться без оружия ночью в Эпицентре было не самой лучшей идеей. Это черт побери, была одна из самых хреновых идей дочки Полковника. Но только поэтому, именно благодаря этому нам повезло и мы выжили. Парадокс – территория людей, и в спринте по миру беспорядка нам нет и не будет равных.

Кадры незнакомого города летели нам навстречу, как бумажные тарелки в клипе «Блер»: деревянные столбы с лианами синих проводов, беззубые оскалы окон, сорванные с петель двери, десятки синих машин, замерших в ожидании солнца, выбоины в асфальте, безупречно чистое, на удивление целое стекло витрины с надписью на английском и японском «His master's voice».

Той ночью я увидел, как оживает темнота, а Эпицентр откликается на зов Проводника.

Из каждой щели, из каждого окна, из каждого темного угла улицы выползали ночные твари Синего круга. Они то сливались с темнотой, то вновь заставляли ее двигаться. Они спускались вниз со стен домов и покосившихся фонарных столбов, вылезали из-под асфальта через отверстия канализационных люков, выскакивали из темных провалов окон. Это началось так внезапно и так *сразу*, что когда мы с Буги осознали, что они повсюду, было уже поздно. Я точно помню, как болезненно дало сбой мое сердце, физически ощутив давление финишной ленты на ребра.

Но еще страшнее стало, когда оказалось, что твари не обращают на нас никакого внимания. Им было плевать и на нас и друг на друга. В другое время здесь уже началась бы бойня, все живое слилось бы в едином стремлении рвать, грызть, давить, травить, дробить – одним словом, уничтожать. Лишь единицам удалось бы выжить в этой бойне, и у нас – безоружных, окруженных, перепуганных насмерть – не было шансов войти в их число. Но, словно крысы, зачарованные флейтой Нильса, уродливые порождения Эпицентра (который сам был уродливым порождением человека), твари двигались рядом с нами, не обращая на нас никакого внимания. Их взгляды были прикованы к по-прежнему излучающему ледяной синий свет Проводнику, который тем временем перешел на неторопливый шаг.

Никогда в жизни я так не боялся, а теперь уже и не испугаюсь. Буги с посеревшим лицом шла рядом, схватив меня за руку. Мою левую ногу то и дело задевало крысopodobное создание с гривой ярко-красных волос вдоль хребта, которое едва ли уступало размерами английскому догу. Никогда раньше не видел таких. Впереди маячило три шерстяных шара, издававших леденящее кровь шипение. Даже не представляю, что это было. Справа от Буги перебирал лапами огромный паук клубок, о котором я до сих пор только слышал. И кто-то еще шел за нами, но я не оглядывался, я только механически переставлял ноги, мысленно уговаривая свое стучащее с переборами сердце делать удар за ударом. Десятки тел, слившихся в единое змеящееся тело темноты, отделяли нас от Сабжа. Мы не могли остановиться, не могли свернуть, не могли проснуться, не могли приблизиться к Проводнику. Мы могли только идти в этом стаде, став частью общей тьмы, потому что казалось, весь Эпицентр медленно плелся по этой улице. И если бы мы остановились, нас просто затоптали бы на хрен: без злобы и ярости, вообще без всяких эмоций, просто потому, что мы оказались на пути.

А тьма между тем все наращивала свое тело. Сотнями тварей она выбиралась на растрескавшийся асфальт дороги, ползла по стенам домов, перелетала от одной крыши к другой.

И в центре этого крестового похода смерти шли два донельзя перепуганных человека.

Знаю, что в этом описании не хватает силы, что оно не передает истинного ужаса, от которого шевелились волоски на наших руках и ногах. Черт побери, у меня, похоже, слишком мало опыта и совсем уж недостаточно таланта, чтобы передать, что чувствует человек, идя по темной улице совершенно безлюдного города бок о бок с самыми уродливыми и самыми опасными созданиями, какие только можно – или даже невысказанно – вообразить. Еще страшнее становилось оттого, что фонарные столбы вдоль дороги периодически издавали глухой металлический звук, когда то одно, то другое тело билось об них, притираемое толпой хищников. Фонари эти, естественно, не горели, только еле заметно светилась на них синяя ржавчина. И еще иногда что-то вспыхивало, отражаясь в остатках оконных стекол. У меня в голове тогда все смешалось. То, что там бродило, рикошетом отлетая от гулких стенок черепа, сталкиваясь друг с другом и отскакивая обратно – не задевая только исправно выполняющий свои функции мозжечок, – нельзя назвать мыслями. Как нельзя назвать настоящим солнечным светом отражение от зеркала на полу. Я то вцеплялся в какую-то недомысль, стараясь удержать ее в своей голове, то снова терял – только чтобы не думать о происходящем: не быть в нем и не бояться я не мог, но старался об этом не думать. Так, в какой-то момент я начал старательно размышлять о том, что же на хрен могли отражать осколки стекол в оконных проемах. Ну не солнце же, правда? Однако, когда я заставил себя осмотреться, оказалось, что так оно и есть. Похожее на раскаленный

конфорочный блин электроплиты светило медленно таранило пока еще ночную синеву, выбираясь на отведенное Богом и законами астрономии место. Подумав об этом, я прокрутил в голове словосочетание «место под солнцем» и старательно вцепился в него. Какое может быть место под солнцем у Солнца? Оно же само солнце, оно же не может быть под самим собой. Место, где солнце... Но так же не говорят, правильно? Так точно не говорят. Или я не прав?

А Солнцу было глубоко наплевать на то, что я о нем думал и как называется то место, куда оно протискивалось меж медленно отступающих сумерек. Начинался новый день. И этот новый день мы с Буги встречали с пустыми руками, окруженные со всех сторон... смертью. Но самое главное, самое страшное – смерть была не только вокруг, она уже прокралась в нас самих: страхом, парализованной волей, безнадежностью. Потому что мы по опыту всей своей жизни, прочерченной пунктирами трипов, знали: положение, в котором мы сейчас оказались, – хуже всего, что может случиться с человеком в Эпицентре. Неважно, есть у него какой-то опыт или нет, хороший он боец или рохля, ни на что не способная тварь дрожащая или полубог. Все это ни хрена не меняет. Он по-любому труп, хотя пока еще переставляет ноги и даже пытается размышлять на такие темы, как «место под солнцем» и «место, где солнце». Нет никакой разницы и нет никакого другого варианта исхода. И, наверное, в тот момент, когда солнце окончательно, во весь свой блин выбралось из-за щербатого горизонта, я понял это окончательно и бесповоротно. И именно в тот момент...

...Сабж вывел свое «крысиное» войско на какую-то огромную площадь. Наверное, раньше она была окружена высоким забором, от которого теперь остались только поваленные бетонные плиты и множество ярко-синих пятен. На этой площади Сабж остановился. И все стадо, слепо шедшее за ним, замерло в ожидании, по-прежнему безразличное ко всему. И тогда Сабж впервые оглянулся. Он прошелся равнодушным, пустым взглядом по монстрам и наткнулся наконец на нас. Монстры тем временем смиренно стояли, глядя на Проводника. Никто не пытался перегрызть глотку соседу, никто даже не шевелился. Они просто ждали, и это было охренеть как страшно. Наверное, что-то во мне в конце концов сломалось, а может, наоборот, проснулось, тут сам черт не разберет, но тупое оцепенение постепенно отпустило меня, оставив один на один с осознанным ужасом. Но теперь, по крайней мере, я уже мог хоть что-то сделать.

Прежде всего я оглянулся. Не потому, что в этом был какой-то смысл – моя голова сама повернулась, потянув за собой плечи. Нет, никаких вариантов отступления, ни одного маломальского промежутка в рядах этой многотелесной массы не было. *Не было дорожки следов, по которой я мог бы вернуться, вынырнуть из этого кошмара. Если только не попытаться идти по снегу, не оставляя следов.*

– Буги, – сказал я как можно тише и подумал, что она, наверное, не услышит меня, потому что со всех сторон мощные легкие раздували грудины, топырили ноздри, заставляли с шумом выплевывать отработанный кислород. Вся площадь наполнилась этими звуками, и мой голос прозвучал, как жалкая китайская подделка под настоящий звук, как будто кто-то нажал на клавишу детского пианино рядом с настоящим инструментом. И все же я сжал нервы в кулак и продолжил: – Буги, надо что-то делать. Сейчас все это хреново наваждение исчезнет, и тут начнется натуральная бойня. Мы окажемся непосредственно внутри Волны.

– А что мы можем сделать, Макс? Мы в жопе, в самой натуральной жопе, и нам отсюда не выбраться... – дрожащим голосом, в котором звучали явные нотки истерики, ответила Буги.

– Надо выбираться. Смотри, им всем все по хрену, они только на Сабжа реагируют. Давай попробуем добраться вон до тех домов. Пока есть такая возможность, давай попробуем...

– Как?! Прямо по ним? Ты рехнулся, Макс? Ты, мать твою, понимаешь, что несешь? А если они сразу очнутся? Ты представляешь, что тут начнется?

– Рано или поздно это все равно начнется. Буги, хрен знает, что такое творит Сабж, но когда здесь начнется месилово, я предпочитаю оказаться хотя бы вон за теми стенами.

И я мотнул головой в сторону бетонных коробок, похожих на огромные склады. В этих зданиях не было окон, только огромные провалы, которые некогда, видимо, были закрыты большими железными воротами. Если бы нам удалось оказаться там к началу рагнарека, у нас появился бы пусть мизерный, но шанс выжить. Это все, на что приходилось рассчитывать. Но между этим шансом и нами были пасти, клыки, шипы и еще бог знает что.

– Мне кажется, сейчас им по хрену все, кроме Сабжа. Мы должны рискнуть, Буги.

– Я не смогу, – спокойно возразила Буги, и я понял, что она уже смирилась перед непреодолимой силой природы.

В тот момент мне было не до уговоров: что-то такое пронеслось в моей голове, и я молча развернулся, сцепил зубы и двинул кулаком Буги в висок. Она мешком повалилась прямо на стоящих за нею монстров. А те даже не шелохнулись, продолжая тупо смотреть на равнодушного Проводника. Тогда я схватил тело Буги, вскинул его на плечи и, старательно не глядя себе под ноги, влез на первую попавшуюся спину. Никакой реакции. Я сделал еще шаг – едва не поскользнувшись на чем-то гладком, – потом еще и еще. Сколько было этих шагов, я не знаю. И чего мне стоило не смотреть вниз, тоже не знаю. Когда я оказался внутри складского здания и понял, что под моими ногами бетон, по ним побежала горячая струя. Я обмочился, обмочился от страха перед тем, что уже сделал. Ну да и хрен с ним, лучше быть живым и с мокрыми штанами, чем просто мертвым.

47. Смазанные кадры

А что было потом? Что же, мать вашу, было потом? Какой неопытный фотограф дрожащими руками пытался вбить в матрицу своего фотоаппарата *то, что было потом*? И не смог: только смазанные кадры, только какие-то полосы света, повторяющие движения его рук... А может, все не так, может, фотограф был как раз опытный, а вся эта смазанность – намеренной, может, это, вашу мать, такой художественный прием, весь смысл которого – спасти вскипающий мозг обмочившегося от страха человека?

Но нет, нет, ни хрена, кое-что я все-таки запомнил. Например, огромное бревно, приставленное по диагонали к балкону, и разрушенную лестницу, ведущую туда же. Я помню, как, не выпуская из рук тела Буги, ползу по этому бревну вверх, а там, за стенами, тем временем начинает наливаться злобой равномерный шум. Да, там что-то оживало. Уж не смерть ли вышла наконец из-под гипноза Сабжа? Помню, как, свалив безжизненное тело Буги на пол балкона, я упираюсь в бревно и, напрягая все силы, пытаюсь столкнуть его с ребра бетонной плиты, и оно падает, и в тот же миг падает какая-то планка, и все вокруг взрывается воем, ревом и визгом тысячи глоток. Но кроме этого, я услышал и еще кое-что, что в Эпицентре услышать нельзя, невозможно, нереально, – звуки рвущейся ткани, какие может издавать только огнестрельное оружие. Причем скорострельное. «Пулеметы, это же пулеметы, мать твою, – подумал я, сползая спиной по бетону стены. – Откуда здесь пулеметы? Это же Эпицентр. Или я опять ни хрена не понимаю? То есть я действительно ни хрена не понимаю, но откуда тут пулеметы? Они же из стали, а ничего металлического в Эпицентре не может быть...»

Кровавая масса с истошным визгом влетела в широкие ворота. Это я тоже помню. Она шевелилась, то разделяясь на части, то снова сцепляясь и брызжа во все стороны плевками крови и ошметками ярко-красного мяса. Периодически в эту массу снаружи влетало еще какое-нибудь тело. А я стоял над всем этим на высоте метров пяти-шести и пытался рассмотреть, кто там с кем сцепился. Это было очень важно, потому что надо было понять, какое из множества катающихся в агонии на полу тел обладает достаточной прыгучестью, чтобы преодолеть эти пять-шесть метров. Не помню, смог я что-то разобрать или нет. Зато помню, как сверху прямо в меня вдруг ударил луч света, и когда я сгруппировался, отскочил в сторону и выставил вперед руки, то увидел на фоне показавшегося мне чертовски ослепительным неба знакомый силуэт, уже не излучающий пугающего синего сияния. Потом сверху съехала кривая приставная лестница. Деревянная, само собой.

– Макс, Буги, вы тут? – Голос Сабжа было трудно узнать – так, наверное, мог говорить труп, которого только что откопали из могилы и наскоро оживили. – Лезьте сюда скорее, надо выбираться из этой задницы.

Вообще-то мне очень хотелось дотянуться до него и искрошить в муку. Но я этого не сделал. Не знаю, почему. Я снова вскинул на плечо все еще не пришедшую в себя Буги и поволок ее наверх, гадая про себя, выдержит ли ветхая лестница наши два тела или нет? Она выдержала.

48. Чудеса риторики

– На самом деле это я сейчас так думаю, а тогда... Ну, блин, я же говорю, со мной такого никогда не случалось. Я вам, джентльмены, больше скажу: такого вообще ни с кем не случалось, иначе я бы хоть краем уха об этом услышал. Ну, короче... Да как сказать-то, мать вашу? Я вроде бы и понимал все, и даже вас там увидел, но ни хрена не чувствовал, вообще ни хрена. Мозг обрабатывал информацию, но решения принимал не я. Просто я знал, *что* надо сделать, и делал это.

Теплый влажный ветер свободно гулял в полуразвалившейся кирпичной будке стрелочника. Самих путей уже давно не было, остались только почему-то собранные в кучи гнилые остатки шпал. Ветер скрипел покосившимися балками и несколькими держащимися на честном слове досками, оставшимися от того, что когда-то было крышей будки. Все это грозило в любой момент рухнуть нам на головы. Конечно, мы могли бы расположиться в любом другом месте этой новорожденной Нулевой. (Даже Сабж, узнав о ней, удивился.) Но казавшийся теплым там, снаружи, ветер довольно быстро заставил нас продрогнуть. Поэтому мы осторожно, стараясь не делать резких движений, забрались в кирпичную развалюху и расселись по углам, с опаской поглядывая на остатки крыши.

Буги сидела слева от меня, и мне был отлично видна правая часть ее лица, где от виска к скуле шла покрытая коркой спекшейся крови ссадина. Если бы я получил удар, каким сам наградил Буги там, на площади, то моя голова наверняка приняла бы такую форму, что ею можно было бы смело играть в американский футбол. Но Буги была Железной девой, Турбобабой, Пуленепробиваемой сукой, и от моего удара у нее осталась всего лишь ссадина. И я, в очередной раз за годы нашего знакомства, не смог удержать вздоха восхищения и зависти.

– Откуда ты узнал про эту законсервированную базу? – спросила Буги у Сабжа.

Он уже пришел в себя и больше не напоминал привидение, которое я обнаружил, взобравшись с Буги на плечах по приставной лестнице на крышу склада. Правда, наш Проводник немного осунулся: под глазами у него залегли синяки и во взгляде порой сквозило что-то странное. Но в остальном это снова был тот Сабж, которого мы с Буги отлично знали. А от того, с которым познакомились двое суток назад во время ночной прогулки с тварями Эпицентра, почти ничего не осталось.

– А я про нее и не знал, – пожал плечами Сабж. – Вернее, узнал, только вскрыв ее, когда начали лупить пулеметы.

Все оказалось просто. Пройдя по спирали спускавшихся к окраине города улиц, Сабж собрал достаточно большое «крысиное» войско. А потом вышел на площадь.

– Я уже тогда знал, *что* мне надо сделать, причем срочно, как можно скорее. Но... Знаете, в какой бы отключке я ни был, что-то мне мешало. Как будто чесалось вот тут, – Сабж комично постучал себя ладонью по затылку. – И тогда я оглянулся. А там – вы. Надо было как-то дать вам знать, чтобы вы выбирались, потому что я, а вернее ни хрена не я, но все равно вроде как я... Ну короче, я собирался создать что-то типа искусственной Волны, такой, какую вызывает Вызывающий, но... Вот, блин, не знаю, как это описать. Я почему-то ни хрена не мог вам сказать и только смотрел. Но потом увидел, как Макс вырубил тебя... Ну, в общем, ты же сама все знаешь...

– Ни хрена я не знаю, – упрямо качнула головой Буги. – Иначе сломала бы ему руку

раньше, чем он дотянулся до меня.

– Между прочим, – заметил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно, – я вроде как спас одной истеричной стерве шкуру. Или я ошибаюсь?

– Что-то не помню, чтобы я тебя об этом просила, – огрызнулась Буги, и я вдруг понял, что дело вовсе не в ее неблагодарности – ей просто в лом признать, что Великую и Ужасную Буги кто-то пер на плече, как мешок с дерьмом, потому что она перепугалась до смерти.

– Ах, ну да, – кивнул я, – точно, не просила. В следующий раз оставлю тебя там, где ты попросишь, и буду спокойно наблюдать, как ты голыми руками укладываешь в штабеля местных ублюдков. Мастер-класс, кажется, так это называется?

– Да пошел ты.

– Эй, вы меня слушаете или где? – вклинился в нашу перебранку Сабж. – Это же интересно! Короче... Потом я вдруг увидел, что Макс взял тебя за... на руки, и аки Иисус по воде, побрел по спинам и головам собравшегося на площади недоброго народца. Причем, кажется, даже под ноги не смотрел.

– Не смотрел, – кивнул я, – боялся раньше времени штаны испачкать.

– Ничего, ты потом это наверстал. Молчу-молчу... Так вот, когда вы скрылись из виду, у меня как будто сгорел предохранитель. Я не очень хорошо помню, что делал. В общем, если раскинуть мозгами... Получается, что именно в этом заштатном городишке правительство Нагасаки соорудило что-то вроде бункера. Ну, как у Гитлера. На тот случай, если придется уйти в подполье. А может, такие бункеры по всем городам Эпицентра напиханы, не знаю. Только он – Эпицентр, а не Гитлер – их не чувствовал, вернее... Ну, может и чувствовал, но воспринимал как что-то не особенно опасное, там же все было укрыто бетонными плитами толщиной... ну, я не знаю, метра в три-то точно, причем в два слоя, а между ними – прослойка из песка. Так вот, я эти плиты вскрыл. Точно не помню, как, но вскрыл. И, между прочим, подбросил вверх метров этак на десять. Это было круто, жалко, вы не видели... Я плохо рассказываю, да?

– Точно, – ехидно поддакнула Буги, – ты сегодня просто поражаешь нас чудесами риторики.

– Спасибо, я знал, что рано или поздно вы меня оцените. – Сабж вскочил на ноги и начал было клоунату с поклонами и расшаркиванием, но тут остатки крыши над нашими головами с новой силой закрипели, и он тут же торопливо вернулся на свое место.

– Главное – плиты легли так, что между ними можно было пройти не зафиксированными датчиками движения пулеметов. А потом я каким-то образом оказался на крыше этой бетонной коробки...

– Ты мне вот что скажи, Сабж, – решил я задать вопрос, который не давал мне покоя, – если все было так просто: и бункер ты вскрыл, и плиты так удачно подогнал... ну на хрена тебе весь этот зубастый парад понадобился?

– Да понимаешь... – Сабж неуверенно пожал плечами, – я, честно говоря, и сам не знаю. Но думаю... Думаю, что вся эта сила... ну, с помощью которой я фейерверки устраивал... Она вроде как от них и шла, от этих тварей.

– Ни хрена себе подпиточка.

* * *

Сабж вытащил нас из Синего круга, да так, что на это ушло чуть ли не в три раза меньше времени, чем обычно. Из бункера все тем же бетонным коридором вела узкоколейная железная дорога. Что-то вроде метро спецназначения. И электропоезд с автономным питанием оказался не только на своем месте, но и вполне жизнеспособен. По крайней мере, он провез нас под всей территорией Синего круга и испустил дух далеко от места искусственной Волны, устроенной Сабжем. Потом мы долго плутали какими-то лабиринтами, пока не выбрались туда, где теоретически должна была быть Нулевая. Но она «заросла». Хорошо еще, что тайник остался на месте и мы смогли обзавестись оружием.

Потом был похожий на бред рейд через джунгли, причем Сабж еле тащился, то и дело падая и норовя потерять сознание. Все это продолжалось, наверное, час или чуть больше, хотя мне показалось, что целую вечность. В конце концов Сабж привел нас на совершенно новую, никому не известную Нулевую и отрубился. Он просто повалился на землю и оглушительно храпел. На целые сутки. Он спал, Буги смотрела на меня волком, а я сидел и вспоминал, пытаясь составить более-менее ясную картину произошедшего.

49. Флэшбэк

Пулеметы работали непрерывно. Такое ощущение, что их боезапас был рассчитан на случай, если все обитатели города разом, при содействии населения пригородов, решатся штурмовать бункер. А впрочем, кто знает, возможно, те, кто все это создавал, учитывали такую возможность. Во всяком случае теперь так и вышло: свинец кромсал в кровавую кашу мясо, мышцы, кости и мозги нынешних жителей этого городка, затерянного где-то – о нет, не в глубине метрополии Нагасаки, а в Синем круге Эпицентра. И почуввав своего главного врага – металл, обезумевшие твари кидались на плюющиеся расплавленной смертью продукты цивилизации. Подыхая и выстраивая стену из тел куда солиднее той, что выстроили когда-то мы с Буги, они все-таки пробирались к пулеметам. Твари гибли все ближе и ближе, и в конце концов, рано или поздно, добравшись до круглых вращающихся турелей, уничтожили бы их. А может, боезапас уже иссяк бы к тому времени и пулеметы встретили бы смерть в гордом молчании, одноглазо глядя на несущиеся навстречу клыки, когти, ядовитые шипы...

Сабж, спотыкаясь и пошатываясь, провел меня по каким-то балкам и заставил прыгнуть между двумя вздыбленными бетонными плитами. Там был колодец с винтовой лестницей, освещенный – в это невозможно было поверить – настоящим электрическим светом. У этого бункера была автономная система обеспечения – несколько генераторов, спрятанных под такой толщей бетона и земли, что даже Эпицентр не смог их почувствовать. Наверное, Сабж врубил эту систему, а может, она включилась автоматически.

Мы спустились по винтовой лестнице. У ее подножия Сабж ненадолго остановился, и я впервые осознал, что парню совсем хреново. Кожа на его лице покрылась яркими синими пятнами с пурпурной каймой, губы опухли и казались почти черными, и выглядел он, как только что всплывший утопленник. Но я не мог ему помочь. У меня на плечах, все еще в отключке, висела Буги, поэтому я схватил Сабжа за локоть, спросил: «Куда дальше?!» – и двинулся в направлении, которое он указал. Я старался идти как можно быстрее, но на самом деле еле плелся через какие-то комнаты, коридоры, огромные залы, заставленные пластиковой мебелью, другие, с компьютерами, и еще какие-то, совершенно пустые. Короче, я никогда не смогу найти обратный путь по памяти, – даст Бог, и не придется. К тому же ничего этого, наверняка, уже не осталось – Эпицентр сровнял бункер с землей.

Мы еще трижды натыкались на винтовые лестницы, ведущие глубоко вниз, и каждый раз Сабж молча кивал на них. Под конец он просто повис на мне, а я совсем выдохся. Но мы уже вышли в длинный коридор с закругленными бетонными сводами, посреди которого стоял странного вида вагон, у которого не было ни кабины, ни даже какого-либо намека на двигатель. Сабж оттолкнулся от меня, согнувшись так, что его тело оказалось почти параллельно полу, и, спотыкаясь и выписывая ногами замысловатые восьмерки, рванул к вагону. Я, естественно, последовал за ним.

Тем временем стрельба наверху становилась все тише. Не потому, что мы опустились глубоко под землю – а потому что твари наконец добрались до пулеметов и уничтожали их один за другим. Скоро, очень скоро они пройдутся по бункеру и возьмутся за все, что содержит металл. А подземелье им просто набито. И сюда, вниз, они тоже доберутся, это только вопрос времени. Сабж уже забрался в вагон и полз там по полу. Я забросил Буги внутрь, потом подтянулся и влез сам. Сабж дополз до места, где над одним из сидений из стены торчал красный рычаг, и повис на нем всем телом, но тот даже не шелохнулся. «Это вам не плиты бетонные в облака пускать», – подумал я, подскочил и тоже взялся за рычаг. Я

не думал о том, зачем это делаю. Мы были в критической ситуации, и я подчинялся правилу, не раз и не два спасавшему мне жизнь. Оно гласило: «Слушайся Проводника». «Лето на Кафку, слушайся гуру»¹¹. Общими усилиями нам удалось опустить рычаг, и тогда двери захлопнулись, а сам вагон резко дернулся и вдруг рванул в туннель со скоростью реактивного снаряда. Последнее, что я успел увидеть, это как из стены выкатилась по специальному рельсу толстая бетонная плита и перекрыла за нами тоннель.

Сабж что-то невнятно крикнул мне и медленно сполз на пол.

– Что?!

– Не давай мне спать...

– Понял!

Буги провалилась в отключке еще около часа. Все это время я боролся со сном сам и старался не давать уснуть Сабжу. Последнее было сложнее, поскольку он то и дело начинал клевать носом и закатывать глаза. Больше всего я боялся, что сработает детонатор разрушающей организм Проводника болезни, и он свалит в тот, другой сон. Но Сабж держался молодцом.

– Парень, ты уверен, что тебе не нужно отоспаться?

– Нет! – энергично замотал головой Сабж, и голос его был пугающе... пустым, что ли. – Если я сейчас вырублюсь, то раньше чем через сутки вам меня не поднять. А вас еще надо дотащить до Нулевой.

– А если тыдохнешь по дороге? Кто нас тогда дотащит?

– Не подохну, – снова замотал головой Сабж, и я не понял, то ли это жест отрицания, то ли он просто отгоняет очередной приступ сонливости.

Потом очнулась Буги. К чести этой бестии надо сказать, что в тот момент она не стала задавать никаких вопросов. Несколько секунд удивленно и даже испуганно оглядывалась, потом по ее лицу пробежала какая-то тень, которую я определил для себя, как активацию блока памяти, потому что Буги сразу же потянулась рукой к виску и бросила на меня не обещающий ничего хорошего взгляд. «Только этого мне тут на хрен не хватало», – подумал я. Но Буги промолчала. Тогда я рискнул пересказать ей инструкции Сабжа и, виновато оглянувшись на Проводника, растянулся на одном из диванов.

50. Вопреки и благодаря

Ветер стих, и стремительно тускнеющая синева, лишь слегка разбавленная перьями случайных облаков, заполнила неровный прямоугольник там, где раньше была крыша. Я неторопливо скрутил на колене самокрутку – благо табака в «заросшей» Нулевой оказалось полно – и, немного подумав, протянул ее Буги. Она удивленно взглянула на меня, кивнула и взяла. Я сделал еще одну самокрутку и протянул ее Сабжу.

– Нет, брат, спасибо, – покачал головой Проводник, – у меня свой табачок имеется.

С этими словами он похлопал по тощему кисету у себя на поясе, где лежала та самая травка, которую он заваривал в прошлый раз. Я уже знал, что сегодня, когда стемнеет (на этот раз Сабж почему-то настаивал, что должно быть темно), снова будет сооружена донья. Знал, потому что час назад мы с Сабжем перетаскали в Нулевую весь имеющийся поблизости сушняк. Буги все это время сидела, забравшись на стену будки, и внимательно оглядывала окрестности с дробовиком в руках.

Я кивнул и закурил. Разговор как-то сам собой сошел на нет, но никого из нас это не беспокоило. Слова отслоились и отпали, как старая чешуя или засохшие комки грязи. Мы слишком давно и хорошо знали друг друга, а кроме того, было еще кое-что, связывающее нас крепче любой петли. Эпицентр. Его перманентная, *естественная* опасность и его недоступная цивилизации *естественная* красота. Да взять хотя бы этот закат. Разумеется,

¹¹ Строка из песни группы «Текила-джаз».

он не идет ни в какое сравнение с безумством красок, с какофонией цветов и оттенков, которая каждый вечер происходит на городском небосклоне. Загрязненная атмосфера, как линза или закопченное зеркало, преломляет, изменяет, делает насыщенными цвета заката. Это красиво, но, черт побери, это красота порока. И сравнивать закаты Эпицентра и закаты Города – все равно что сравнивать пресыщенную всеобщим поклонением красавицу с симпатичной провинциалкой. С первой все понятно: ею стремишься обладать, она создана, чтобы разжигать страсть. А вторая... ее хочется любить, оберегать. Не владеть, а быть рядом, быть ее частью, быть... ну не знаю, быть ее достойным, что ли (причем прежде всего в своих собственных глазах).

Вот и теперь я не мог оторваться от этого зрелища: стремительных, но мягких переходов цвета в цвет, света в полутьму, постепенного распада на оттенки и полутона. Это небо воодушевляло и успокаивало, под ним было легко молчать. Минуту, другую, третью... Да сколько было у нас таких минут! В жизни сталкера любой оборванный пунктир – это, вполне вероятно, промежуток между жизнью здесь и смертью там. Да нет, что я говорю, какое там «вполне вероятно». Смерть в Эпицентре – всегда стопроцентно гарантирована, если не для тебя, то для того, кого убьешь ты сам. И тут, в Нулевой, смерть никуда, конечно, не исчезает, но, теряя направленность на определенный результат, на финишную ленту, которую вспорет заряд дроби или разорвут смыкающиеся челюсти, – концентрируется и становится частью тебя самого: твоим дыханием, сердцебиением, рефлекторным движением ресниц – тем, о чем не думаешь, чего не замечаешь, но о чем всегда, где-то в подсознании помнишь: я дышу, мое сердце бьется, мои веки смачивают роговицу глаза, моя смерть теплится во мне моей жизнью. И это понимание дает право на существование мне и моим друзьям под пастельными, приглушенными цветами заката, в тишине Эпицентра, в странное, таинственное мгновение, когда дневные хищники уступают свои ареалы обитания хищникам ночным, так же как дневная синева неба уступает место ночной пустоте, поглощающей цвета. Впрочем, я слегка приврал для красного словца, ведь это был круг третий, и здесь нет разницы между ночными и дневными хищниками, а если и есть, то я понятия не имею, в чем она заключается.

Но главное... у меня не хватает словарного запаса (больше того, я не уверен, что такие слова вообще существуют), чтобы объяснить, каково это – *пребывать* в этом мгновении, *быть* его составляющей, быть вопреки смерти и в то же время благодаря ей.

Каждый из нас знал и чувствовал это, так что лишние слова были ни к чему.

Через час или чуть больше костер Сабжа, выстреливая яркими искрами, превратил все, что находилось дальше пары метров от центра Нулевой, в сплошную стену темноты. Затасканное сравнение, но именно так это выглядело. Проводник, голый по пояс, кружил вокруг огня, как какой-нибудь светлокожий шаман, помешивая в котле из огнеупорного пластика и подкладывая особым образом дрова. При этом он то слегка пританцовывал, то замирал на месте, то начинал ходить вокруг доньи, критически оценивая, как лежат поленья. Ему не хватало только бубна и перьев.

– Сабж! – крикнул я, чувствуя, как уже знакомо поднимается настроение от запаха отвара. – Ты сейчас знаешь, на кого похож, брат?

– На кого?

– На шамана!

– А я кто? – с наигранным возмущением спросил Сабж и пропел куплет из трехгодичной давности хита «Flying Shoes». Немного фальшиво, но зато очень громко:

*Белый шаман ударил
В бубен луны июля,
Вышли из темных улиц
Люди народа Пули!
Сбитые звезды тают
В этом неверном свете,*

*Спустятся с темных крыши
Люди Стальных Мачете!*

Надо заметить, что на этот раз запах отвара был более резким. И мой организм отреагировал на него иначе: вместо прилива энергии, как было в прошлый раз, наоборот, стало лень делать лишние движения. Зато настроение зашкаливало. Все время хотелось улыбаться.

– Браво, Сабж, – пробормотала Буги, которая валялась на траве, положив голову на одну из полуразвалившихся шпал. Насекомых, которые наверняка завелись бы в полусгнивших деревяхах, здесь можно было не опасаться. Ведь насекомые – тоже часть Эпицентра, а значит, в Нулевой их быть не могло. – Какого хрена ты вообще таскаешься в Эпицентр? Тебе надо торчать где-нибудь в гетто, долбить хип-хоп и... И вообще, какого хрена ты белый, а, парень?

– Сие мне неизвестно, – довольно улыбаясь, откликнулся Сабж, на которого запах кипящих в котле трав, похоже, совсем не действовал. – Но, подозреваю, в одном из прошлых своих воплощений я был чернокожим. А до того – ленивцем. Или коалой, точно не скажу.

– Почему ленивцем или коалой?

– А потому что мне тоже нравится жить в кайф, не сильно напрягаясь.

– А мы тут все такие, – заметил я. Жутко хотелось курить, но я никак не мог заставить себя пошевелиться и свернуть самокрутку. – Сабж, скрути мне покурить, приятель. Я что-то совсем растекся от этих твоих ароматов.

– Это не мои ароматы, – неожиданно серьезно ответил Сабж и кивнул в сторону от костра, – это *Ego* ароматы. Но я пока занят. Потерпишь часок?

– Часок? Да ты спятил... Буги, а может, ты соизволишь снизойти до того, чтобы сделать мне покурить?

– Даже не проси, – не поворачиваясь, ответила Буги, – я сама мечтаю о затяжке последние полчаса.

– Ну и хрен с вами, – ответил я, капитулируя перед обстоятельствами.

Сон, если я уснул, а не потерял сознание, накрыл меня быстрее, чем паровоз братьев Люмьер.

51. Вода

Сабж поднял нас затемно. Западная часть горизонта уже тлела алым, но солнца еще не было видно. Точно так же тлели угли доньи, а кое-где над не до конца прогоревшими поленьями поднимались и опадали слабые языки пламени. Куча дров, которую мы натаскали вчера днем, испарилась. Это означало, что Сабж не спал всю ночь, камлая над своим котелком с отваром. При этом выглядел Проводник так, как будто отсыпался целые сутки. О себе я такого сказать не мог. Энергии, что переполняла меня после первой аромапроцедуры, проделанной в начале трипа, не было. Наоборот, я чувствовал себя каким-то... ватным.

– Черт, Сабж, – подтверждая мои мысли, проговорила Буги, – что-то я не особенно в форме после твоих травок.

– Я тоже, – кивнул я и заставил себя сделать несколько шагов. Тело слушалось, но было такое ощущение, что я – всего ли джойстик, управляющий инородным механизмом.

– Это пройдет, – уверенно ответил Сабж, – кроме того...

Он внезапно бросил в меня куском доски от бывшей крыши, и я, не успев сообразить, что делаю, ловко поймал обломок и удивился самому себе:

– Ни хрена себе!

– Вот так-то, – усмехнулся Сабж. – Кстати, неплохо бы через час выйти. Если успеем добраться к вечеру до Дракона...

– До перевала? – вяло переспросила Буги.

– Да, до перевала Дракона. Мы в самой печени третьего круга ада, джентльмены... И

между прочим, я пока что не услышал ни слова благодарности.

– Вообще-то, – сказал я, – мне все еще хочется тебя прикончить.

– Ты неблагодарная скотина, Макс. Перекачанный анаболиками ефрейтор. Нет, – Сабж с довольной ухмылкой махнул рукой, – я повышаю тебя в звании, ты неблагодарный хренов фельдфебель.

Из-за заторможенности мыслительных процессов я не сумел быстро сориентироваться и выдать достойный ответ, а вот рука моя отреагировала сама собой, метнув в Сабжа все тот же обломок доски. Сабж легко его поймал – скорость реакции была в это утро повышенной не только у меня.

– Мальчики, а вы заметили, какое сегодня утро? – лениво поинтересовалась Буги, приподнявшись на локтях.

Мы с Сабжем удивленно переглянулись, безмолвно спрашивая друг друга: «Ты тоже это слышал?»

– Буги, – осторожно уточнил Сабж, – ты сказала «мальчики»? Нет, наверное, ты сказала: «Эй, гребаные придурки!» или «Вашу мать, грязные нигеры!», а мне просто послышалось...

– Сабж, а не пойти ли тебе в задницу, – поморщилась Буги. – Хотя, если вам нравится считать меня тупой оторвой – вперед, мне перпендикулярно. Но... Блин, *capre diem*¹², придурки. Такое утро...

И мы решили ловить момент. Ведь на самом деле никто не считал Буги тупой, а вот оторвой – да, конечно. И проявление с ее стороны каких-то... нехарактерных для крутой девчонки черт, пусть на словах... А впрочем, когда по многоцветному небу несутся рваные клочья практически черных облаков, и само оно кажется вогнутым в сторону земли, как будто пятка Бога все же добилась своего, только и остается, наверное, что ловить момент и отхватывать от жизни кусок доступного, но редко замечаемого кайфа.

– Да уж, – проговорил Сабж, задрав голову, – утро и правда... охренительное, – он бросил торопливый взгляд на Буги и с усмешкой добавил: – мальчики.

В Синем круге, как и в любом другом, есть свои правила. Это как игра, понимаете: соблюдай правила и получишь шанс сорвать финишную ленту. Только ставки другие. Так вот, при условии соблюдения правил этот круг считается самым безопасным.

Территория за его границами мало чем отличается от той, что в круге первом, – влажная духота, путаница лиан, высокая осока, мох на стволах. Эти джунгли – рай для сталкеров, потому что ни одна живая тварь здесь не водится, и есть всего лишь несколько опасных растений. Но, к сожалению, через каких-то пять–шесть километров тропические леса уступают место низкорослым кустарникам с иголками вместо листьев. Большинство из них безопасны, и подцепить какую-нибудь заразу можно, только поцарапавшись. Влажность стремительно исчезает, а вездесущий мох сначала съезживается до редких заплат, а потом и вовсе пропадает. Чем выше на горизонте вырастает шербатая горная гряда Дракона, тем каменистее становится почва. Здесь трудно найти воду, но не это самое страшное. В третьем круге главное правило – не ступать на песок. Кстати, мы зовем этот круг Кругом Дюны, и если вам попадет в руки многотомное произведение Фрэнка Херберта, вы поймете, почему. А еще мы зовем его Маасдамский круг, потому что все пространство под ногами изрыто пещерами, и если провалишься в них – это конец. Без вариантов. Там водятся... Черт, я никому не посоветую познакомиться с обитателями этих пещер. Спасти от них невозможно, как от акулы или мурены. Но они редко выползают наружу, так что, если идти только по каменистой почве, третий круг покажется самым безопасным из всех кругов Эпицентра. Камня здесь много. И до самого Дракона опасаться нечего. А там – свои правила, свои условия, свои штрафные.

Мы вышли рано утром, загрузившись под завязку, по большей части бурдюками и

¹² Лови момент (лат.).

канистрами с водой: кто знает, когда нам встретится источник и будет ли его вода пригодна для питья? Кроме того, на этот раз мы обмотались тряпками, стараясь не оставлять ни кусочка тела открытым. Климат Круга Дюны непредсказуем, а погода здесь, если и меняется, то самым кардинальным образом. Тебя может испепелять солнце, а потом небо вдруг обрушивается секущим ливнем или дикие ледяные ветры сбивают с ног. Несколько раз здесь даже начинал идти снег. Короче, тронувшись в путь от заброшенной будки стрелочника, мы были чертовски похожи на три мумии, обвешанные сосудами с водой и шот-ганам.

Очень скоро тропическая растительность закончилась, лишь изредка встречались вездесущий дубовник и какая-то местная разновидность пальмы с длинными узкими листьями. Мы остались один на один с безжалостно палящим солнцем. Иногда удавалось передохнуть в тени огромных растений, напоминающих ощеренные иглами телеграфные столбы, но тень от них была такой жидкой, что мы старались там не задерживаться. С каждой минутой становилось все жарче и жарче. Одежда, не успев пропитаться потом, мгновенно высыхала. А уж что творилось в наших глотках... И все же ни один из нас даже не прикоснулся к флягам. В таких условиях вода не утоляет жажду, а только выходит потом. Немного помогали какие-то опилки с привкусом ментола, которые раздал нам перед выходом с Нулевой Сабж, но, чтобы они утоляли жажду, их нужно было пропитать слюной, а вот ее-то как раз и не хватало.

Мы молчали, чтоб не открывать лишний раз пересохшие рты. Только во время одного из коротких привалов в тени неожиданного скопления «телеграфных столбов» Сабж спросил:

– Помните Дюка Дырокола?

– Это который потерял Проводника в Синем круге? – лениво спросила Буги.

– Ну да, его. Макс, ты, наверное, не в курсе, потому что это произошло года полтора назад, когда ты был на каникулах. Ну короче, у него была, наверное, одна из самых больших групп, человек восемь или девять. Зачем нужно было идти такой толпой, я не знаю, но фишка не в этом. У них все как-то с ходу не заладилось. Люди мерли чуть ли не на каждом шагу. А в Синем круге Дюк потерял Проводника. Говорит, все железо взбесилось тогда. Проводника – не знаю, кто с ними шел, – завалило металлом. Сначала машины окружили группу. Проводник, я так думаю, решил оттянуть это дело на себя. В общем, его накрыло одной машиной, потом другой. От парня ничего не осталось. Но я не об этом хотел рассказать. Короче, после Синего круга у Дюка Дырокола в группе осталось три человека. Не считая его самого. Разумеется, он решил идти дальше, ведь ни один дурак не вернется в Синий круг без Проводника... А потом его нашла какая-то команда Полковника, которую отправили снабжать Нулевые. Дюку... Ну, можно сказать, повезло. С головой у парня с тех пор совсем плохо. И все же он выжил. И остался у Полковника. Не может вернуться в Эпицентр. Такое уже случалось... Но никто так и не смог добиться от Дюка, что случилось с остальными членами группы, пережившими Синий круг. Дюк твердил, что их забрала вода, и начинал подвывать. Ну, все решили, что парень тронулся. А Полковник уверен, что это была Капанта.

– Твою мать! – хором воскликнули мы с Буги.

– Короче, к чему я веду: если она и правда проснулась... я попробую провести вас стороной. Небольшой крюк, понимаете? Но это будет непросто.

– Почему?

– Потому что, – Сабж зажмурился, оглядываясь, – ветер мне не нравится. Наметает песок...

Здесь следовало бы рассказать о Капанте, но я сделаю это позже. Слишком многое успело произойти, прежде чем мы с ней встретились. А эта история не о тварях Эпицентра, а о тех, на кого они охотятся.

Чем глубже мы уходили в глубь третьего круга, тем яростнее жарило солнце. Я чувствовал, как начинает закипать кровь в моих венах. Пот заливал глаза, так что приходилось все время смаргивать и вытирать заскорузлыми тряпками лоб. В глотке словно

поселился целый выводок морских ежей.

Но ноги, те самые ноги, что все еще казались мне чужими после травок Сабжа, упрямо шли вперед, и вполне оправданной в данной ситуации усталости пока не наблюдалось. А самого Сабжа жара вообще как будто и не беспокоила – ручаюсь, что благодаря все тем же травкам.

Горная гряда медленно вырастала на горизонте. Как всегда бывает на открытых пространствах, она казалась ближе, чем была на самом деле. И все приближалась. А с нею приближалась и тень.

Мы шли по довольно широкой каменистой тропе, стараясь держаться как можно дальше от слепяще-яркого песка. По моим приблизительным расчетам, нам удалось пройти около четырех часов, сделав всего лишь один серьезный привал. Это было по-настоящему круто.

– Сабж, старик, скажи-ка мне, а мы не подохнем, когда доберемся до места? Что-то мне не нравится, как ведет себя мой организм. Вообще-то ему полагается изнывать от усталости, но я ничего такого не чувствую.

– Подохнуть не должны, – вполне серьезно ответил Сабж, – но спать будете крепко. Приготовьтесь, скоро придется бежать.

Мы пошли еще осторожнее, прислушиваясь к своим шагам. Я шел первым, и потому притопывал. И, услышав, как гулко отдался очередной мой шаг, рванул что есть мочи. Буги и Сабж мгновенно рассредоточились и побежали следом. Гулкое эхо наших шагов означало, что подземная пещера в этом месте подходила слишком близко к поверхности, а значит, нас мог услышать кто-нибудь из случайно проползавших по своим делам ублюдков. Если это какая-нибудь мелочь, то бояться нечего – потычется в каменный потолок и успокоится. Но если бы нас учуял тот же шерман, огромная сороконожка размером с бронепоезд, то не слишком толстый слой камня его бы не остановил.

Стоило нам выскочить на опасное место, как что-то стало судорожно лупить снизу. Не настолько сильно, чтобы пробить слой камня, но достаточно настойчиво, чтобы мы почувствовали это ступнями и прибавили хода. Видимо, нас-таки заметила какая-то мелкая тварь.

К счастью, такие близко подходящие к поверхности пещеры редко бывают большими. Эта тянулась метров на пятьдесят, преодолев которые, мы замерли, стараясь не производить лишнего шума. То, что пыталось выползти на свет божий из преисподней, еще некоторое время бесновалось, а мы терпеливо ждали: Буги и я – с дробовиками в руках, Сабж – с пугающе ледяной искрой на дне зрачков. Когда *дрожь земли* унялась, он покачал головой и пробормотал сквозь зубы:

– Близко была, сука. Еще бы чуть-чуть, и проломила бы.

– Кто это был? – спросила Буги.

– А хрен знает. Никогда таких не видел. Да я вообще не очень-то разбираюсь в этих детях подземелий. Вот Крафт, тот был большой специалист... Говорят, пару раз даже спускался вниз. Биолог же. Его сожрала три года назад белая сука. Тогда вообще вся группа полегла.

Мы шли еще несколько часов. Солнце не унималось, как будто считало эту местность своей кухней, а нас, по всей видимости, наглыми тараканами. Вот и давило раскаленным тапком. Вообще-то этот отрезок пути никто не преодолевал в один заход. Но мы по-прежнему не ощущали усталости, и хотя жара долбила нас не переставая, казалось, могли пройти еще столько же. А вот жажда начинала реально доставать. Опилки Сабжа больше не спасали. Глотку драло нещадно. Мы все чаще прикладывались к флягам, и это все меньше помогало.

– Прикиньте, нигаз, вот мы тащимся по этому гребаному солнцепеку, – морщась, сказал Сабж, – а между тем прямо под нами... метрах примерно в двухстах, огромное ледяное озеро...

– Сабж, я тебе голову откручу, – пообещал я.

– Нет, я серьезно. Целое озеро темной, не знавшей солнца воды...

– Я тебе помогу, Макс, – сказала Буги.

– Да, братцы, – не унимался Проводник, – этой воды какой-нибудь сраной провинции третьего разряда хватило бы на год, а то и на два... – Он подумал секунду и добавил: – Вот только по берегу ползают всякие многосуставчатые ублюдки. Прикинь, Буги, они ползают друг по другу...

– Сабж!

– А их слизь... Фу, она капает прямо в озеро. Нет, я бы не стал пить эту воду. Но вот искупаться – это другое дело.

– Буги, ты как считаешь, мы уже можем обойтись без Проводника? – поинтересовался я.

– Да запросто. Говорят, кровь отлично утоляет жажду.

– Я просто хотел вас приободрить, – вздохнул Сабж.

Налетел и стих короткий, как икота, порыв ветра: он не принес ни свежести, ни облегчения. Мы снова остановились, чтоб сполоснуть глотки.

– Помню, отделали меня как-то скинхеды, – начала Буги, заворачивая крышку на фляге.

– Тебя? – не поверил я.

– Ну да, меня. Их было человек двадцать, а я только что из бара выползла, пьяная вусмерть. Я так думаю, они не хотели сделать мне ничего плохого. Ну знаешь, пьяная девчонка, юбка короче некуда... Хотя... они же скины, кажется, даже орали что-то там свое. В общем, я наверное, зря кому-то из них руку сломала. Или ногу... Не помню. Ребята осерчали. Физиономию мне разукрасили так, что даже вспоминать больно. Но самое обидное: когда все кончилось, меня вдруг начало бить похмелье, такое, знаете, вертолетное. Картинка, конечно, та еще. Стоит пьяная девка, одежда порвана, рожа в крови, шатается. Не хватало еще и проблеваться при всем честном народе. Там, правда, почти никого не было – в два часа ночи, а может, и позже, не помню. Короче, пошла я вдоль стенки и вдруг вижу – фонтан. Ну, я в него, как была, так и залезла. Помню, лежу, а мне в лицо бьет струя холодной воды. Вот бы сейчас туда...

– Нет, погоди, Буги, – встрял Сабж, – я не понял, а чего до тебя скины-то докопались? У тебя же на лице написано, что ты исключительно чистый арийский геноматериал.

– Ну, во-первых, в тот момент на моем лице ничего прочесть было нельзя. А во-вторых, это было в Корее. И скинхеды были корейские.

– Надо же, – вздохнул Сабж.

Убирая свою флягу, я пытался сопоставить ощущения и воспоминания. Я точно помнил, что сделал пару больших глотков. А по ощущениям – не пил как минимум полтора столетия.

То ли каменистая тропа, которую выбрал Сабж, начала петлять сильнее прежнего, то ли заканчивалось действие трав, но мы шли все медленнее, и все медленнее росла перед нами горная гряда Дракона. И все-таки она стала значительно ближе, закрывая уже половину неба гребнем разновысоких пиков. Да и тропа становилась все шире, оттирая в сторону песок. Временами, замерев на мгновение, Сабж смело ступал на белые песчаные перешейки. Это значило, что песок просто нанесло ветром на камни. По сути, мы были уже в предгорье. Дорога все заметнее забирала вверх, становилось едва ощутимо прохладнее. Часто налетал ветер, и если бы не жажда, не оставлявшая наши мысли ни на мгновение, можно было немного расслабиться.

А потом Сабж вдруг остановился, неуверенно оглядываясь по сторонам. Сделал шаг назад, присел на корточки, уперевшись в красное тело камня рукой, снова поднялся.

– Что-то не так, Сабж? – спросила мгновенно напрягшаяся Буги.

– Н-не знаю, – протянул Сабж. – Вроде все нормально, но что-то мне эта дорога перестала нравиться.

– В каком смысле?

– Не знаю. Что-то там впереди не то. Но я ни хрена не вижу. Не могу разглядеть.

– Сабж, ты пару часов назад смог разглядеть долбаное озеро под ногами. На двести метров. Сквозь камень, – сказал я.

Наш Проводник молча прошел несколько метров вперед и вернулся.

– Если честно, мне не только дорога перестала нравиться. Мне вообще почему-то перестало нравиться, что мы здесь сейчас стоим. Думаю, нам стоит вернуться.

– Вернуться на сколько? – прищурившись, спросила Буги.

– Не знаю, – пожал плечами Сабж, – просто надо уходить... И как можно скорее.

– Парень, – попросил я, – ты можешь объяснить толком, что именно тебе не нравится?

– Макс, я не знаю. Со мной такого никогда не было. Я либо видел впереди опасность, либо не видел. Либо знал куда идти, либо нет... Но... Мне кажется, что аларм идет от второй точки. В смысле, от той, которую я начал чувствовать после Шляпников.

– Ты же сказал, что разобрался в своей голове, что сможешь вести нас нормально, – жестко проговорила Буги.

– И могу это повторить, – мотнул головой Сабж. – Говорю тебе, я с таким еще не сталкивался. Я просто знаю, что идти вперед нельзя и оставаться на месте тоже нельзя. Возможно, я бы смог разбираться в таких приходах, но со мной такое происходит впервые.

– Сабж...

– Буги, давай ты мне потом нотации считаешь, хорошо? Надо уходить отсюда! А мы спорим. – Сабж резко развернулся и быстро пошел в пустыню.

– Мне все это очень не нравится, – сквозь сжатые зубы пробормотала Буги хорошо знакомым мне тоном. В голове сразу всплыла ее фраза, обращенная ко мне тогда, на трассе: «Это точно, братик, у тебя и правда серьезные проблемы».

Развернувшись и вскинув на плечи узел с бурдюком и флягами, она быстро потопала за Проводником. Я тоже поднял свою ношу и пошел следом.

И тут трянуло в первый раз.

52. Секунда

Проводник видит территорию, способен своим внутренним локатором заметить приближающуюся тварь и идентифицировать ее, он может определить опасное растение и по каким-то только ему известным признакам вычислить Нулевую. Но он не в силах предугадать будущее, не в состоянии предсказать внезапный ливень, ураган, резкую смену температуры, смерч, сход лавины или сели, извержение вулкана... и землетрясение.

Первый толчок с силой кинул меня вперед, но я чудом сумел удержать равновесие. Впереди, вскрикнув, рухнула на колени Буги и громко, явно с испугом выругался Сабж. Второй толчок сбил меня с ног. Я рефлекторно выставил перед собой руки, ожидая удара о землю, но прямо передо мной вдруг вздыбилась каменная плита, скрыв Буги и Проводника. Я почувствовал, как меня с бешеной силой вжимает в камень, а потом отбрасывает в сторону. Что-то угловатое больно ударило в плечо, чем-то острым царапнуло по щеке. Левую ногу на мгновение зажало, и я похолодел от ужаса, но потом сразу отпустило. Оглядываясь, пытаюсь увидеть капкан, я попытался вскочить, но следующий толчок – намного сильнее обоих предыдущих – отбросил меня далеко в сторону, туда, где тянулась узкая полоска песка, и я рухнул на спину. Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Не знаю, что осталось бы от меня, упали я на камень.

Секунда, вытянувшаяся жгутом баллисты, придавленная к раскаленному песку качающимся небом. Долгая секунда тишины, и потом вдруг осознание – все кончилось, больше толчков не будет, это все, действительно все, ты выжил, парень, и теперь можно попытаться осознать, что же все-таки произошло. Медленно, как в тающем бэдтриповом видении, я оторвал от песка голову. В ушах гудел странный звук, как будто на фоне прибоя кто-то медленно ведет ключом по стеклу. Болела спина. «Песок, я на песке, – промелькнуло в мозгу, – надо убираться с этого гребаного песка, но медленно, без лишнего звука, чтобы не разбудить тех, кто внизу...» Но тело не слушалось. И это было хреново, потому что я его

чувствовал. Ощущал, как болят ноги, как что-то твердое уперлось под лопатки, как саднит руки. Я чувствовал свое тело, но ему было глубоко насрать на меня. И еще этот гул в голове, который становился все ближе, как будто прямо на меня надвигалось что-то огромное.

Надо было найти Буги и Сабжа. Хотя бы позвать их. Вскрикнув от боли, я повернул голову в сторону горного хребта и тут заорал еще громче, хотя боли больше не чувствовал: прямо на меня неслась волна высотой в несколько метров. И она была не из воды – жуткая смесь камня и песка шла стеной в мою сторону со скоростью дизельного тепловоза.

Я еще успел перевернуться на живот и сделать два жалких рывка руками. Потом меня ударило под колено, в пах, в грудину, в солнечное сплетение, в висок... и я с хрипом погрузился в темноту болевого шока.

53. Землетрясения

В банке данных Полковника чего только нет, какой только информации. Терабайты обобщенного знания человеческого. И незнания. Можно прожить жизнь, не узнав и мельчайшей доли того, что собрано в этой коллекции. И все же я не могу отделаться от мысли, что от серверной Полковника несет мертвечиной. Она и похожа на склеп – выложенный из бетонных плит куб без окон с единственной дверью, при открывании которой наружу вырываются клубы пара от кондиционеров, поддерживающих там минимальную температуру. А многочисленные провода, обвивающие серверную снаружи и изнутри, наводят на мысль о покрытой лианами гробнице инков, затерявшейся на заросшей джунглями территории мертвой цивилизации.

Давным-давно здесь, в сердце метрополии Нагасаки, вдали от населенных пунктов, располагался огромный сверхсекретный институт, о котором часто писали в «желтой прессе». Этот склеп был серверной уже тогда, и Полковник потом всего лишь воспользовался оставшимся там оборудованием. Так же, как и сохранившимися сведениями. Он их нашел, расшифровал и преумножил. Не будь здесь Территории Штиля, все могло сложиться иначе. Хотя, как сказать... Ведь уже тогда было все предreshено. Дело только в деталях. В оттенках.

Эти оттенки и детали не дают мне покоя. Вот представьте: умирают два человека: один создал шедевр, оставшийся в веках, и другой не сделал ничего ценного с точки зрения истории. Одного помнят, другого – нет, и вроде бы выходит так, что первый, хотя и умер, продолжает жить. А второй просто умер, и все: был и не стало. Могила потерялась, обелиск, при наличии онго, покосился, имя с таблички стерлось, а если и не стерлось, все равно ничего никому не говорит – даже цифры, обозначающие начало и конец его земного бытия, и то интереснее.

И что? Какое мне будет дело до человечества там, за гранью? До его памяти и его беспомысленности. Будет ли это иметь хоть какое-то значение? Я не затрагиваю скользкую тему смысла жизни и смысла смерти. Я всего лишь хочу знать – есть ли смысл в смысле жизни и смысле смерти? В чем фишка? В чем Промысел?

Среди хранящихся в архиве Полковника данных я нашел и сведения о землетрясениях. Собственно, за ними и полез. Там, в предгорье, попав под последние, слабые толчки, я ни хрена не успел понять. А ведь это было землетрясение! Катаклизм! Но я могу описать только, как меня кидало из стороны в сторону да где потом болело. Как-то это несопоставимо мелко. Огромная плюха Земли встряхнулась, передернула шкурой, превратила километры неизбежного в дрожащую, идущую волнами неуверенность. Но, увы, все эти жалкие сорок секунд катаклизма мне было не просто не до размышлений, мне было даже не до осознания происходящего. Свершившийся факт утвердился в моем мироощущении постфактум. И я выпросил у Полковника доступ к информационному банку.

Задав в поиске слово «землетрясение», я получил чуть меньше двенадцати гигабайтов информации, в том числе почти два гига текстовых файлов. Чтобы было понятнее: одна книга в электронном формате весит меньше мега; в гигабайте – тысяча мегабайтов.

Суммарный объем текстовых файлов равнялся примерно тысяче томов объемом от семисот до тысячи страниц. Короче, такой объем данных я даже вообразить себе не мог. Хотя родился и вырос в век активного развития Интернета.

Чего там только не было: научные труды по геологии (которые я, открыв пару страниц наугад, отсеял), библейские цитаты и теологические труды, исторические хроники, летописи, фольклор, свидетельства очевидцев, тонны поэзии (которую я тоже отложил за ненужностью), пособия по выживанию, фото-, видео- и аудиоархивы, какие-то малопонятные схемы и чертежи, специальные программы и прочая, прочая, прочая. Уже через час работы я точно знал только одно – что равным счетом ничего не знаю о землетрясениях.

То же самое вынужден признать и теперь. Крупицы разрозненной информации, выловленные мною наугад, нельзя назвать знанием. Но это все, чем я могу оперировать.

Пока на меня не рухнула информация из замороженных внутренностей серверной, я даже предположить не мог, что землетрясение – штука, в общем-то, обыденная и даже тривиальная. Ежегодно на планетарном диске происходит несколько тысяч таких катаклизмов.

Я-то был уверен, что если уж Землю начинает трясти, то это нечто из ряда вон выходящее. Тайнственное, насквозь пропахшее роком явление, кара Божья и тому подобное. А оказалось, что судороги тверди – явление мало того, что объяснимое и неплохо (хотя и недостаточно) изученное, но и вполне естественное. Суть в том, что планетарный диск, вернее, его внешняя часть – это вовсе не однородная масса, а несколько гигантских тектонических плит, которые находятся в постоянном движении. Причин у этого перманентного движения несколько: прежде всего, раскаленные потоки воздуха, идущие от панциря Черепахи, и движения слонов. Ну, и еще влияние холодной Луны и горячего Солнца.

Так вот, перманентно перемещаясь, плиты периодически сталкиваются. Человек этого не замечает, поскольку движутся они по миллиметру в год и, естественно, без всяких там ударов, хлопков и прочего. Но если уж одна плита в другую уперлась, то будут они бодаться до морковкина заговенья, как два упрямых барана. Сколько такое бодание может продлиться, предсказать невозможно. Огромные массы земли, камня и всего остального давят друг на друга в течение многих лет, напряжение растет, накапливается, и в конечном итоге одна из плит не выдерживает: ломается и крошится, как больной зуб. Происходит внезапное высвобождение энергии, которое, собственно, и выражается в колебаниях земной поверхности. Земля начинает уходить из-под ног, вздыматься, опадать, вибрировать, раскалываться, идти волнами и так далее и тому подобное. Другими словами, происходит мгновенное смещение огромных масс литосферы. Источники колебаний располагаются обычно на значительной глубине, и прущая от них деструктивная энергия, доходящая до поверхности планетарного диска, в целом, значительно ослабляется толщами земли.

Сабж каким-то образом почувствовал приближение землетрясения. Это вполне объяснимо. Частота колебаний некоторых сейсмических волн такова, что производимый ими звук способен услышать и человек. Не говоря уже о братьях наших меньших, которые могут воспринимать звук в большем диапазоне. Ведь даже такая лишенная музыкального слуха скотина, как я, слышала что-то вроде скрежета ключа по стеклу на фоне грохота прибоя. Правда, тогда я решил, что это гудит моя пострадавшая голова.

По сути, Сабж спас наши шкуры. Если бы мы продолжили идти в сторону Дракона, все скорее всего закончилось бы куда печальнее. К примеру, нас могло накрыть какой-нибудь лавиной, селевым потоком или оползнем. Да и вообще, близость горного массива представляла опасность. Я вот прочитал, что, оказывается, самое страшное землетрясение произошло в XVI веке в Китае. Там за считанные минуты просто взяли и схлопнулись два горных массива. Как ладони. А между ними была плодородная равнина с кучей населенных пунктов. Представляете? Две охренительные каменные ладони схлопнули равнину и больше шестисот тысяч человек. Как тараканов. Я почему-то не могу себе этого представить. Что-то

из области анимации.

Я ничего не знал о землетрясениях, об этих самых тектонических плитах, о магме, о том, что Слоны время от времени переступают ногами – то ли от скуки, то ли еще почему-то. Так же как и о том, что у Черепахи, оказывается, раскаленный панцирь, благодаря которому она существует в ледяной воде Океана. Что благодаря невероятному количеству испаряющейся при соприкосновении с этим панцирем океанической воды на планетарном диске Земли однажды появилась атмосфера. Я вообще мало что знал. Пожалуй, единственное, в чем я более или менее разбираюсь, – это существование в условиях Эпицентра.

Но тут ведь как получается: большинство людей, как и я, понятия не имеют ни о тектонических сдвигах, ни об обыденности землетрясений, ни о причине появления атмосферы. И вроде бы выходит, что все мы – серые тупицы, непонятно для чего существующие. Однако же кто-то из нас понимает, к примеру, суть процесса эволюции, или является специалистом по каким-нибудь сервоприводам, или гениальным барабанщиком. И все остальные по сравнению с ними оказываются серыми тупицами в этих конкретных областях.

То есть получается, что человечество – это пазл, головоломка из множества фрагментов, очень сложный механизм. У каждого фрагмента своя функция, свои знания, своя фишка. Собственно, это единственное, чем мы действительно друг от друга отличаемся, остальное – наносное.

Вот только зачем кому-то понадобился такой сложный механизм? В чем его функция? В чем суть и результат его работы?

В чем Промысел?

Боюсь, что на этот вопрос не сможет ответить ни один специалист.

54. Винил

Первое, что я увидел, придя в себя, была длинная, многосуставчатая лапа, покрытая многочисленными жесткими волосками, которая тянулась из груды камней в мою сторону. Лапа оканчивалась загнутым черным когтем, который то и дело судорожно вздрагивал. Песок вокруг когтя был покрыт темной слизью.

Вскочив на ноги, я потянулся к плечу, но не нащупал на нем ремня дробовика. А ноги мои предательски подогнулись, и я упал на колени. Лапа, впрочем, никак не отреагировала на эти мои телодвижения. Кем бы ни был ее обладатель, ему повезло меньше, чем мне. Скорее всего он пытался выползти на поверхность, испуганный землетрясением. Но не успел.

Осознав, что могу не ждать сюрпризов от лапы, я повторил попытку встать на ноги. На этот раз я действовал медленно и осторожно, прислушиваясь к очагам боли и пытаюсь понять, насколько сильно пострадал. Больше всего болела левая часть груди, и я решил, что скорее всего у меня сломано ребро, а может, и два... Спина, как ни странно, не особенно беспокоила, зато здорово саднило щеку и при малейшем движении головой в ней что-то начинало болезненно пульсировать. Ну, и еще разбитые локти и колени, неприятные ощущения в области копчика и несильная, но резкая боль в правой лодыжке, когда на нее переносишь вес всего тела. Что ж, могло быть и хуже. Постанывая, я вытащил из чехла на поясе флягу и сделал два больших глотка. Теплая вода скользнула по иссушенной глотке, не принеся облегчения. Поболтав флягу, я на секунду задумался о том, имеет ли теперь смысл экономить оставшиеся несколько глотков, и решительно допил остатки.

И только тут до меня дошло, что невезучий обладатель когтистой лапы скорее всего не единственный, кому пришла в голову идея искать спасения на поверхности.

Пейзаж переменился радикально. Гладкая, как коленка, равнина теперь вздыбилась каменными плитами, как будто заскучавший Бог скинул со своего небесного стола кости домино. И хотя вокруг меня все было недвижно, я не мог поручиться, что за какой-нибудь

вставшей на попа каменной плитой не сидит голодная и крайне возбужденная недавними событиями тварь. Очень осторожно я подобрал два булыжника, но тут же положил их на место – ведь я и в лучшем состоянии не сумел бы проломить хитиновую броню местных сороконожек.

Спотыкаясь на каждом шагу, я двинулся в каменный лабиринт. К сожалению, у меня не было приятеля-карлика, который мог подсказать, в какую сторону идти¹³. Кроме того, я не знал, могу ли позвать Буги или Сабжа. Сомневаюсь, что насекомые, даже и гигантские, обладают слухом, но ведь они как-то чувствовали наши шаги по песку или камню. Значит, они воспринимают вибрацию? Тогда представляю, какой мерзкий копошащийся ад воцарился там, на глубине, после землетрясения. Но Сабж его не заметил, хотя почувствовал глубоко под землей озеро и тварей на его берегах. Но как они, способные услышать (или почувствовать) даже осторожные шаги по песку, оказались невосприимчивы к предвестникам землетрясения, какими бы эти предвестники ни были: шум, вибрация, электростатика?.. Не понимаю.

Я бродил меж камней около часа. По кругу. Пытаясь найти хотя бы намек на то, что Сабж и Буги живы. Единственным ориентиром для меня была темная стена гор, но я не собирался идти в ту сторону, не отыскав своих друзей. Ни одной твари, кроме невезучего обладателя мохнатой клешни, я так и не встретил. Невыносимо хотелось пить. Мысль о том, что буквально в паре километров отсюда может находиться источник воды, сводила с ума. Но не только это не давало мне покоя. Вот-вот должно было стемнеть – стремительно, как и положено в тропиках. Отыскать что-либо в лабиринте из камней и без того представлялось маловероятным, в темноте же такой шанс сводился к нулю. Кроме того, я с ужасом вспомнил о ночных хищниках, и это побудило меня продолжить упорные поиски. Если Сабж или Буги сильно пострадали, они станут легкой добычей. А если мне удастся их найти... впрочем, так далеко я не загадывал. Сначала надо найти их. Хотя бы для того, чтоб не остаться одному. Да-да, о себе я в тот момент тоже думал. Мне было страшно даже представить, что я останусь один в этой каменной ловушке ночью, без помощи Проводника и непробиваемой Буги. Без оружия. И без воды.

Я повернул в сторону гор, когда солнце, внезапно потемнев, начало стремительно сползать на частокор горизонता. Ни боль, ни жажда меня больше не беспокоили. Даже отчаяние и страх притупились. Все поглотила усталость. Абсолютная, всеобъемлющая усталость, пропитанная апатией, обезвоживанием, безнадежностью. В голове путались мысли, кажется, я начал бредить. Прекрасный, между прочим, способ уйти от всех тревог человеческих – когда ничего не остается, кроме как передвигать ноги, и лишь инстинкт самосохранения не дает упасть среди камней и закрыть глаза. А так хотелось... Черт побери, я даже передать не могу, насколько сильно мне хотелось лечь, закрыть голову руками, сжать веки и вырваться из лабиринта. Встать на гребаный снежный наст и больше никогда не оставлять следов.

Но я шел и шел, задевая плечами вздыбленные каменные плиты, спотыкаясь, проваливаясь в мелкие щели, обдирая кожу, хватая раскаленный воздух раскрытым ртом, почти ничего не видя, ничего не чувствуя, сотрясаясь от кашля и смеха. Да, я смеялся. У меня, наверное, срывало крышу. Я ни о чем не думал, ничего не сознавал, так было проще, и если меня тянуло смеяться, я смеялся.

Поставить ногу, оттолкнуться, поставить вторую, втянуть царапающий гортань воздух, оттолкнуться, вцепиться руками в камень, снова поставить ногу, выдохнуть, снова схватиться за камни, переждать сухой, рвущий легкие кашель, поставить вторую ногу. Снова и снова. Как виниловый диск, который заело. Эта картинка всплыла в моей голове, вцепилась в последние искры сознания. Шаг – оборот пластинки – вдох – оборот пластинки – шаг – оборот – выдох – оборот – кашель – игла съезжает по черному винилу к гладкой кайме

¹³ Намек на фантастический фильм Джима Хенсона «Лабиринт».

на краю диска, и все начинается снова, с самого начала: шаг – оборот – вдох – оборот...

Какая еще пластинка? Откуда пластинка?

Ну как же, как же, не так давно все это было, даже совсем недавно. В детстве же, в детдоме. Огромный ящик, закованный в поцарапанное дерево, и в нем – проигрыватель и радио. И стопка этих самых пластинок в потертых, иногда разошедшихся на местах сгибов бумажных конвертах. А внутри конверта были другие, из совсем тонкой бумаги, на которой, если согнуть, а потом разгладить, оставались белые прожилки. Только эти вторые конверты были не везде. Наверное, половина из них растерялась, а может, они изначально не ко всем пластинкам прилагались. Хотя скорее всего изначально-то как раз ко всем, чтоб не поцарапался винил. Но теперь, когда я переставлял ноги и втягивал в легкие песок кислорода, почти у половины пластинок этих вторых конвертов не было, и поэтому винил был потертый. Нет, не потертый, правильно говорить – затертый. Так вот, когда уже половина винила была затерта так, что игла все время соскакивала, меня начинал душить кашель. Винил был черным, да-да, я точно помню, винил был черным, по нему было неудобно идти из-за прорезанных дорожек, но ты-то шел, вспомни, это же совсем недавно было, в детдоме: ты переставлял ногу, а пластинка делала оборот, пропуская тебя в следующее незамкнутое кольцо спирали. Спираль – это дорожка, и когда идешь по ней, звучит музыка. Там, в деревянном ящике, в боках прорезаны круглые дыры, из них и должна раздаваться музыка, и она из них идет. Только ее трудно услышать, потому что в уши лупит какая-то обдолбанная драм-машина, какая-то закинутая драм-машина, какая-то улетевшая на хрен драм-машина. А ну-ка, что это может быть? Если не винил, если не просто винил, то что? Чем можно было так обкормить драм-машину, чтобы она забыла про такое понятие, как ритм, что она лупит и сбоят, и снова лупит, прямо в мозг, в деревянный ящик, под зеленую панель с фосфорными насечками радиоволн. Это какая-то кислота. Нет-нет, это хренов пейотль. А может ИТ-290? Помнишь такую штуку, помнишь, как ты блевал после ИТ-290? Стоп! Как это?! Чем тебя может тошнить, если все твоё тело состоит из вздыбленного винила? Нет, значит, это не ИТ-290, и не пейотль, не декседрин, не бензедрин, не метедрин. Эта хренова драм-машина закинулась ЛСД, парень. Да, мать твою, поэтому все так через задницу, и у лупов есть вкус и даже запах: вкус соли и запах пота. Но пот – это же вода, а воды нет и не было, и то, что тебе гнали про Великий Океан – все это лажа. Нет воды, нет, никогда не было и никогда не будет, все это лажа, лажа, лажа, лажа, лажа, лажа, лажа, лажа, лажа. И это не ЛСД, это не ЛСД. Наверное, это...

55. Мы отнесем ее в горы

Я не смог найти ни Сабжа, ни Буги, зато Сабж смог найти и Буги и меня. Потом он рассказал, что бегал в растерянности, следя за моими передвижениями, когда я то приближался к ним, то отдалялся, нарезая круги по лабиринту. Время от времени он кричал мне, но я ничего не слышал, бешеный пульс лупцевал мой череп, заглушая все остальные звуки. И Сабж растерялся: то ли побежать за мной и вытащить из этого лабиринта, но тогда бы пришлось бросить Буги, то ли оставаться на месте, но тогда бы я подох там, среди камней, от усталости и обезвоживания. Сабж чувствовал эти мои усталость и обезвоживание, да. Но он бы не смог тащить на себе Буги и не мог ее оставить. Вот он и метался, пока я сам не вышел к нему, весь в крови и пыли, смеясь и выкрикивая что-то о своем детстве, о детдоме, о пластинках. Сабж подумал тогда, что я свихнулся окончательно, но я пришел в себя уже к утру. Сам, потому что у Сабжа не было сил вытаскивать меня из бездны, в которую рухнуло мое сознание.

Я пришел в себя, и сразу вернулась боль, но эта физическая боль означала жизнь. И глушила другую, судорожную боль, сжавшую мое сердце, когда я увидел Буги. Она была еще жива, я успел застать ее живой, но в сознание уже не приходила. Ее череп был проломлен в двух местах, мозг поврежден, и даже если бы у Сабжа оставались силы, он не смог бы спасти ее. Смерть уже положила глаз на эту девчонку, вот и все.

Буги не мучилась, не чувствовала боли, не приходила в сознание. Просто перестала дышать. Просто в какой-то момент перестала дышать.

– Мы отнесем ее в горы, – сказал Сабж, – здесь нельзя хоронить.

Я не ответил. Я катался по камням и выл.

56. Могила

Вот так закончилась наша с Буги история. Наверное, должен был быть какой-то хитрый поворот сюжета, появление какого-то *deus ex machina*. В литературе, в художественной литературе, должно быть именно так. И это правильно. А моя рукопись, это, конечно, художественная литература, но, наверное, не очень хорошая. Потому что не было никаких богов и никаких машин. Там, в предгорьях. Была Буги с проломленным черепом и серо-зелеными пятнами на лице. Знаете, что это за пятна? Это мозг, такого цвета наш мозг, человеческий.

Мы, люди, способны на многое. Мы можем ненавидеть, убивать, забывать о нерожденных детях, не прощать и снова ненавидеть. А еще любить, быть нежными, доверчивыми, справедливыми, слабыми. Мы очень многое можем, правда. Но мы не умеем оставаться равнодушными. Что бы там ни происходило, какими бы циниками мы ни были – равнодушию так и не научились. За каменными лицами, за картонными масками, за зеркальными солнцезащитными очками мы можем прятать свое неравнодушие, но жить равнодушием – не умеем. Я даже больше скажу – менее всего равнодушны самые что ни на есть прожженные циники. Наверное, потому, что изо всех сил стараются не показывать свою любовь и свою ненависть. Все наши отношения, все наши поступки и дела обусловлены и характеризуются степенью отдаленности от того, что нам не дано, – от равнодушия. Это тоже парадокс, еще один парадокс. Недаром ведь говорят, что от любви до ненависти один шаг, а про равнодушие ничего не сказано.

Так вот, мы с Буги любили друг друга и ненавидели. Такова была наша жизнь.

А когда вдруг не оставалось возможности любить или ненавидеть – мы плакали, выли, катались по земле. Мы учились новому чувству, которое рождается, когда умирают на твоих глазах и ненависть и любовь. Чувству бессилия.

Я не знаю, что такое смерть. Все еще не знаю, хотя скоро у меня будет шанс это узнать. И там, за гранью, или даже на самой грани я наконец смогу понять главное – стоила ли того наша жизнь? Стоила ли она нашей любви, нашей ненависти, нашего бессилия. А если нет, тогда перед воротами небесного Освенцима я, пожалуй, задержусь. У меня будет пара вопросов к тем, кто там сидит. Пара вопросов, без ответов на которые нет и не будет мне покоя ни на этом, ни на том свете. Потому что я не умею быть равнодушным. Потому что я – человек.

Мы похоронили Буги у подножия ровной каменной стены. Наверное, эта стена образовалась давно, в результате такого же землетрясения, она выглядела так, как будто кто-то отрубил от нее кусок скалы исполинским тесаком. Так вот, у этой стены в камне была трещина глубиной метра полтора, а ее длины хватило, чтобы Буги легла туда с согнутыми ногами и осталось еще немного места. Я попытался разогнуть ей ноги, но не смог – тело Буги уже окостенело, несмотря на жару. Мы натащали камней и сложили их сверху, чтобы получился холм. Вокруг не было никаких ориентиров, и тогда мы прикатали к могиле Буги огромный валун, похожий на бензобак мотоцикла. Вообще-то Буги терпеть не могла мотоциклы, но вокруг не нашлось ничего более подходящего. А место было отличное. Я догадываюсь, что покойнику, в общем-то, без разницы, где его похоронят, это важнее для живых. А в свете того, что я услышал позже от Полковника, так вообще смешно о таком рассуждать. И все равно, место, где мы похоронили Буги, было отличное. Отвесная серая стена над ступенчатыми подступами к предгорьям Дракона. Ступени покрыты очень светлым, почти белым песком и темной каменной крошкой. По утрам солнце срывается со скалы в капризное небо круга третьего и уходит туда, где за кругами и расстояниями стоят

на заставе бетонные плиты кордона.

Если вы читаете эту рукопись, значит, Полковник был прав, и того места уже нет. Но это не так уж важно. Оно было, честное слово, – именно таким, каким я его описал.

И, разумеется, это была Нулевая.

57. Груз

Мы сидели около могилы. Я курил, Сабж, набрав горсть мелкого гравия, кидал его на песок. Иногда камень отскакивал и делал несколько «блинов». Как по воде.

– Макс, а ты знаешь, что кузнечики не слышат звука взрывающегося снаряда? – спросил Сабж, глядя в сторону каменного лабиринта.

Я посмотрел сначала на него, потом на лабиринт, потом снова на него. Я не догонял – километров на двадцать вокруг нас не было ни одного кузнечика.

– Ну да. Это вроде как инфразвук для них.

– Ага.

– И что?

– Да нет, ничего, просто вспомнил. Что будем делать с грузом, Макс?

О, черт! Груз! Когда мы отправлялись в пустыню, тубус с грузом висел на Сабже. Теперь его на нем не было. И на Буги не было.

– Твою мать! Гд е груз, Сабж?

– Там, – сказал Сабж, кивая на лабиринт. – У самого края. Но глубоко, метров пять, наверное. А сверху – кусок базальта весом в пять тонн. Может, больше.

Мы снова спустились к лабиринту. Сабж впереди, я прикрывал, взяв дробовик Буги. Солнце начало медленно ползти вниз – я и не заметил, как пролетел этот день. Сабж показал на огромный кусок камня, вывороченный из земли. Просто камень, только очень большой. Он выглядел как каменная константа, казалось, его невозможно сдвинуть с места.

– Может, попробуешь его расколоть? Как ту стену в доме шляпников? – спросил я.

– Я устал Макс, – пожал плечами Сабж, – устал как собака. А даже если бы и не устал... Ты представляешь себе, что такое пять тонн базальта? Нам не достать груз.

– Выходит, трип накрылся?

– Выходит так.

...Лежать головой на каменном могильном холмике было неудобно. Я выдержал минут десять. Сабж – немногим дольше. Небо было синим, с зелеными пятнами там, где четверть часа назад село солнце. А вокруг луны оно было просто зеленым.

– Слушай, у нас же куча времени в запасе, да? Можно просидеть тут неделю. Сначала ты расколешь эту глыбу, потом понемножку будешь дробить.

Сабж отрицательно покачал головой.

– Нереально?

Он кивнул, подобрал с земли плоский камень и попробовал запустить «блин». Камень зарылся в песок.

– Почему?

– Потому что даже если ты сможешь выгрести пять тонн гравия, при этом устроишь столько шума, что соберется весь местный террариум. Они, конечно, сейчас все пришибленные, но за неделю придут в себя. Макс, это невозможно. Ты не думай, я уже все варианты перебрал. Вдвоем нам не справиться. И еще: я не знаю, что это был за груз, но когда сверху падает глыба весом в пять тонн – вряд ли что-то останется.

– Хреново. Но ты же не уверен, что груз поврежден.

– Не уверен, ну и что? Достать его вдвоем мы все равно не сможем. Я вижу только один выход – идти на Территорию Штиля, а потом вернуться сюда с подмогой.

– А если на Территории Штиля нет ни одной группы?

– Ну... есть же инженеры.

– Инженеры? Да ну...

– Других вариантов нет.

Зеленые пятна на горизонте растворились в синем, только луна продолжала тащить свой шлейф, похожая на грузовик-дальнобойщик.

– К тому же нам не хватит жратвы на неделю, – подытожил Сабж.

Я снова лег головой на могильный холмик. Потом сполз и подсунул под нее полупустой бурдюк из-под воды.

– Выходим утром. Ты как?

– В норме, – ответил Сабж. – А ты?

– Хрен знает. Утром мне казалось, что пара ребер сломано. А сейчас вроде бы все нормально.

– Тогда выходим.

58. Отель у погибшей метрополии

Весь следующий день мы взбирались по зажатой между двумя стенами базальта дороге. Это оказалось нелегко. Тропа и раньше была не ахти как проходима, а теперь нам еще то и дело приходилось перебираться через завалы. К полудню ни у меня, ни у Сабжа уже не осталось сил. Мы остановились, перекусили остатками вяленого мяса и пошли дальше. Ни одной живой твари нам не повстречалось, как, впрочем, и мертвой. Наверное, всех разогнало землетрясение. К вечеру мы добрались до Глаза Дракона. Вернее, до того, что от него осталось.

Глаз Дракона – это древняя крепость, которую построили еще в те времена, когда мир не был поделен на метрополии. Говорят, когда-то в ней скрывался Коперник. Это тот парень, который первый заявил о том, что Земля на самом деле плоская, а не круглая. Правда, он думал, что она плывет прямо по Океану, отчего на Земле случаются наводнения. Коперника за это сожгли. Если вам, кроме этой моей рукописи, попал в руки информационный банк Полковника, раскрутите поиск по двум определяющим словам: «Коперник» и «Инквизиция». Пламенные были времена.

Потом эту крепость часто использовали какие-нибудь повстанцы: хунвэйбины, христианские стрелки, Змеиный глаз. Последней в крепости пыталась отсидеться боевая группировка марксистского объединения «Октябрь». Им не повезло. Когда те, кто выжил во время осады, решили уйти в пещеры, окрестности Глаза Дракона обработали вакуумными бомбами. Знаете, что такое вакуумная бомба? Тоже занятная штука, разработанная специально для труднодоступных мест типа пещер, катакомб и тому подобного. При ее взрыве на огромные пространства распространяется большое количество аэрозоля. Он воспламеняется и выжигает все вокруг, оставляя после себя вакуум. Происходит резкий перепад давления, отчего каменные тверди сжимаются. И тех, кто между этими твердями в тот момент находится, просто перетирает. Так произошло и с последними повстанцами «Октября». Наверное. Вообще-то их никто потом не искал.

В общем, после всех этих повстанцев, беглых ученых, инквизиций и метателей вакуумных бомб от Глаза Дракона мало что осталось. Но перед самой войной – еще один штрих к картине о тщете устремлений человеческих – кто-то вложил немалые деньги в восстановление крепости и создание «Музея беглеца». Его экспозиция была поистине огромна и включала множество материалов и экспонатов, так или иначе связанных с побегами или восстаниями. От замка Иф до Алькатраса, от Финского залива до войны в заливе. К сожалению, просуществовал музей всего три месяца. Потом на метрополию Нагасаки сбросили бомбы. Но само нововозведенное здание Глаза Дракона при бомбежках практически не пострадало, наверное потому, что на хрен никому было не нужно. Времена горных крепостей канули в Лету еще в конце девятнадцатого века. А с момента общемировой известности местечка Ипр и тем более. Наступило время технологий, техногенеза, техношовинизма и техновойн. Так что нам, сталкерам, крепость досталась в идеальном состоянии. Этакий «Отель у погибшей метрополии». Правда, Нулевая занимает

только правое крыло крепости, но мы никогда не были особенно придирчивыми клиентами.

– Смотри-ка, стоит, – удивленно прогнусавил Сабж, кивая в сторону упирающейся в низкие облака крепости.

Его продуло. Вообще-то, в горах, особенно на таких высотах, положено лежать снегу и стоять дикому морозу. Но на Драконе никогда не бывало особенно холодно, разве что ветер налетит, потреплет и свалит по своим делам. Вот Сабжа и потрепало. Мы с ним закутались, как могли, нацепив все тряпье, что у нас при себе было. Даже какое-то подобие шапок соорудили, распоров бурдюк. После раскаленной пустыни здесь было особенно неуютно. Кроме того, тишина начинала действовать на нервы, а все попытки начать разговор оканчивались полным провалом. Слова звучали неуместно. Пытаясь что-то сказать, я чувствовал себя по-настоящему жалким. Вот уж не думал, что мне когда-нибудь придется искать тему для разговора с Сабжем.

Это не значит, что все время подъема к Глазу Дракона я думал о Буги. Если честно, я вообще о ней не думал. После первого взрыва эмоций пришло отупение. Как будто в ту часть мозга, которая отвечает за горе, вогнали шприц новокаина. А вот Сабж переживал, я это видел, и поэтому мне казалось, что я какая-то бесчувственная свинья. На самом деле это было не так, просто всему свое время. Может, я и бесчувственнее, чем Сабж, не знаю. Но когда мы поднимались вверх, к древней крепости повстанцев, мне не думалось о Буги. Больше того, мне даже хотелось, чтобы в голову пришло хоть что-то связанное с ней, мне казалось – да и сейчас кажется – что так было бы правильно. Но я, видимо, не совсем правильный человек (учтите это, если будете по мне судить обо всем человечестве). К тому же я был уже не тот Макс, который шел с Буги до ее смерти. Который какое-то время любил ее и какое-то время ненавидел. Да, и еще боялся. Там, перебираясь через завалы, поскользываясь на россыпях мелкого гравия, спотыкаясь об пошедший неровными ступенями асфальт – там была только часть меня, и она оставалась неизменной. Но не была целым. А все остальное было пустотой. И в этой пустоте существовала Буги, горе, защитные реакции мозга, не дававшие мне думать о случившемся, воспоминания, которые так или иначе касались наших с Буги отношений. Больше всего это состояние напоминало плотину, которая пытается сдержать все пребывающую воду с одной стороны, и поэтому с другой – ни капли. Но рано или поздно эту плотину прорвет, как в песне у «Led Zeppelin», которые, правда, пели совсем о другом.

59. Плотина

Я не очень любил «Led Zeppelin». Я вообще не слишком последователен в своих пристрастиях. В один и тот же день, да что там, за каких-то пару часов могу переключаться с блюза на хардкор, с рокабилли на соул, с панк-рока на прогрессив. Запросто, мне это нравится. Просто чаще всего я слушаю билли-музыку, но это ничего не меняет. Диски то появляются в моей коллекции, то исчезают – я ими никогда не дорожил и не пытался собрать коллекцию. Наверное, самое большое количество дисков набралось у меня в Самерсене. Штук двести, может, даже больше. Тем более что многие группы, альбомы которых я скупал оптом, потому что на какое-то время вдруг начинал прокачиваться от их музыки, вскоре совершенно пропадали из репертуара моего плеера. Что-то приходит, что-то уходит. Так же и с дисками «Led Zeppelin»: я их покупал, терял, забывал про них, выбрасывал, когда они портились. Правда, на стекле моего дредноута какое-то время висела обложка первого диска, та, черно-белая с пылающим цеппелином. Но потом она куда-то подевалась. Когда нужно было, я просто шел и покупал. Я знаю много отличных музыкальных магазинов по всему миру – от Небраски до Кейптауна. Иногда, когда мне осточертевало где-то жить и хотелось перебраться в другое место, я нарезал себе подборку любимых песен, а все скопившиеся диски оставлял в квартире. Может, кто-нибудь из новых жильцов теперь слушает их. Подборки хватало на какое-то время, потом диск приходил в негодность или мне надоедало слушать одно и то же. Тогда я открывал бардачок или шурувал на полке у заднего стекла

ЗИСа. Как правило, без определенной цели. И если ничего не подходило под настроение, отправлялся в магазин и покупал новые диски. Так вот, «Led Zeppelin-3» я покупал слишком часто для того, кто не любит «цеппелинов». Сам не знаю, почему: не могу сказать, что считаю этот альбом круче остальных. Да и вообще нет ни одной группы, у которой мне нравились бы все композиции, на диске всегда найдутся трек или два, которые кажутся полным дерьмом. Со временем, правда, некоторые из них становятся любимыми. Это называется – распробовать фишку. И у «Led Zeppelin-3» мне далеко не все нравится. Просто я часто покупал этот диск.

Мне не пришлось побывать на концерте «цеппелинов». Я родился в 1976 году, а они правили миром до 1978-го. Правда, однажды в Токио я был на концерте Планта. Он представлял свой новый проект этнической музыки. Планта ведь всегда тяготел к этнике. Концерт мне понравился, но это были не «Led Zeppelin». Да, я не любил саму банду, но был бы не прочь постоять у сцены, глядя, как Пейдж с помощью скрипичного смычка превращает гитарную музыку в психоделическое действо. Я видел, как он это делает, у меня был DVD с записью такого концерта. Это было по-настоящему круто и стоило того, чтобы увидеть вживую. Но мне не повезло. А еще я читал книгу Мартина Миллера под названием «Сюзи, “Лед Зеппелин” и я», про то, как «цеппелины» приезжали с концертом в Глазго. В этой книге тоже описан момент, как в песне «Очумелый и ошалелый» Пейдж некоторое время импровизирует на гитаре скрипичным смычком.

Да, я должен был думать о Буги, это было бы правильно. Но я не думал о ней, во мне выросла плотина, и, если честно, я не возражал. Я думал о «цеппелинах». Потом о времени. Потом о месте.

Вообще, люди очень часто думают, что родились не там, или не тогда, или не в той семье, или не того пола. Я знал девчонку, которая однажды впала в депрессию из-за того, что родители не разрешали ей красить волосы в черный цвет. У той девчонки был настоящий комплекс, ей казалось, что все воспринимают ее как блондинку и поэтому только и думают, как завалить в постель (что неудивительно, потому что кроме светлых волос у нее была симпатичная мордашка и прекрасная фигура). Так вот, она считала, что всем наплевать, какой она человек, что у нее на душе, о чем она думает, и мужчины видят только ее светлые волосы, аппетитную попку и курносый носик. Она была совершенно права. Именно так и было, особенно в первые минуты, потому что трудно было не думать о том, как бы завалить эту девчонку в постель. Но она реально из-за этого парилась. Она была умная, сообразительная – живое опровержение мифа о блондинках. Теперь она работает ведущей в программе новостей. Не помню, на каком канале. Однажды я встретил ее: она очень изменилась, повзрослела, малость пополнела, стала проще и больше не парилась из-за всяких глупостей. У нее был муж, которого она, кажется, любила, и которого каждый раз распирало от гордости, когда они шли вдвоем по улице. Потому что одно в этой повзрослевшей девчонке осталось прежним: глядя на нее, невозможно было не думать о том, как бы завалить ее в постель. Но у нас с ней никогда ничего не было. Мне казалось нечестным пользоваться тем, что девчонка, считая тебя близким другом, запросто выкладывает о себе такие вещи. Правда, однажды я сделал попытку сблизиться, но тормознул на заносе. Она потом призналась, что в общем-то была не против, я ей нравился. Я сказал, что она мне тоже нравилась. Это было в кафе, на соседнем стуле дрыгал ногами и вертелся юлой ее пацан, уминая мороженое. У пацана были светлые волосы, но не такие, как у его матери в молодости.

Когда это было? Лет пять назад... Я зачем-то выяснил телефон этой крутой телеведущей, позвонил, долго объяснял, кто я такой, и когда она поняла и обрадовалась – зачем-то назначил встречу. Все, что можно было о ней узнать, я уже раскопал в Интернете. Чего, собственно, я хотел от нашей встречи? Ведь, как ни странно, я даже не думал тогда о том, чтобы переспать с нею. То есть я, конечно, думал, что это круто – оказаться в постели с такой женщиной. Я же говорил, о ней невозможно было думать иначе. Но я не предполагал, что это возможно со мной. В каком-то смысле я так и остался пацаном, тупо уставившимся

на экран с пикирующим «Юнкерсом».

Думаю, на самом деле все проще и одновременно сложнее. Я тогда уже всюду ходил за кордон, и моя жизнь не имела ничего общего с жизнью обычного человека. Это было круто, в первую очередь, потому, что я ни к чему не был привязан. И меня устраивала такая жизнь. Но иногда человека, вопреки тому, что он предпочитает, начинает тянуть к противоположному. Когда мы дружили с той девчонкой в детстве, будущего еще не существовало. Теперь я точно знаю, что не смог бы всю жизнь просидеть на одном месте, делая карьеру и рассчитывая семейный бюджет. Я понял это за два года ссылки в Самерсене. Но... я не могу не признать, что какие-то плюсы в той, другой жизни были. Нет, не дом, конечно, и тем более не карьера. И даже не стабильность. А скорее что-то на уровне символов: очаг, место, которое необходимо защищать, куда можно и нужно возвращаться. И те, кого надо защищать и к кому можно вернуться. Сабж тогда, в бизоньем заповеднике, был чертовски прав.

Так вот, увидев однажды на экране повзрослевшую девчонку, с которой я когда-то дружил в детстве, я вдруг очень четко это ощутил. А ведь я никогда не любил ее, по крайней мере, мне так кажется. Но именно она для меня олицетворяла основы человеческого мироздания, которых была лишена моя жизнь и которых мне не хватало. Дом – вот правильное слово. Не помещение под крышей, а само понятие.

Я не сразу это осознал. А когда осознал, вспомнил о срочных делах и уехал из ее города. И больше никогда туда не возвращался.

Мне нравился тот Макс, каким я был.

И наша дружба с Буги. С неким намеком на постоянство. Тот факт, что между нами не было секса, немаловажен. Это была именно дружба.

Вообще-то среди сталкеров редко встречаются пары. Это не приветствуется. Но Буги была дочерью Полковника, и ей многое сходило с рук. Да, думаю, что если и было что-то стабильное в моей жизни, так это Буги – сначала наша дружба, а потом взаимная ненависть. То есть я был для нее не просто волос в супе. И для меня было очень важно, что я кому-то нужен, причем не как сталкер, а сам по себе.

И наверное, мои отношения с Мартой омрачало то, что я не мог принять их полностью. Подспудно я как бы отталкивался от них, понимая, что рано или поздно мне придется сорваться с места.

Но я ни о чем таком не думал, пока шел к Глазу Дракона. Мне тогда пришло в голову, что неплохо было бы послушать «Черного пса». И я даже затянул под себя начальное «А-а-а». Но не вслух, потому что рядом шел Сабж, и я видел, как иногда лицо его сводит судорогой.

Позже, уже сидя над этой рукописью, я вдруг понял, что тогда не ощущал своей вины в случившемся. А вот Сабж винил во всем только себя. Я его понимаю – за безопасность группы, за исключением прямого контакта с представителями вечно голодной фауны Эпицентра, теоретически отвечает Проводник. Но ведь есть вещи, которые невозможно предвидеть, даже если у тебя есть особый дар, жизненный опыт и все такое прочее. И об этом я тоже думал, пока мы поднимались к Глазу Дракона. Я думал о многом, и плотина, перегородившая мой мозг на две части, уверенно сдерживала натиск с той, другой стороны.

Дорога петляла. Подъем стал круче, но зато реже попадались серьезные последствия землетрясения. По какой-то неизвестной мне причине оно не причинило заметного вреда высокогорным районам Дракона.

Глаз Дракона то вырастал перед нами, и тогда казалось, что до него рукой подать, то исчезал за каким-нибудь выступом скалы, и тогда я думал, что мы никогда до него не дойдем. Горная дорога виляла, словно стареющая стриптизерша задницей, и это начинало действовать на нервы. Но мы кое-как продвигались вперед, молча и не глядя друг на друга. Я начал терять счет времени, и черный пес больше не был в моей голове. Я просто тупо отмечал причудливые разрезы скальных пород, узкие, но глубокие щели поперек дороги, огромный круглый валун, упавший на пути, словно спившийся Шалтай-болтай. Я начал

уставать. Сабж сипел, лицо его пошло пятнами.

На самом деле так бывает всегда – горная дорога выматывает и играет на нервах, как ей захочется. Никогда нельзя точно сказать, сколько уже пройдено и сколько осталось. Становясь видимой, цель путешествия сбивает с толку, потому что кажется ближе, чем есть на самом деле.

Так что, когда мы действительно вышли к крепости, я не сразу поверил своим глазам. А когда поверил, сил на радость у меня уже не осталось.

Я не знаю, кто и когда построил эту крепость. Я даже не знаю, с какой целью в труднодоступном по тем временам районе кому-то взбрело в голову возводить этого каменного гиганта. Единственное, за что я благодарен богатому дельцу, вложившему деньги в реставрацию Глаза Дракона, – так это за то, что он сделал все возможное, дабы новодел был максимально аутентичен. Никаких готических псевдобашен с остроконечными шпилями, горгулий, облепивших водостоки, ажурных плюх над арками окон и дверных проемов. Глаз Дракона был примитивен и пугающе лаконичен. Четыре огромные круглые башни из грубо отесанного камня, множество башенок поменьше, прочные, неприступные на первый взгляд стены, неровный оскал нижней челюсти по верху башен и стен, вгрызающийся в пронзительно голубое небо. Башни стоят неровным квадратом, и потому никакой логической, расслабляющей взгляд симметрии нет. Все это в каких-то нелепых масштабах, и к тому же как бы случайно вырублено в скале. Большая часть крепости, кстати, находится внутри горы. Но я там никогда не был. Все знают, что соваться туда не следует, а Проводники делают страшные глаза и никогда не говорят, почему. Нулевая занимает часть одной из угловых башен. Мы медленно доползаем до нее, ныряем в сырой полумрак и падаем на тюфяки. Все.

60. Человечество и человеческое

Буги сидела в знакомом старом кресле, которое кочевало из одной ее квартиры в другую. Сидела в знакомой черной майке, выгодно подчеркивающей ее небольшие, но упругие и острые груди. В джинсах с драными коленками и споротыми лейблами. С кулоном «FAKE YOU» на черном шнурке. Я видел ее сквозь слегка заиндевшее оконное стекло, а она смотрела в другую сторону. Вокруг меня сыпал белыми клочьями опостылевший снег, и каким-то краем сознания я следил за тем, чтобы не провалиться и устоять на корке наста. Это было нелегко. Но возможно.

Дом, похожий на сторожку лесника, выплыл из снежной завети, когда я, то проваливаясь, то снова выбираясь на наст, бесцельно брел по *тому самому* снежному полю. Я сразу понял, что это *ее* дом, потому что чуть левее, пряча кузовные рога, стоял утонувший колесами в снегу лесовоз.

Но у дома не было дверей, только это окно, которое – *я знал* – не открывалось ни внутрь, ни наружу. Поэтому я стоял, глядя на Буги, и не знал, позвать ее, или лучше развернуться и уйти назад, в белый космос заснеженного поля. Почему-то мне не хватало мужества ни на то, ни на другое.

Неожиданно Буги посмотрела на меня в упор и сказала:

– Моя проблема, братик, заключается в том, что ненавидеть легко на расстоянии. Это дает право на любые суждения и ошибки. А когда расстояние исчезает, все становится очевиднее и... глупее, что ли. И оказывается, что ненавидишь не кого-то, а свою собственную слабость, свое бессилие изменить то, что уже произошло. В этом вся фишка. А ты... просто оказался дураком, согласишься. По большому счету – я это только потом поняла – я ненавидела твою любовь ко мне. Не ту, которую я испытала к этому придурку Боно, другую, но какая на хрен разница? Ты не сделал бы того, что сделал, не будь этой любви. Вот в чем беда, Макс. Ненависть никогда не существует обособленно, как факт, она всегда рикошетит в тебя самого.

– Я хочу войти, Буги, – сказал я, – мне чертовски холодно.

– Мне тоже, – сказала Буги, – но ты хотя бы жив.

Что-то невероятно холодное обожгло мои щеки. Я не сразу понял, что это замерзающие на морозе слезы. Стерев их со щек, я долго разглядывал свои руки. Помните тот момент в фильме «Солдат», когда он сидит в трубе, выброшенный обществом космических бомжей, вокруг кружит ураганный ветер, а по его щекам текут слезы. Он точно так же тогда вытер слезы и удивленно разглядывал их. Только его слезы не замерзали, превращаясь в лед.

Когда я поднял глаза, никакого дома уже не было, лишь стоял, все глубже утопая в снегу, старый лесовоз. А вокруг снова было снежное поле без конца и края. И ни одного следа вокруг, даже там, куда я проваливался, не удержавшись на насте. То ли снегопад успел все засыпать, то ли следов в этом белом мире не существовало по определению. Как и ориентиров. И мне показалось, а может быть, я *понял* – что не имеет никакого значения, куда идти. Особенно когда ты один, и нигде во вселенной нет человека, на чье тепло ты можешь рассчитывать и с кем готов поделиться своим.

И мне вдруг стало так по-детски пронзительно страшно, что я не выдержал и заорал во все горло, надеясь вызвать хотя бы эхо в этой белой пустоте...

* * *

Сабж тряс меня за плечи и что-то говорил. Я медленно оторвал голову от подушки. Было темно и холодно.

– Ты так заорал, что я чуть не обделался, – сказал Сабж, падая обратно на свой тюфяк. – Снятся кошмары?

– Нет. Буги. И еще кое-что.

Сабж очень долго молчал. Потом в темноте чиркнула спичка и затеплилась искра самокрутки. Я тоже сунул руку в кيسет, достал полурассыпавшуюся папиросу, закурил.

– Знаешь, – сказала темнота голосом Проводника, – я, если честно, никогда ее особенно не любил. Она была... какая-то слишком настоящая. Это в ней и притягивало. Но, как я ни старался, сблизиться с ней на все сто не получалось. Это вообще никому не удавалось, даже, по-моему, Полковнику. А вы с ней много лет были вместе. Как ты смог этого добиться?

– Хрен знает. Наверное, я просто не парился по этому поводу, все получилось само собой. Однажды сорвался один из трипов, пришлось уносить ноги с точки. Группа была из шести человек, мы разбежались по машинам парами. И я оказался с Буги. Я тогда жил в Токио, она сказала, что давно присматривает там квартиру... Ну, короче, мы рванули ко мне... В общем, все как обычно, только без множественных половых извращений.

Сабж усмехнулся в темноте.

– Клевое выражение. Прикинь... Потерпевшему были нанесены множественные половые извращения.

Мы немного натужно посмеялись, но стало легче.

– Ну а что потом произошло?

– Между нами? Это долгая история. Если в двух словах... – Я вдруг очень ярко вспомнил только что приснившийся сон. – Если в двух словах, то я был идиотом и любил ее, как сестру, а она была идиоткой и любила меня, как брата. При этом нам обоим было насрать на человечество и человеческое. Нас просто перло от самой жизни, от того, как мы живем. А потом... Ну, может, мы повзрослели, а может, это закон такой гребаный, только мы оба в какой-то момент вписались и в человечество, и в человеческое. И оказалось... что мы к этому не готовы.

– Круто... Ладно, завтра рано выходим, давай спать.

Искра упала на пол, рассыпалась на множество мелких огоньков и погасла. Сабж заворочался на своем тюфяке, и через несколько минут его дыхание стало ровным. Я докурил самокрутку и тоже закрыл глаза. В ту ночь мне больше ничего не приснилось, а заснеженное поле с тех пор не снилось никогда.

61. Камни и трава

Рано утром выйти не удалось. На рассвете резко похолодало, подул тяжелый, как промокший плащ, ветер, а потом хляби небесные разверзлись и открыли все краны, какие только были в наличии там, наверху. Вода падала стеной, не размениваясь на такие мелочи, как отдельные капли. Окрестности Глаза Дракона в течение четверти часа превратились в озеро землистого цвета. Мы наскоро перекусили все тем же вяленным мясом неизвестного происхождения и с трудом затащили тюфяки на второй этаж по узкой винтовой лестнице, змеей обвивавшей каменный столб. По ней можно было передвигаться только в одиночку – видимо, она была задумана так специально, чтобы защитники крепости могли сверху поливать захватчиков кипящей смолой, кидать на них камни или хотя бы пинать их ногами.

– Твою же мать, – задыхаясь, выругался Сабж, сбрасывая тюфяк на каменный пол, – да уж, придуркам, которые штурмовали эту крепость, не позавидуешь.

– А что, такие были?

– Ну, конечно. Из кольца Дракона существовало только два выхода – по какому-то там тракту на севере и через этот перевал. Какой дурак от такого куска откажется? Так что терки тут случались постоянно, тем более что где-то поблизости проходила условная граница Татаро-Монгольского каганата. Кстати, приколы в том, что если из кольца Дракона вело две дороги, ведущих *внутрь* кольца было три. Третья – по реке, не помню ее названия. Сейчас она, понятно, высохла или под землю ушла. А тогда была вполне судоходна, но с таким быстрым течением, что по ней можно было только в одну сторону идти. Это мне Полковник рассказывал.

Дождь не только не утихал, он становился все сильнее. Он ломился в стены крепости, как будто это не вода, а души всех воинов каганата вернулись штурмовать вражескую твердыню.

– Если так пойдет, – Сабж кивнул на лужу, скапливающуюся под окном, – то скоро мы будем иметь возможность сплавляться отсюда. Только не в ту сторону. И при этом, как ни парадоксально, у нас появились серьезные проблемы с водой.

И правда, проблема питьевой воды становилась весьма насущной. В крепости был небольшой запас. Но даже если удастся каким-то образом взять его с собой, на переход через перевал все равно может не хватить. Единственная Нулевая между Глазом Дракона и низиной по ту сторону хребта располагалась на открытом склоне чуть в стороне от дороги. Вряд ли после такого ливня от Нулевой останется что-то кроме голых камней. А пополнить запасы в местных источниках представлялось сомнительным. Все ручьи и горные речушки наверняка вышли из берегов и их воды перемешалось, а вкупе с дождевой (отнюдь не экологически чистой) это ничего хорошего не обещало.

– Что будем делать? – спросил я, сплевывая густую, клейкую слюну.

– Пока что ждать, – пожал плечами Сабж.

– Я имею в виду воду.

– Ну... Есть одно место, куда ливень не доберется, но, честно говоря, я бы предпочел это дело лишний раз обкашлять и без особой нужды туда не лезть.

– Воды на переход не хватит. Набрать ее тоже негде.

– Я в курсе. Думаю.

Времени на размышления хватало. Дождь не прекращался и лишь немного ослабел, став обычным ливнем. Мы успели спасти с первого этажа короб с продуктами и большой пластиковый пакет с вещами. Когда я спускался туда в третий раз, надеясь урвать у непогоды немного дров, чтобы наконец поесть чего-нибудь горячего, оказалось, что первый этаж по колено затоплен водой. Мне все-таки удалось набрать с верха поленицы немного сухих деревяшек, и мы с Сабжем занялись приготовлением обеда. В этот день все равно никуда идти нельзя было – мы бы не успели добраться к следующей Нулевой до наступления темноты.

– Знаешь, что меня действительно беспокоит, – сказал Сабж, вяло ковыряя пластиковой

вилкой в бумажной тарелке. – Если первый этаж затопило по колено, то подвалы наверняка залило полностью.

– Ну да, – подтвердил я, начиная догадываться, что он имеет в виду. – Ты думаешь, что те, кто там живет...

– Уверен.

Я отложил тарелку с удивительно безвкусным мясом. В Нулевой не оказалось ни специй, ни соли, а кисловатые корешки какого-то растения, которыми мы попытались сдобрить пищу, ничего не изменили. И все же это была первая горячая еда за двое суток, и мы упрямо жевали ее – кто знает, как обстоит дело с дровами на ближайших Нулевых.

Взяв дробовик, я подошел к окну и осторожно выглянул. Живых тварей опасаться не приходилось, но если оголодавший монстр решит прыгнуть в окно и мы снимем его на лету, стремительно холодеющий труп может причинить массу неприятностей.

– Зря стараешься, – сказал Сабж, – ее нельзя увидеть.

– Не понял.

– Мимикрия. Идеальная. Кожный покров не просто перенимает цвет окружающих предметов, но еще и меняет свою плотность и очертания. Капанта настолько сливается с окружающим ландшафтом, что пока она не начнет двигаться, ее не заметишь. А двигается она, только когда атакует.

К вечеру дождь стих. Влажный воздух зябко лип к телу. Наступало странное время – в этих практически лишенных сумерек широтах воздух до последнего удерживает свет, лишь слегка, почти незаметно вибрируя намеком на синеву ближе к тому моменту, когда солнце падает за горизонт.

– Интересно, а как получается, что Солнце не остывает в Океане, когда проходит под Землей? – спросил я. В окно периодически залетали порывы ветра. Было мерзко.

– Ну, на этот счет есть много теорий, – ответил Сабж. – Некоторые считают, что температуры Солнца хватает, чтоб выжечь в Океане коридор, и само оно как бы и не соприкасается с водой. Кто-то говорит о силовых полях.

– А ты как думаешь?

– А мне, если честно, по фигу.

Капли все реже срывались с выступов скалы и карнизов крепости. Их монотонный стук давил на веки и замедлял дыхание. Я хотел расспросить у Сабжа о Капанте, потому что за обедом он не стал углубляться в подробности. Но сил на разговоры не осталось. В конце концов, чуть не вывихнув челюсть в момент зевка, я сдался.

Но, видно, мы попали в какую-то кармическую заусеницу, и все, что ни планировали, – шло не так, как должно было. Вот и теперь, стоило мне капитулировать и смежить веки, как снаружи, едва ли не из-под окна послышался леденящий... С чем сравнить этот звук? В нем слились скрип, свист, шипение. И тут же вслед за ним раздался знакомый предсмертный визг живого существа.

Я схватил дробовик и бросился к окну, где уже, вытянув руки, стоял и хлопал глазами Сабж. К тому времени визг стих, и слышно было только громкое чавканье. Я осторожно, затаив дыхание, выглянул наружу.

Прямо под окном стенная кладка, едва заметно шевелясь, пожирала крысу Магараджу. Именно так это и выглядело! Труп огромного грызуна, вздрагивая, погружался прямо в камень.

– Капанта, – еле слышно сказал над моим плечом Сабж. – Единственная тварь в Эпицентре, которую не могут видеть даже Проводники.

Я медленно втянул голову обратно в комнату и удивленно уставился на него.

– То есть как? Я думал, вам по хрену мимикрия и все такое.

– Макс, я же говорю, Капанта мимикрирует идеально, изменяя не только цвет и форму. Я тебе больше скажу, никто из Проводников даже не представляет, как она на самом деле выглядит.

– Вот бы прикончить ее и притащить Полковнику... – неуверенно предложил я. Мы

разговаривали шепотом.

– Пробовали. Убить Капанту нельзя. По крайней мере, никому это пока что не удалось. Я имею в виду не только сталкеров. До войны на нее устраивали настоящую охоту – привлекая вооруженные силы, бронетехнику и всех, кто готов рискнуть собственной задницей.

Что-то в этой фразе мне не понравилось. Что-то важное, что-то нелогичное... Догадка ошпарила, как ожог.

– Ты хочешь сказать, что Капанта существовала здесь и до войны?

– Откуда мне знать? Я даже не представляю себе толком, что это такое! Известно, что Капанта обычно сидит в подвалах и питается тем, что там водится. Наружу ее может выманить только крайняя необходимость. Такая, как сейчас. Но в этих местах еще с тех пор, как человек слез с дерева, ходит легенда о том, что иногда камни и трава в горах оживают и нападают на людей и животных. Якобы жестокий бессмертный дух просыпается и мстит человеку за грехи, ну, и все такое прочее. Имя духа – Капанта, и считается, что это женщина, хотя, блин, я не знаю, какими половыми признаками наделены духи. В XVIII веке о Капанте вообще забыли: то ли она на поверхность не выползала, то ли выползала, но не нападала на людей. А может, просто решила отоспаться. В XIX веке снова пошли слухи об оживающих камнях, правда, в другом районе, в нескольких километрах отсюда. Так что первое, что сделал парень, отстроивший эти хоромы, – это забетонировал все выходы из пещер в округе. Но я самолично видел дыры в бетоне, которые ведут из подвала куда-то очень глубоко вниз, в катакомбы. И выглядят они так, как будто их прогрызли, Макс. Причем изнутри. Так вот, в XX веке Капанта не появлялась, хотя парочка охотников пропала неизвестно по какой причине. Думаю, эта тварь опять надолго уснула. А во время бомбардировок проснулась.

Я сидел, сжимая в потных руках дробовик и пристально глядя в стремительно сгущающуюся темноту за окном, готовый в любую секунду открыть пальбу.

– Сабж, а эта штука соблюдает конвенцию? В смысле, в Нулевую она может сунуться?

– Если Капанта просто животное, то нет. Она слишком долго жила в условиях Эпицентра.

– А почему ты сказал «если»?

– Ну... Потому что если Капанта все-таки дух... тем более женский... то хер ее знает, что с ней может произойти.

– Спасибо, – кивнул я, не отрывая глаз от окна. – Тебе бы колыбельные грудничкам петь.

* * *

Той ночью я так и не уснул. В отличие от Сабжа, который сопел и всхрапывал на своем тюфяке с таким видом, будто вернулся домой после нелегкого трудового дня, выпил пивка, посмотрел футбол, отмазался от секса с женой и добился, наконец, заслуженного отдыха.

Среди ночи, оглушительно всхрапнув, Сабж вдруг вскинулся на тюфяке и уставился на меня мутными со сна глазами.

– Ты чего не спишь, Макс?

– А ты как думаешь?

– А... – Сабж посмотрел на окно, потом снова на меня. – Из-за Капанты?

– Да нет, просто волнуюсь: вдруг к нам Джим Мориссон на НЛО залетит, а мы спим.

– Макс, если Капанта – животное, она не пройдет в Нулевую. А если нет, то ты с ней все равно ни хрена не сможешь сделать. Лучше отоспись, завтра будет жаркий денек.

Но я так и не уснул.

62. Сустейн

Утро было хмурое. Оно шифровалось под камень скал, сливаясь с ними, словно та

самая пресловутая Капанта, а может, выползло из складок горной породы. Утро пропиталось бесцветностью, как простыня потом. Я подошел к окну и долго смотрел вверх. Никакого намека на то, что в сплошном облачном покрывале прячется солнце. Наоборот, стало казаться, что над головой – асфальтовая твердь, которая подсвечивается снизу прожектором с закопченным стеклом. Тогда я опустил голову вниз и в скудном сером свете разглядел под окном несколько темно-коричневых пятен.

- Доброе утро, – невесело сказал Сабж.
- Куда уж добрее, – кивнул я, не оглядываясь.
- Давай кого-нибудь срочно сожрем.
- Давай. Пока никто не сожрал нас.

Ели мы без аппетита, молча, замирая при каждом звуке снаружи. Было жутко, и каждый кусок норовил застрять в глотке.

* * *

- Сабж, мы же не можем сидеть тут до скончания века, правильно?
- Угу.
- И воды нам не хватит надолго. Так?
- Угу. Что предлагаешь, Макс?
- Я?
- А почему нет? Что предлагаешь?
- Ну... Хрен знает.

Пустые картонные тарелки тлели в маленьком костерке, который я на скорую руку соорудил из остатков дров. Приготовить на нем завтрак не удалось, так что он служил для нас скорее чем-то вроде арт-объекта. Сабж сидел спиной к окну и вяло, без аппетита дожевывал мясо.

– Макс, – он вытянул из кармана кисет, посмотрел на него с сомнением и убрал обратно, – скажи, вот ты же очень начитанный, да?

- В смысле?
- Ну, в смысле, ты много читаешь. И вообще неглупый, да?
- Ну, хрен знает. Наверное.

– Так почему же ты на большинство вопросов отвечаешь: «Хрен знает»? – впервые за все время нашего с Сабжем общения я услышал в его голосе раздражение.

Резкий и краткий, как удар электрошоком, порыв ветра влетел в окно и взвил огонь костерка в последнем судорожном рывке. И тут же все стихло.

– Ну понимаешь, я читал много как раз для того, чтобы со спокойной совестью отвечать на любой вопрос: «Хрен знает». Такое объяснение пойдет?

– Ага, понимаю: «Он настолько хороший художник, что может позволить себе рисовать плохо».

- Но к чему ты это спросил?
- Хрен знает. Давай собираться.

Я удивленно уставился на Сабжа. Складывалось ощущение, что у парня напрочь отшибло инстинкт самосохранения.

- А Капанта?
- Я видел ее.
- Ты же сказал, что не можешь ее видеть.

– Когда она двигается быстро – могу. Она нырнула в подвал за какой-то крысой. Как раз, когда ты разводил костер. Думаю, в ближайшее время она не вылезет.

У бесцветного утра был один плюс – воздух стал таким прохладным и влажным, что пить совсем не хотелось. Мы обвешались флягами, как рождественская елка гирляндами. Кроме того, я тащил здоровенную канистру с водой, к которой мы приделали ремни на манер ранца. Ноша была неудобной, но зато – я это проверил – в случае необходимости ее было

легко скинуть.

Мы вышли. Сабж торопился, как никогда прежде. Он то и дело закатывал глаза, но ни разу не остановился. Дважды с широкой и, на первый взгляд, вполне проходимой дороги он сворачивал на какие-то сомнительные тропинки, зажатые в скалах, как закладка в книге. Некоторые из них были такими узкими, что мне приходилось снимать с плеч канистру и передвигаться боком. Когда в одном из совсем уж узких проходов мы едва не застряли, я не выдержал:

– Сабж, я много раз ходил через Дракона. Зачем ты ведешь меня этими крысиными ходами? Там что, от дороги вообще ни хрена не осталось?

– С дорогой все нормально, – ответил Сабж, явно думая о чем-то своем.

– Не понял.

– Купи словарь.

Сабж наконец остановился. Мы оказались в странном колодце, образовавшемся на перекрестке нескольких ущелий, расходящихся британским флагом.

– Боже, храни королеву, – сказал Сабж, усаживаясь на камни. – А мы будем ждать.

– Чего?

– Когда я опять замечу Капанту.

Я медленно повернулся к Проводнику. Он отвернулся, сел на землю и начал преувеличенно тщательно перешнуровывать ботинки.

– Ты же сказал, что Капанта ушла в пещеры.

– Я наврал. Просто известно, что эта тварь, наевшись, отсыпается. Когда мы вышли, она спала. Потом почуяла нас и проснулась. Я видел, как она рванула за нами. А еще заметил, как осыпаются камни по краям дороги. Капанта – не маленькая, Макс, это факт. Именно поэтому мы два часа ползали по ущельям. По самым, мать их, узким.

– погоди... Ты провел нас, там, у Глаза...

– Ну да. Понимаешь, я не хотел, чтоб ты начал палить. Тогда бы Капанта нас точно накрыла. А так, пока она спала, мы смогли уйти довольно далеко. Но дальше нам ущельями не пройти. И Капанта сидит впереди, прямо на дороге. До нее – метров двести, по крайней мере, до того места, где я ее последний раз заметил. Думаю, она затаилась и ждет нас.

– И...

– И если ты не станешь меня отвлекать, я постараюсь сделать так, чтоб она дождалась кого-нибудь другого. А ты готовься, скоро придется стрелять.

Я стоял, онемев от возмущения. Хотелось взять дробовик за ствол и со всей дури вбить голову Проводника в плечи. Но ведь он был прав, вот в чем фишка.

– Я собираюсь открыться на секунду, – продолжал Сабж как ни в чем не бывало (но при этом не глядя на меня), – и организовать небольшую Волну, как делают Вызывающие. Она пойдет вот по этим трем ущельям. – Он махнул руками туда, где по моим (неуверенным) расчетам находился север.

– Зачем?

– Чтоб эта сука нажралась на год вперед и спала до явления Христа народу. А потом...

– А потом я набью тебе морду, – сказал я.

– А потом ты набьешь мне морду, – устало согласился Сабж.

Я медленно поставил канистру на землю, снял с пояса фляги и передвинул к пряжке подсумок с дробью. Осторожно отстегнул пакет с тремя игрушками Моргана-младшего и положил его на скальный выступ – так, чтобы можно было легко дотянуться в случае крайней нужды.

Где-то высоко над нами, в большой серебристой летающей тарелке, Джимми Моррисон сказал Брайану Сетзеру: «Давай, парень, не тяни», – и тот, потрянув коком, повесил вибрирующий сустейн, причем так, что медиатор разлетелся в черную муку.

Я чертовски устал за этот трип. Мне чертовски не нравилось то, что сейчас происходило. А кроме того, у меня было чертовски много вопросов к Эпицентру. Не важно, как он выглядел в тот момент: как скалящийся серый ублюдок или как тупой бронированный

хофман. Главное, что с ним можно было общаться нормальным, членораздельным языком спущенного курка. Я хотел напомнить Эпицентру о Буги и о трех годах в Самерсене. О том, за что любил эту выжженную войной территорию и за что ненавидел. Мы же, люди, – существа социальные. Так вот, я просто хотел пообщаться со старым другом, потравить байки, перебрать старых знакомых, кое о чем напомнить. Не моя вина, что мы с ним могли общаться только на языке спущенного курка и выдернутой чеки. Однако меня, видимо, приперло, и я хотел выложить Эпицентру все, что накопело. Просто так, чтобы *Он, Эпицентр*, не забывал. И даже если *Ему* по фигу, для меня это было важно.

– Давай, – сказал я Сабжу и передернул помпу дробовика, – не тяни.

– Here we go, – усмехнулся он и закрыл глаза.

63. В данную минуту

Давным-давно, еще в детдоме, но уже в каком-то из старших классов, я попал на показ фильмов Тарковского. Они показались мне скучными и недостойными внимания. Это нормально. В том возрасте я предпочитал книги, которые начинались фразой: «Джонни достал свой бластер» и заканчивались словами: «Джонни убрал свой бластер». Так вот, фильм «Сталкер» вызвал у меня только недоумение. Ведь при всем антураже и множестве намеков на некую потустороннюю силу, в фильме ничего не происходит, разве что только полупрозрачная ворона летает по туннелю и сама претя от собственной полупрозрачности. А значит, нет доказательств тому, что сталкер не кинул этих двух сусликов с высшим образованием. То есть не факт, что он водил их именно в Зону, а если и водил, то не показано, что там реально происходит. Может, и нет никакого исполнителя желаний, Зоны, пикника на обочине, а просто несколько человек, называющих себя сталкерами, нашли способ слупить бабки с наивных идеалистов... Напоминаю, речь идет о фильме, а не о его литературном источнике.

Но прошло время, и теперь мне все видится иначе. Это зрелость, и это нормально. Возраст, когда боль уже не оставляет заметных синяков, и только по мозолям иногда можно понять, что было больно, но мозоли – дело привычное, особенно для нас, тех, кто сросся с Эпицентром.

Так вот, в фильме Зона подана, словно костюм-домино – с одной стороны, как наказание, а с другой – как благословение человеку. И только от него самого зависит, какой стороной он повернется к миру, надев этот костюм, – светлой или темной. Это тоже идеализм, потому что в реальности, увы, человек может определить только следующий шаг, ближайшее будущее, а настоящее, далекое будущее и прошлое от него не зависят. Фишка в том, чтобы каждый отвечал именно за эту секунду. Может, это и не противоречит основному посылу фильма, но содержит несколько иной, более конкретный меседж. Какой бы стороной ты ни повернулся сегодня к миру, завтра он снова поставит тебя перед выбором, и так будет постоянно. Вся жизнь – это квест в духе «если – значит». А черный и белый цвета в ней так часто меняются, что сливаются в один сплошной серый цвет.

Эпицентр – не Зона Тарковского и даже не Зона братьев Стругацких. Это не благословение и не наказание, а такой глобальный унитаз, куда однажды спустили все дерьмо душ человеческих. Оно там и осталось, а человек, гадя, где ни попадая, жить там, где нагажено, не любит и не может. Такие вот дела. Очередное противоречие.

Как-то раз я поделился своими мыслями об Эпицентре с Полковником. Он заметил, что это близко к правде, но не совсем правда, потому что любое дерьмо – удобрение, и главное – знать, что и когда посадить на компостной яме. Но я, хотя и сам – культура, выросшая на компостной яме Эпицентра, до сих пор не уверен, что Полковник был прав. А я – это то небольшое, что мне известно о человечестве.

Я не был жесток, напротив, тем серым утром я был нежен, осознанно заботлив и прямолинеен с теми, кого убивал. Я действовал наверняка, всаживая заряд в лбы и распахнутые пасти. И мне было немного стыдно за то, что они могли идти на меня максимум

по одиночке, редко по двое, зажатые в коридорах ущелья. А я всего лишь слегка поворачивал торс и напрягал левый бицепс, передергивая помпу. Мы были в неравном положении, и поэтому я старался не делать им больно, а если случалось, что лишь ранил ту или иную тварь, торопился сразу же добить ее, визжащую и не понимающую, как то, чему надлежит быть сожранным, перемолотым мощными челюстями, может приносить столько боли. Нет, я не пытался открыть им глаза на жизнь, скорее наоборот, закрывал эти глаза матовой пленкой смерти. Но при этом не испытывал ни ненависти, ни злости, ни превосходства.

Я говорил с Эпицентром на его языке. Вернее, на чем-то вроде эсперанто – языка, понятного двум различным культурам. Ведь неважно, что у тебя в руках – дубина, помповик или пульт управления баллистическими ракетами. Это не язык, не аргумент, не способ общения, это всего лишь коммуникаторы. Но мы с Эпицентром прекрасно понимали друг друга, потому что общались на языке уже умершего и пока что выжившего. На самом простом языке, в котором эпитеты играют значительно большую роль, чем глаголы. Потому что на самом деле неважно, что именно ты делаешь – тому, что от тебя останется, будет до лампочки, какие из твоих деяний вошли в анналы истории, а какие канули в Лету. Важно, *как* ты это делаешь в данную минуту – именно от этого зависит, *что* ты – сейчас, «пока еще жив» – чувствуешь. И эти чувства, эти мимолетные, едва заметные пунктирные линии становятся маяками на узкой косе земли между «пока еще жив» и «уже умер».

Так вот, мы с Эпицентром понимали этот язык. А то, что в разговоре присутствовал некий элемент пусть и не совсем честного, но соперничества, было даже хорошо. В споре рождается истина...

Я потерял счет времени и не могу сказать, как долго продолжался этот разговор. Просто в какой-то момент стало тихо. Я все еще механически поворачивался то к одному скальному коридору, то к другому, пока не услышал:

– Все, Макс, она ушла...

Голос у Сабжа казался высушенным, на нем словно облупилась краска.

– Мы можем идти? – спросил я, все еще выискивая глазами цель.

– Тебе придется нести меня, Макс. До Нулевой – три часа пути. Донесешь?

– Донесу.

Часть третья КОДА

64. Сквозь Эдем

Собственно, наверное, именно там, в ущельях, моим последним невербальным разговором с Эпицентром и закончился наш трип. Мы благополучно добрались до Нулевой, где долго лежали и восстанавливали силы. В основном это касается Сабжа, но и я, если честно, к тому времени здорово устал – сказывалось длительное пребывание на зараженной территории.

Впрочем, это уже не имело значения. Мы прошли все опасные зоны Эпицентра, все круги этого рукотворного ада. И пришли к последнему.

Мы называли эти обширные территории центральной части бывшей метрополии Нагасаки Эдемом, Райским кругом, Кругом Садов и Красным кругом. Там был идеальный климат – все росло буйно, не оставляя даже памяти о временах, когда эти земли заселяло человечество. Лес разрушил дома, асфальтовые и бетонные дороги, обрушил эстакады...

Это был именно лес, ничем не напоминающий джунгли пограничных территорий. Его гигантские деревья вырастали до сотни метров высотой, а их стволы достигали 18 метров в обхвате всего за жалкие двадцать лет – совершенно нереальный срок для любого другого места Земли. Густой подлесок, тысячи видов кустарника, вьющихся растений и разнотравье под раскидистыми кронами деревьев превращали лес в непроходимую чащу. А из-за того,

что хлорофилл здесь заменял какой-то выработанный Эпицентром вид каротина, все листья и травы приобретали разнообразные оттенки красного. Здесь, в центре планетарного диска, не существовало времен года и стояла вечная осень, прекрасная и манящая. Если не знать, насколько опасна эта красота. Смертельно опасна.

Ни одна тропа не вела среди деревьев, ни один человек не побывал под их кронами. Впрочем, то же самое можно сказать и о тварях Эпицентра. Если и была какая-то фауна в этом последнем кругу Эпицентра, о ней ничего не известно.

Все эти прекрасные растения были смертельно ядовиты, и человек не смог бы пройти и десятка шагов в здешних буйных зарослях. Прикосновение к коре дерева или к траве несло мгновенную смерть. А пройти, не касаясь деревьев или кустарников (я уж не говорю о траве), было невозможно. Кроме того, некоторые растения Эпицентра могли выстреливать ядовитые споры, и у нас не было оснований думать, что здесь, в Кругу Садов, их нет. Короче, пройти сквозь лес было невозможно...

Полковник считал, что источником смертельного яда является та самая разновидность каротина, которая наделяла здешнюю растительность красками осени. Но именно благодаря этому территория избежала радиоактивного заражения. Полковник показывал мне некую схему фотосинтеза, свидетельствующую о роли каротина в уничтожении последствий войны. Надеюсь, его записи попадут к вам вместе с этой рукописью, и вы сможете в них разобраться. Я ни черта не понял.

И все же пройти через Эдем было возможно. Точнее, не пройти, а проплыть. Река Ойзханг, стекая с хребта Дракона, текла в глубь метрополии через лес.

Мы добрались до Нулевой, расположенной на берегу Ойзханга в полукилометре от лесной опушки, через двое суток после встречи с Капантой. У меня резко поднялась температура, видимо, из-за того, что понизился иммунитет. У Сабжа часто шла носом кровь, а однажды он даже уснул на ходу, причем, почти сразу пришел в себя. Нам все чаще приходилось делать привал. Я выбросил весь лишний груз: дробовик, битую, игрушки Моргана-младшего, излишки одежды. А километра за два до Нулевой скинул последнюю канистру и взвалил на плечо Сабжа.

В Нулевой нас ждала свернутая в большой рулон резиновая лодка и пластиковый насос. С частыми и долгими перерывами мне удалось надуть лодку только к середине второго дня. Но это было последнее усилие – все остальное за нас сделало течение Ойзханга. Неторопливое, оно несло нас чуть больше трех дней меж красно-золотых берегов Эдема.

Мы почти не разговаривали. Да и о чем нам было говорить? Мы потеряли Буги, и я не знал, как смотреть в глаза Полковнику. Мы потеряли груз... Сабж мрачнел с каждой минутой. Я пытался с ним заговорить, но без особого желания, да и сил на нормальный разговор не хватало.

Бо льшую часть путешествия по реке мы лежали, глядя каждый в свою сторону. Величественные деревья леса упирались алыми кронами в бледную синеву неба. Плеск воды и шелест листьев вскоре стали настолько привычными, что казалось, нас окружила первозданная тишина, почти забытая на планете Земля. Раньше я любил эту часть трипа. Здесь, наконец, можно было позволить себе расслабиться, и, хотя к этому моменту меня всегда начинал бить озноб, я не мог не смотреть на берега. На эти огненные стены, чуждую природу сердца Эпицентра, которая отказывалась принять нас, людей... И правильно делала, черт побери.

Кажется, я отключился утром третьего дня. Сабж лежал без сознания уже с вечера второго. Но дежурные на вышке заметили нас. Лодку поймали, а нас перенесли в диспансер.

65. Диспансер

Примерно неделя у меня ушла на то, чтобы оклематься. К концу этого срока я чувствовал себя вполне приемлемо. Разумеется, я еще не был готов к обратному пути, но уже шел на поправку. Температура спала, озноб прекратился и тошнота прошла. Появился

аппетит.

Это что касается физиологии. А вот мое душевное состояние было... Черт побери, оно было хреновое, и я не найду лучшего слова, чтоб описать его. Неудачный трип и гибель Буги не давали мне покоя, вгоняли в депрессию и мешали вернуться в мир Эпицентра. Было и еще кое-что... За всю неделю Полковник ни разу не побывал у меня. Он всегда навещал прибывших сталкеров, общался с ними, делился местными новостями. Но... В этот раз он не появился. Я не сомневался, что он знал о гибели дочери. Сам факт, что мы прибыли вдвоем, говорил об этом красноречивее любых слов. И я думал, что, возможно, Полковник винит в случившемся меня, ведь он знал о наших с ней непростых отношениях. Я хотел поговорить с ним, попытаться объяснить. Но не мог пойти к нему сам, а он в диспансере не появлялся.

На восьмой день я смог самостоятельно встать и выйти на улицу. Диспансер располагался в приземистом двухэтажном здании неподалеку от границы Территории Штиля. К зданию примыкала большая веранда, и обычно я, поправившись, проводил на ней много времени. Тут было хорошо, и возникало ни с чем не сравнимое ощущение абсолютного покоя. Я много читал, думал о своей бесконечной рукописи, просто отдыхал. Там было здорово, на веранде. Но на этот раз я просто сел в большое кресло и уставился прямо перед собой. На столике лежала пачка сигарет. Я закурил в надежде, что уж здесь-то наконец успокоюсь и пойму, как жить дальше. Но не чувствовал покоя.

Полковник появился, когда я докуривал вторую сигарету. Я попытался встать, но ноги были, как ватные, и мне пришлось просто кивнуть. Старик молча кивнул в ответ, поднялся на веранду и сел в кресло напротив.

– Я подвел вас, – сказал я, выбивая из пачки третью сигарету. Во рту уже стояла неприятная горечь, но сигарета давала возможность опустить глаза и занять чем-то руки.

– Я говорил с Сабжем, – помолчав, произнес Полковник. – Он рассказал мне, как все случилось. Это... – Он медленно перевел дыхание. – Я всегда знал, что это может случиться. Но, конечно, верил, что она избежит... Теперь это неважно, Макс, но мне, отцу, трудно смириться с мыслью, что моя дочь ушла раньше меня. Хотя, возможно, это и к лучшему...

Я поднял глаза и посмотрел на него. И вдруг заметил, как сильно он изменился – постарел, волосы поредели и в выражении лица появилась какая-то болезненная слабость, совершенно не характерная для этого очень сильного человека.

– Не смотри на меня так, Максим. Я сказал то, что хотел сказать. Нам еще предстоит разговор, который все разъяснит. Но сейчас мне очень нужно, чтобы ты как можно скорее поправился. Я буду навещать тебя.

– Через неделю я смогу двинуться в обратный путь. Если Сабж...

– Тебе не нужно идти обратно. Для тебя есть важное задание здесь.

– Полковник, мы не смогли донести груз, и...

– Вы донесли груз, – перебил меня старик. – Грузом был ты, Максим.

– Я?!

– У меня сейчас нет времени объяснять. – Полковник тяжело поднялся и пошел к выходу с веранды. – У нас с тобой вообще осталось не так много времени, а еще столько нужно сделать... Я приду вечером, и мы с тобой обо всем поговорим.

– Я... Хорошо. Но я могу увидеть Сабжа?

– Он умер вчера ночью. – Полковник неопределенно махнул рукой, как будто отгоняя от лица табачный дым. – Просто не проснулся...

66. Не о чем жалеть

Прошло почти полгода с тех пор, как мы вошли в Эпицентр. Мне еще не приходилось оставаться тут так надолго. Я скучаю по своему дредноуту, по трассе «1969», мне жаль, что я уже никогда не увижу старину Фрэнка и паромщика Жака, что не смогу купить зонт и забросить его на Гремящий Дуб. А больше у меня ничего не осталось там, за бетонной стеной кордона, так что, когда Полковник сказал, что я больше не вернусь туда, я только

пожал плечами. И остался на Территории Штиля. Тут у меня было дело, в важности которого я сомневался. Но я остался.

Сабжа похоронили на другом краю Территории Штиля. Там, где ее граница ближе всего подходит к опушке Красного леса. Чертовски красивое место... И за последние несколько месяцев не было дня, чтобы я сюда не пришел.

Небольшой серо-коричневый могильный камень с именем и датами. «Самюэль Канеген, 1967–2007. Проводник». Придя сюда в первый раз, я стоял и думал, какого черта не могу заплакать, завывать, как тогда, над могилой Буги. Но... В этот раз все было иначе. Я не чувствовал горечи утраты, наоборот – испытывал что-то сродни облегчению. Я ведь знал, что Сабж болен, что он уже на пороге смерти. Я понял это еще тогда, на трассе «1969». И вряд ли можно было найти лучшее место для его могилы, чем здесь, на краю Территории Штиля, куда в солнечную погоду легко достают тени от деревьев Красного леса.

Так уж вышло, что я узнал настоящее имя Сабжа только у его могилы. В этом тоже есть какая-то неправильная закономерность.

Я приволок из диспансера кресло и часто сидел здесь с ноутбуком. Почти вся эта рукопись написана под шелестящий монолог прекрасного и ядовитого леса.

67. Территория Штиля

Полковник пришел ко мне тем же вечером, как и обещал, и мы проговорили почти до самого утра. То, что он рассказал мне... Черт, это смахивало на плохую шутку. А впрочем, само появление человечества можно назвать шуткой природы, так что его гибель вполне годится для одного из номеров вселенского шапито. По крайней мере, этому сюжету вряд ли нашлось бы место в драматическом театре.

...Около семи лет назад Полковник получил информацию о существовании закрытого научного института на территории Токийской метрополии. Институт был тщательно засекречен, но у Полковника имелись свои источники информации. Он выяснил, что в работе института принимают участие ученые всех четырех существующих метрополий. Возник закономерный вопрос – от кого же он тогда засекречен? Как выяснилось впоследствии – от обычных людей. От таких, как я, как мой приятель Фрэнки, как любой из миллиардного населения планетарного диска.

Предметом исследования была Черепаха. Великая Черепаха, которая плывет сквозь Великий Океан и тащит на себе слонов и Землю. И, в частности, странные изменения в ее поведении, которые начали происходить в последние десятилетия.

– Ты знаешь, – говорил Полковник, – мы крайне мало знали о ней. Говорили даже, будто она давно мертва и по Океану плывет пустой панцирь... Так вот, ученые института выяснили, что она не только не мертва, а очень молода. Я бы даже сказал, юна. А изменения в ее поведении объясняются... Ну, назовем это – завершением пубертатного периода. Проще говоря, нашей девочке захотелось найти себе мальчика. И она, подчиняясь инстинкту продолжения рода, начала подавать сигналы... А не так давно была замечена другая Черепаха, которая стремительно приближается к нашей. Надо полагать, это самец, уловивший сигналы нашей девочки...

– Полковник, я все еще не совсем понимаю...

– А что тут понимать. Однажды самец доплывет и полезет на панцирь к нашей Черепахе. Не думаю, что физиологически спаривание Великих Черепашек как-то отличается от того, что происходит с их обычными родственниками.

– Но... Они столкнут с панциря слонов, и...

– ...И Земля рухнет в пучину морскую. Точнее, океанскую. Именно так, Макс. Грядет самый нелепый из всех вариантов конца света. И мы бессильны что-то изменить. Нам не остановить самца и не заставить нашу самку забыть об инстинкте продолжения рода... Земля обречена, друг мой. И человечество тоже. Мы не в состоянии ничего этому противопоставить. Так что, полагая, то, что институт был засекречен, – вполне оправданная

мера. Представь, что сейчас творилось бы на Земле, стань эта информация публичной. Паника... В лучшем случае. Множество случаев суицида, убийства, анархия... Конечно, в свете грядущего апокалипсиса все это кажется мелочами. Но... пусть уж люди доживут спокойно. Впрочем, насколько я понимаю, секретность планируют снять за несколько месяцев до того, как опасность станет очевидной. Будут организованы пункты по раздаче сильнодействующего снотворного. Думаю, это произойдет не сегодня завтра.

– Завтра? Я думал, речь идет о каком-то неопределенном будущем...

– Все, к сожалению, вполне определенно, Макс. Вряд ли у человечества осталось больше года. Скорее всего меньше... Потому я и заказал дочери этот трип.

Мы молчали. Полковник устало, я – подавленно. Было тихо. Только лес шумел за границей Территории Штиля...

– Видишь ли, я подумал.... Мы бессильны что-либо сделать, как-то предотвратить угрозу. Но... Мне кажется, было бы неправильно, если бы человечество исчезло бесследно. Со всеми своими достижениями и ошибками. Здесь, на территории Нагасаки, оказывается, есть ракетная база. Она погребена глубоко под землей в бетонном саркофаге, так что Эпицентр не смог ее разрушить. Мои инженеры нашли способ запустить управляемую ракету с грузом. Мы могли бы сделать так, чтобы такая ракета вонзилась в панцирь нашей Черепахи... Возможно, грядущая цивилизация или цивилизация другого планетарного диска обнаружит этот груз – специальный контейнер, достаточно прочный, чтобы выдержать удар и сохранить содержимое: оцифрованную информацию о культуре Земли, ее истории, литературе... Но самое странное... Ты знаешь, по всей видимости Эпицентр знал об этой базе. Ведь вторая точка, которую чувствовал Сабж, – именно там. Эпицентр хотел, чтоб мы ее нашли... Так что, наверное, в моем начинании есть смысл.

– Но, Полковник, как могу помочь в этом я? Я же сталкер, а не ученый.

– Кто-то должен рассказать и о сталкерах. О таких, как ты, Сабж... Как моя дочь. А ты, я знаю, пишешь. Кому, как не тебе, это сделать. Поэтому ты и стал грузом, который не менее важен для меня, чем все остальные, приходившие через Эпицентр.

68. Глава последняя

Вот, собственно, и все... С тех пор прошло несколько месяцев. Я каждый день приходил к могиле Сабжа с ноутбуком под мышкой и парой бутылок пива в карманах. Садился и описывал все, как умел. В двух десятках метров от меня шумел гигантскими красными кронами лес Райского круга. Иногда я откладывал ноутбук, закуривал, открывал бутылку и молча смотрел на эти странные деревья. Красивые и смертоносные. Человечество тоже было таким – по-своему красивым и по-своему смертоносным. Если бы еще оно не было таким глупым и смешным... Смешное часто вызывает грусть... Так вот, мне иногда было грустно там, у могилы моего друга Сабжа. Определенность имеет и сильную и слабую сторону, как музыка имеет и сильную и слабую долю. Мне не нравилась эта определенность. И все же я писал – криво, неумело и очень торопливо. Времени-то оставалось совсем мало. Я не оправдываюсь. Хотя нет, именно оправдываюсь, потому что история о сталкерах должна и могла быть иной. Если бы ее писал кто-то другой, или если бы у меня было больше времени, или возможность все продумать... Но у меня ничего этого не было. Были только ноутбук, могильный камень и несколько бутылок пива.

Может, получилось и не совсем то, чего ожидал от меня Полковник... Но теперь даже мне легко признать, что я никогда не был хорошим писателем. И у меня вышла скорее какая-то исповедь, ведь, по большому счету, эта рукопись – рассказ обо мне. Но, видите ли, я – это то небольшое, что мне известно о человечестве. И то, за что я могу с известной степенью искренности отвечать.

ЭПИЛОГ

Сегодня 22 сентября 2007 года. Если верить Полковнику, до конца света осталось чуть больше двух недель. Я понятия не имею, что сейчас творится в мире. Знаю только, что большинство сталкеров уже собрались на Территории Штиля, и каждый из них получил шприц.

Нет смысла страдать. Человечеству остались считанные дни. Сейчас я передам рукопись Полковнику. Он не успеет ее прочитать, и может, это к лучшему. Группа инженеров и сталкеров отправится на ракетную базу... но я с ними не пойду. Я сделал все что мог в этой истории, и у меня есть свои планы на последние дни. Мой рюкзак доверху набит продуктами, медикаментами и боеприпасами. Я отлично себя чувствую и готов рискнуть войти в Эпицентр в одиночку. Собственно, я надеюсь добраться только до обратной стороны Дракона. Надеюсь, Капанта все еще спит в своих пещерах, в противном случае шансов достигнуть цели у меня маловато.

Я, видите ли, задумал небольшой пикник на обочине. По крайней мере, мне кажется, что это совсем неплохой способ встретить конец света. Я буду сидеть, прислонившись спиной к каменной стене, пить пиво, курить и смотреть на то, как закат сменяется восходом. Алкоголь и никотин вредны для здоровья, и меня это забавляет. Я буду кидать вниз пустые бутылки, а новые открывать об камень, формой напоминающий мотоциклетный бак. Черт побери, в моей жизни был только один человек, который мог бы составить мне подходящую компанию... ну да, у нас были разногласия, и мы даже хотели прикончить друг друга. Но теперь это не имеет значения, теперь вообще мало что имеет значение.

В общем... Я сказал и сделал все, что хотел. У меня почти не осталось долгов перед этим миром, и я прощаю ему все его долги. Осталось только заскочить попрощаться с Сабжем, пожать руку Полковнику и... Вот черт, это все. Есть, конечно, еще один человек, с которым я бы с удовольствием выпил, но до мотеля «Road Movie» слишком далеко... Непреодолимо далеко.

Ладно.

Vaya con Dios¹⁴!

22 сентября 2007 года Москва

¹⁴ С богом! (исп.)